

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Научно-исследовательская лаборатория
«Когнитивная лингвокультурология»

СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ НИУ «БелГУ»

Кафедра филологии

Язык. Культура. Социум: реалии, категории и механизмы взаимодействия

Сборник научных трудов по итогам
международного научно-практического семинара
по вопросам филологического образования и межкультурной
коммуникации

Старый Оскол

2014

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус
Я 41

Печатается по решению
Редакционно-издательской комиссии
Старооскольского филиала ФГАОУ
«Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

Редакционная коллегия:

Н.Ф. Алефиренко, д.филол.н., профессор., Заслуженный деятель науки РФ (научн. ред.)
Н.Н. Семенов, к.филол.н., доцент (отв. ред.)
Л.Н. Разинкова, к.пед.н., доцент
Г.А. Лисицына (секретарь).

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Е.Г. Озерова
доктор филологических наук, профессор Г.В. Токарев

Язык. Культура. Социум: реалии, категории и механизмы взаимодействия.

Я41 Сборник научных трудов по итогам международного научно-практического семинара по вопросам филологического образования и межкультурной коммуникации (октябрь 2013 г.). – Старый Оскол: Изд-во «РОСА» / СОФ НИУ «БелГУ», 2014 г. – 244 с.

ISBN 978-5-905922-34-3

В сборнике представлены научные статьи участников международной научной конференции, состоявшейся 1-2 октября 2013 г. в рамках программы международного научно-практического семинара по вопросам филологического образования и межкультурной коммуникации, а также работы труды учёных российских и зарубежных вузов, посвящённые дискуссионным проблемам взаимодействия языка, культуры и общества в аспектах социолингвистики, лингводидактики и когнитивной лингвокультурологии: затрагиваются вопросы взаимосвязи языка и культуры применительно к задачам современной русистики и освещается круг проблем, связанных с исследованием этнокультурного пространства русского языка.

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус

Ответственный за выпуск Н.Н. Семенов

*Материалы печатаются без редактирования с файл-оригиналов,
представленных авторами в редакционную коллегия*

ISBN 978-5-905922-34-3

© Старооскольский филиал НИУ «БелГУ», текст, 2014
© Изд-во «РОСА», оформление, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ	
Абакумова О.Б. (Россия, Орёл) <i>Русский культурный пословичный концептстереотип Правда</i>	8
Алефиренко Н.Ф. (Россия, Белгород) <i>Культурологический потенциал образного слова.....</i>	16
Афонин С.В. (Германия, Галле-Виттенберг) <i>Прагматика словообразовательных элементов при обращении.....</i>	27
Вавринюк Т.И. (Украина, Кривой Рог) <i>Устойчивые сочетания в контексте украинской народной сказки</i>	33
Варгова З. (Словакия, Нитра) <i>Основные вехи в развитии когнитивной лингвистики</i>	40
Воронкова О.А. (Россия, Старый Оскол) <i>Этнокультурные смыслы в аспекте внутренней формы знаков косвенно-производной номинации.....</i>	46
Высочаньски В. (Польша, Вроцлав) <i>Паремнологическая картина осуществления правды, неполной правды, отсутствия правды и неправды.....</i>	54
Зубарева Н.Н. (Россия, Старый Оскол) <i>Лингвистические основания этимологического анализа как методического приёма.....</i>	64
Кажан В.И., Калинина В.П. (Украина, Кривой Рог) <i>Конфессиональная лексика в прозе Н.С. Лескова</i>	73
Колоиз Ж.В. (Украина, Кривой Рог) <i>Достижения и перспективы украинской паремиографии.....</i>	85
Корина Н.Б. (Словакия, Нитра) <i>Особенности фразеологических родственных номинаций в славянских языках</i>	97
Коростенски И. (Чехия, Пльзень) <i>К вопросам процесса концептуализации /русско-чешское сопоставление.....</i>	107

Кугель А.В. (Россия, Орёл)	
<i>Пословицы как средство отражения мировоззрения народа</i>	<i>113</i>
Куманок О.В. (Россия, Старый Оскол)	
<i>Фразеологизмы как средство организации пространства</i>	
<i>художественного текста (на материале поэзии Н. Гумилёва)</i>	<i>118</i>
Литвин Е.Ю. (Россия, Москва)	
<i>Методологические проблемы концепт-анализа</i>	<i>123</i>
Мельник Н.Г. (Украина, Кривой Рог)	
<i>Украинская социально-бытовая сказка как отображение</i>	
<i>национальной ментальности</i>	<i>128</i>
Осадчая М.Н. (Россия, Старый Оскол)	
<i>Паремические аллюзии в контексте дискурсивной интенции</i>	
<i>(на материале творчества О. Мандельштама)</i>	<i>139</i>
Остроушко О.А. (Украина, Кривой Рог)	
<i>Социокультурная компетенция как важное условие межкультурной</i>	
<i>коммуникации</i>	<i>145</i>
Панко И. (Венгрия, Сегед)	
<i>Переосмысление функции «потертых ковров» в романе М. Булгакова</i>	
<i>«Белая гвардия» (атрибуты домашнего интерьера семьи Турбиных)</i>	<i>152</i>
Свистельникова С.А. (Россия, Старый Оскол)	
<i>Паремические аллюзии в современной коммунистической прессе</i>	<i>158</i>
Семененко Н.Н. (Россия, Старый Оскол)	
<i>Фреймовая структура паремического высказывания как проводник</i>	
<i>национально-специфического компонента семантики</i>	<i>162</i>
Степанченко И.И. (Украина, Харьков)	
<i>Интеграция наук о человеке как путь к демегафоризации</i>	
<i>лингвистических дефиниций</i>	<i>167</i>
Токарев Г.В. (Россия, Тула)	
<i>Символика дома в составе устойчивых выражений</i>	<i>173</i>
Украинец Л.Ф. (Украина, Полтава)	
<i>Лингвокультурологический аспект коннотации глухих</i>	
<i>[т], [т:], [т'], [т':] в украинском поэтическом языке XX XXI вв.</i>	<i>176</i>

Фоменко Е.Г. (Украина, Запорожье)	
<i>Динамизм индивидуально-авторской концепции</i>	<i>184</i>
Цегельская М.В. (Украина, Кривой Рог)	
<i>Межкультурная коммуникация как учебная дисциплина в подготовке будущих учителей английского языка в Украине</i>	<i>189</i>
Чеботарёва И.М. (Россия, Белгород)	
<i>Модификация фразеологизмов в онтогенезе детской речи</i>	<i>194</i>
Шарманова Н.Н. (Украина, Кривой Рог)	
<i>Паремия как тип клише и эстетический знак языка</i>	<i>199</i>
Шубина Н.Г. (Россия, Старый Оскол)	
<i>Русско-украинское языковое взаимодействие как фактор формирования оскольских говоров</i>	<i>210</i>
РЕЦЕНЗИИ	
Алефиренко Н.Ф. (Россия, Белгород)	
<i>Рецензия на учебное пособие «Українська пареміологія» (авт. : Ж.В. Колоуиз, Н.Н. Малюга, Н.Н. Шарманова.(Кривой Рог, 2014</i>	<i>217</i>
Семененко Н.Н. (Россия, Старый Оскол)	
<i>Квазиэталонны и стереотипы: к проблеме термина и метода (о монографии Г.В. Токарева «Человек: стереотипы русской лингвокультуры»)</i>	<i>221</i>
Сологуб Н.М. (Украина, Национальная академия наук)	
<i>Рецензия на навчальний посібник «Етнолінгвістика» (авт.: Н.М. Шарманова.(Кривий Ріг, 2014</i>	<i>224</i>
Харченко В.К. (Россия, Белгород)	
<i>Новое прочтение классики: размышления о книге Б.Н. Тарасова</i>	<i>227</i>
Харченко В.К. (Россия, Белгород)	
<i>Педагогический институт советского периода: о книге Е.В. Тонкова «Записки проректора</i>	<i>234</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема взаимодействия языка, культуры и социума как феноменов с очевидными глубинными связями давно находится в центре гуманитарных исследований в связи с таким традиционными проблемами языкознания, как проблема лингвогенеза, проблема сущности языка и объекта языкознания, а также проблема междисциплинарного подхода к дихотомичному объекту науки о языке. Вместе с тем, данное проблемное поле не теряет своей актуальности, что во многом обусловлено активным развитием новой методологической парадигмы, связанной с задачами когнитивной лингвокультурологии.

Когнитивная лингвокультурология как научное направление в числе иных задач ориентирована на выработку теоретического и методологического основания для выявления и характеристики максимально объективных и формализованных (насколько это позволяет характер философии языка) критериев определения характера взаимодействия языка, мышления и культуры.

Авторские материалы, вошедшие в данный сборник научных трудов в той или иной мере ориентированы на задачи когнитивной лингвокультурологии. В частности, один из центральных вопросов, регулярно освещаемых в систематизированных научных статьях, связан с определением статуса паремических знаков как синкретичных лингвокультурных единиц дискурсивной природы. Данная проблема разрабатывается в исследованиях О.Б. Абакумова, В. Высочански, Ж.В. Колоиз, Г.А. Лисицына, С.А. Свистельникова, Н.Н. Семененко, Н.Н. Шарманова.

Актуальной проблеме выявления закономерностей во взаимодействии прагматического семантического факторов в реализации дискурсивно обусловленного смысла посвящены работы Н.Ф. Алефиренко, С.В. Афонина, О.А. Воронковой, О.В. Куманок, М.Н. Осадчей, Г.В. Токарева, И.М. Чеботарёвой. Дискуссионные вопросы из области современной лингвокогнитивной теории освещают в своих исследованиях З. Варгова,

Й. Коростенски, Е.Ю. Линвин, И.И. Степанченко, Е.Г. Фоменко. Отдельные вопросы лингводидактики и компаративистики, связанные с применением лингвокогнитивной и лингвокультурологической методики разрабатываются в научных статьях Н.Н. зубаревой, О.А. Остроушко, М.В. Цегельской. Проблемы сопряжения методики этнолингвистического и лингвокультурологического анализа представлены в исследованиях Т.И. Вавринюк, В.И. Кажан и В.П. Калининой, Н.Б. Кориной, Н.Г. Мельник, И. Панко, Л.Ф. Украинец, Н.Г. Шубиной.

Отдельный блок в структуре сборника представлен научными рецензиями на монографические исследования.

В целом, научное направление сборника выдержано в соответствии с такими перспективными задачами современной антропоцентрически ориентированной лингвистики, как (1) моделирование отдельных категорий языкового сознания как лингвокультурного и лингвокогнитивного феномена, (2) поиск критериев объективного выражения национального менталитета в лингвокультурных единицах разного рода, (3) специализация методики анализа знаков косвенно-производной номинации, (4) разработка теоретических оснований лингводискурсивного анализа. Подобная актуальная направленность, на взгляд составителей и авторов сборника позволяет говорить о перспективности исследований и логической преемственности их результатов в контексте научно-дискурсивного пространства данного издания.

Н.Н. Семененко

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ПОСЛОВИЧНЫЙ КОНЦЕПТ-СТЕРЕОТИП *ПРАВДА*

Абакумова Ольга Борисовна

(Орёл, Россия)

Концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению, понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде [Колесов 2002: 122]. Лингвоконцепт как наследник выше перечисленных семиотических категорий отличается многопризнаковостью и многомерностью, наличием разных слоев и измерений. Исследователи выделяют разные по количеству и качеству семантические компоненты. Одни считают, что в глубине концепта «мерцает понятие», связанное с образом и действиями, закрепленными в значении знака [Ляпин 1997:18, 27]. Другие выделяют понятийную, эмоциогенную, а также этимологическую стороны, дающие начало ассоциациям и оценкам [Степанов 1997:41]. Третьи считают, что он образуется единством ценностных, образных и понятийных составляющих [Карасик 2004:109]. Многие отмечают наличие специфической языковой метафорики и ассоциативной сети «вещных коннотаций» имени концепта в системе языка [Чернейко 1997]. С.Г. Воркачев выделяет в семантическом составе лингвоконцепта понятийную, отражающую его признаковую и дефиниционную структуры, образную, фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и значимостную составляющую, определяемую местом имени концепта в языковой системе [Воркачев 2002:80]. Н.Д.Арутюнова выделяет онтологические, аксиологические, модальные, функциональные признаки объекта, которые выявляются в результате концептуального анализа [Арутюнова 1999].

Об органической взаимосвязи двух форм кодирования информации (когнитивной и языковой), опираясь на идею Ю.Н. Караулова об универсальности пропозициональной структуры как элемента всех ментальных процессов [Караулов 1987:194], пишет Н.Ф. Алефиренко, [Алефиренко 2005: 197-198]).

Отечественные и зарубежные исследователи культурной лингвистики утверждают, что в ее основе лежат два понятия: концепт и стереотип. Концепт представляет собой смежное явление с такими категориями, как фрейм, скрипт, когнитивный домен или гештальт (см.[Кубрякова 1996 и др.], а языковым стереотипом называют стереотипы сознания, установленные на материале естественного языка (см.[Pisarkowa 1994] и др.). Концепты принадлежат миру идеального, являются единицами концептуальной системы языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Стереотипы имеют двойственную природу, у них есть вербальная оболочка, которая дает возможность как описать стереотип, так и проникнуть в ядро концепта. Стереотипы являются элементами «наивной» языковой картины мира, которую мы понимаем как зафиксированное в семантике языка знание о мире, сложившееся у носителей языка в период становления языковых форм их национального языка.

В данной работе под пословичным концептом (правильнее сказать, под концептом-стереотипом) понимается совокупность семантических ролей, выполняемых именем в пословичных предложениях-высказываниях, представляющих типовые ситуации (фреймы) [Абакумова 2013]. Национальную специфику таких концептов представят специфические для данной языковой культуры семантические роли, отражающие типовые ситуации, в которых находит применение объект. Культурный пословичный лингвоконцепт-стереотип имеет обобщенную природу, он опирается на пословичный фонд культуры. Мы определяем его как совокупность семантических ролей, выполняемых именем концепта в пословичных

предложениях-высказываниях, которые отражают онтологические, аксиологические, гносеологические, модальные и др. признаки абстрактной сущности. Пословицы как речевые практики бытового дискурса объединяются общей темой и могут анализироваться как в актуализованном так и в неактуализованном режимах (как литературный дискурс) посредством аппарата РРГ. Исследуя пословицы в паремиологическом пространстве данной культуры, мы изучаем дискурс объекта, те «вещные коннотации», которые приобретает абстрактное имя через несвободную сочетаемость и которые выражаются через предикаты этого имени и выявляем типовую для данной культуры мифологему, связанную с традиционной идеологией данной культуры (такое понимание мифологемы см. в работах [Чернейко 1997]).

Культурный пословичный концепт-стереотип находится под влиянием системы пословиц данного языка и отражает языковой взгляд на мир, культурно детерминированное представление о каком-либо абстрактном понятии/явлении, и представляет собой ментефакт, объединяющий понятийный компонент, оценочный/ценностный компонент и образ, которые имеют языковое выражение в текстах пословиц национального языка. Культурные пословичные концепты-стереотипы являются в первую очередь хранителями ценностей народной культуры, имеют национально-детерминированный инвариант восприятия (термин Д.Б. Гудкова), определяющий нужный вектор ассоциаций.

Ценность, видимо, нужно считать исходным понятием для концепта. Ценность – понятие, используемое в гуманитарных науках для обозначения явлений, объектов, их свойств, абстрактных идей, воплощающих в себе общественные идеалы и выступающих как эталон должного. Вопросы ценности, оценки и ценностных ориентаций исследовались в первую очередь в модальной логике (аксиологическая модальность) и в аксиологии, под оценкой обычно понимают суждение о ценностях. Пословицы фиксируют вековой опыт народа и на бытовом уровне отражают проблемы, социально значимые для человека и человечества и, следовательно, содержат культурно-обусловленное

представление о ценностях, а также нормах социального поведения, принятых в данном лингвокультурном сообществе. Рассматривая ценности как стержневые концепты паремий, Л.Б.Савенкова построила классификацию пословиц по этому принципу, и в рейтинге ценностей русской культуры ценность «Правда» получила почетное второе место после «Семьи» (см. [Савенкова 2002]).

По материалам русскоязычных словарей нами было выявлено более 600 пословиц о правде и лжи. Базовыми для нас являются словари «Пословицы русского народа» В.И.Даля [Даль 2002], «Большой словарь русских пословиц» [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010], который включает более 70 000 пословиц с их точной паспортизацией, указанием на источник, время и место фиксации пословицы, а также словарь наиболее употребительных русских пословиц «Народная мудрость. Русские пословицы» [Мокиенко, Никитина 2011]. Толкования пословиц и исторические комментарии заимствовались в словарях «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П.Жукова [Жуков 1966], В.П. Зимина [Зимин,Спирин 2005]. Привлекались также и данные других словарей.

По данным всех словарей наиболее представленной в количественном отношении является категория *«квалитатив (прескриптив) нравственного поведения»*, поэтому мы будем считать ее ядерной. С ней конкурируют по данным словаря В.И. Даля (2009) две оппозиционные категории *«квалитатив справедливости»* и *«квалитатив отсутствия справедливости»*, каждая из которых значительно превышает прескриптивную категорию в количественном отношении. Поэтому мы считаем, что идея справедливости является ядерной для русского архаичного пословичного концепта, что подтверждается и другими исследователями (см. [Степанов 1997], [Воркачев 2010]). В двух словарях под редакцией проф. В.М. Мокиенко [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010, Мокиенко, Никитина 2011] прескриптивная категория имеет примерно одинаковое количественное наполнение с категорией *источников правды*, поэтому мы также считаем ее ядерной, но уже для современного

пословичного концепта. Представляется, что нужно включить туда и «*квалитатив ценности*», который по определению должен там находиться.

Ближняя периферия архаичного концепта представлена соответственно категориями «*квалитатив источника*», в котором большое место занимают пословицы категории «*квалитатив принадлежности Высшим силам*», «*квалитатив силы, могущества*» и «*квалитатив опасности, нежелательности*». Современный концепт на ближней периферии имеет категории «*квалитатив силы, могущества*», «*квалитатив опасности*», «*квалитатив превосходства правды над ложью*» и «*квалитатив отсутствия справедливости*». Остальные признаки занимают дальнюю периферию.

Категория «*квалитатив (прескриптив) нравственного поведения*» включает эксплицитные и имплицитные директивы, дающие указания о том, как нужно вести себя в обществе (в крестьянской общине) и дома (*Делай не ложью – все будет по-Божью. Неправдой свет пройдешь, назад не воротишься. Неправдою жить стыдно. Хлеб-соль ешь, а правду режь. За правду матку негневись, а скинь шапку да поклонись. Кто за правду горой, тот истый герой. Живи правдой в людях, живи правдой дома. Не ищи в селе, ищи в себе. Как ни хитри, а правды не перехитришь. Правда прямо идет, а с нею не разминешься. Правда прямо идет, а ни обойти ее, ни объехать*). Типичная иллокутивная сила: директив, который может быть выражен как эксплицитно (через форму повелительного наклонения), так и имплицитно (как косвенный директив). Пословицы содержат совет, рекомендацию, призыв, предупреждают о неприятных последствиях безнравственного поведения. Оценка объекта характеристики положительная.

Особенности восприятия действительности крестьянским сознанием вызвали к жизни контрастную категорию «*квалитатив приспособляемости или адаптивного поведения*»: *Правда хорошо, а счастье лучше. Правдой жить – ничего не нажить. Правдою богат не будешь. Правдой ни молотить, ни везать. Правдой жить – палат каменных не нажить. Правдой век не*

*проживешь, ошибешься и соврешь. Не плачь по правде, обживайся с **кривдой**. Правдой не обуешься, правдой не оденешься. Правдой сыт не будешь. **Прямо сорока летает**. На правде ничего не возьмешь. На правде взятки гладки. **Прямьей** века не изживешь. С нагольной правдой в люди не кажись. С **кривдою** жить больно, с правдой – тошно.*

Эти пословицы характеризуют объект через предикаты деятельности, но в ядре предиката находится отрицание, поэтому ситуации имеют статическую природу. Модальность аксиологическая и деонтическая, оценка пейоративная, появляется зооморфный код культуры, который связан с уничижением человека через сравнение его поведения с животными.

Рассмотрим пословицу **Прямо сорока летает** с интересующих нас позиций.

Используя расширенный аппарат А.Вежбицкой, можно представить модель смысловой структуры (наращение смысла пословицы) следующим образом:

- (а) желая оправдать себя;
- (б) я говорю: только птицы могут летать прямо, человек не птица, поэтому он не может поступать прямо, свободно, как птица;
- (в) я надеюсь, ты понимаешь, что это верно, справедливо;
- (г) сделай вывод: следует быть осторожным (утилитарные нормы по В.И. Карасику 2004).

Как уже упоминалось, самыми многочисленными в паремическом дискурсе объекта ПРАВДА по данным словаря пословиц В.И. Даля оказались категории «*квалитатив справедливости*» и «*квалитатив отсутствия справедливости*». Наличие двух противопоставленных друг другу категорий показывает, кроме всего прочего, на контраст, который играет весомую роль в познавательных процессах, о чем неоднократно писали ученые разных областей знания (подробнее о контрасте в пословицах см. в работе [Бочина 2002]). Наш материал (особенно русскоязычный) постоянно указывает на эту особенность

человеческого мышления и восприятия действительности, в данном случае абстрактных категорий.

Необходимо отметить, что русский пословичный стереотип демонстрирует динамику, что проявляется в изменении конфигурации концептуальных признаков в ядре и дальней периферии. В архаичном концепте «правда» ядерными признаками по данным словаря Даля были квалитативы справедливости и отсутствия справедливости. По данным словаря наиболее употребительных современных пословиц «Народная мудрость» [см. Мокиенко, Никитина 2011] идея справедливости была выявлена нами только через «квалитатив отсутствия справедливости», который занимает место на периферии. Хотя имплицитно идея социальной справедливости проявляется и в ядерной категории «прескриптив нравственного поведения»: *Кто за правду горой, тот истый герой. За правое дело стой смело. Правду молвишь, правду и чини*, и в категории «квалитатив силы, могущества»: *Правда в огне не горит и в воде не тонет*.

Анализ образной составляющей семантики пословиц позволил выявить концептуальную метафору пространственно-ориентационного типа, которая имеет следующий вид: «**верх-низ**» (*Правда тяжелее золота, а на воде всплывает. Правда, что масло, всегда наверху. Правда свята, на небо взята*), «**вперед-назад**» (*Неправдой путь пройдешь, назад неворотишься*), самой яркой является оппозиция «**прямо-криво**» (*Прямо сорока летает. Правда прямо идет, а не обойти ее, ни объехать. Прямьей века не изживешь*), которую, вероятно, следует считать разновидностью оппозиции «**центр-периферия**» по классификации, предложенной Дж.Лакоффом и М.Джонсоном [Lakoff, Johnson, 1980].

Исследование оценочной составляющей русского стереотипа показывает как положительную, так и отрицательную оценку объекта, в отличие от английского стереотипа. Эта оценка эмоциональная, сопровождающаяся

разными кодами культуры. Там, где выявляется отрицательная оценка объекта, чаще всего проявляется зооморфный код культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Абакумова, О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. – СПб: Алеф-Пресс, 2013. – 354 с.
- 2.Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
- 3.Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Бочина, Т.Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. – Казань: Изд. Казанского Университета, 2002. – 196 с.
- 5.Воркачев, С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып.3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С.79 -95.
6. Воркачев, С.Г. Держись правды: идея справедливости в тексте Библии // Аспекты креативной семантики. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010а. –С. 72-93.
7. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 530 с.
8. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
9. Колесов, В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448
10. Кубрякова, Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – С.90-93.
11. Ляпин, Н.П. Концептология: к становлению подхода // Концепты. –Архангельск, 1997. – Вып.1. – С. 11-35.
12. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Д: РостГУ, 2002. – 239 с.
- 13.Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
- 14.Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.
- 15.Lakoff, G, Johnson, M. Metaphors We Live By. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

16. Pisarkowa, K. Z pragmatycznej stylistyki, semantyki i historii języka: Wybór zagadnień. – Kraków: PAN IJP, 1994. – 299 s.

Словари:

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Совместная редакция В.И.Даля и И.А.Бодуэна де Куртенэ. В 2 х томах. – М.: Олма-Пресс, 2002.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – Изд.2е, стереотипное. – М.: Советская энциклопедия, 1966.

Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. –Ростов-на-Дону: Феникс, М.: Цитадель, 2005

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.:ОЛМА Медиа Групп, 2010.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. Русские пословицы. – М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2011.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗНОГО СЛОВА

Алефиренко Николай Фёдорович

(Россия, Белгород)

Лингвокультурология, в отличие от лингвострановедения, для которого был характерен избирательный, скорее иллюстративный подход к описанию культурных реалий, ставит перед собой задачу *целостного, системного представления единиц языка и культуры в их корреляции и взаимодействии*. Лингвострановедческие словари и страноведчески ориентированные исследования описывают понятия и факты общественной, экономической, культурной жизни страны, культурные реалии, связанные с ее историей, бытом, традициями, литературой, искусством, образованием и т.п. Лексические и фразеологические единицы, имеющие реальный прототип в пространстве или во времени, несут фоновые знания, с помощью которых единицы языка соотносятся с фактами культуры.

Лингвокультурология же «работает» на глубинном уровне семантики, с учетом системного и интегративного подходов к явлениям языка и культуры.

Соотнося значения культурно детерминированных единиц с концептами (кодами) общечеловеческой или национальной культуры, лингвокультурологический анализ дает им глубинную и объемную экспликацию. Примером может служить фразеологическая серия со словом *раб* в метафорически связанном значении: *раб страстей*, *раб желаний*, *раб привычек* (ср. также «*Раба любви*» – название фильма). Заложенная в этих сочетаниях культурная информация восходит к религиозному дискурсу и выражению *раб Божий*. В переносном значении слово *раб* указывает на зависимость человека от особенностей характера и обстоятельств, на его несвободу. Источником лингвокультурной информации может быть сопоставление языковых систем, в которых и лексические единицы, и концепты предлагают различное членение окружающей действительности: рус. *трав*а – нем. *Gras* *Kraut* (напр., лекарственная т.), *ягоды* (в том числе вишня, черешня) – нем. *Beeren* (но вишня и черешня для немецкого сознания – *Fruchte*), *костюм* – нем. *Anzug* *Kostim*.

Итак, лингвострановедение, которое изначально определялось как лингводидактический аналог или коррелят социолингвистики, предлагается рассматривать как прикладной аспект лингвокультурологии, все рельефнее приобретающей когнитивно-семиологический характер. В последнее время утверждается новая парадигма лингвистической культурологии – когнитивно-семиологическая лингвокультурология, опирающаяся на три кита: когнитивистику, семиологию и герменевтику.

В лингвокультурологии термин *герменевтика* употребляется в одном смысле – как способ понимания, постижения смысла. Так определяли герменевтику ее основоположники и теоретики (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей: герменевтика – искусство понимания). Предметом понимания могут выступать внутренний мир человека, внешний мир и культура прошлого (В. Дильтей, позже М. Хайдеггер и Г. Гадамер). Средством понимания внутреннего мира служит интроспекция (< лат. *intrōspectāre* – букв.

'смотреть внутрь') – изучение сознания, мышления самим индивидом, переживающим эти процессы; самонаблюдение. Внешний мир доступен пониманию так же, как постигаем для человека объективно существующий мир. С точки зрения герменевтики задача лингвокультурологии заключается в истолковании предельных значений культуры, поскольку мир воспринимается нами сквозь призму культуры как совокупность основополагающих текстов. Поскольку тексты – суть продукты человеческой деятельности, в них отображаются особенности языкового сознания как фундаментальной категории в философии культуры Г. Шпета. На этом основана мысль о том, что понимание текстов должно опираться на принципиальный анализ языкового сознания (Кузнецов, 1991), доступ к которому открывается через слово – архетип культуры.

В связи с тем, что любая традиция нерасторжимо связана с языком, в нем выражена и им обусловлена, предметом и источником герменевтики культуры является именно язык как средство воплощения ценностно-познавательного пространства человека. Исходным является положение о том, что все предполагающееся в герменевтике есть только язык, поэтому все интерпретируемые в ней объективные и субъективные смыслы должны браться из языка и текста (Ф. Шлейермахер, Г. Гадамер). Действительно, язык представляет окружающий человека мир. Без языка невозможны ни жизнь, ни сознание, ни мышление, ни чувства, ни история, ни общество. Все, что связано с человеком, находит свое отражение в языке. Язык есть не только «дом бытия» (М. Хайдеггер), но и способ бытия человека, сущностное его свойство. Так понимаемый язык становится условием когнитивно-дискурсивной (познавательной, речемыслительной) деятельности человека.

Коль скоро предметной основой гуманитарных наук является текст, то основным средством анализа антропоморфных явлений (и прежде всего явлений культуры) выступает язык. Во многих герменевтических концепциях язык объявляется средоточием всех культурных проблем, поскольку именно

слово выполняет культурологическую функцию, представая в качестве системообразующего элемента культуры. Отсюда вывод: если слово есть принцип и архетип культуры, то принципы анализа слова должны быть последовательно распространены на анализ культуры.

При этом необходимо устранить структуралистские ограничения в определении влияния экстралингвистических факторов на формирование семантической структуры слова. Стало приемлемым несовместимое со структурализмом положение о том, что языковые факты могут быть хотя бы отчасти объяснены фактами *неязыковой* природы, притом не обязательно наблюдаемыми.

Таковыми явлениями экстралингвистического характера, подлежащими гипотетическому моделированию, в когнитивной лингвистике стали следующие когнитивные структуры: а) *фрейм* М. Минского (в лингвистике эта структура получила «постоянную прописку» благодаря работам Ч. Филлмора); б) *идеализированная когнитивная модель* Дж. Лакоффа; в) *ментальные пространства* Ж. Фоконые и т.д. Однако все это недоступные непосредственному наблюдению феномены. Эксплицируются они только в процессе исследования речевой деятельности. Прежде всего, переосмысления требует один из основных постулатов постсоссюровской лингвистики о системности языка. *Каждый язык представляет собой не только и не столько статическую систему, фиксирующую результаты отражения внешнего мира в качестве его адекватной семантической модели, сколько систему функционально-коммуникативную.* Ведь даже в системном своем состоянии язык представляет собой функционирующую систему. И в этом плане он является не только структурно-системным, но (и это важнейшая его ипостась) динамическим когнитивно-семиологическим образованием. Все это предполагает поиск такого методологического принципа когнитивно-культурологического исследования, который бы адекватно воспроизводил диалектически сложную природу языка как *деятельностной* системы. Для

решения этой проблемы важно корректно использовать понятие дискурса. В нашем понимании, д и с к у р с – сложное когнитивно-коммуникативное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль в понимании и восприятии информации. Чаще всего выделяют два основных направления в лингвокогнитивном исследовании дискурса: (а) структуры представления знаний и (б) способы его концептуальной организации.

Категориальная сущность дискурса достаточно репрезентативно раскрывается уже одним перечислением таких его элементарных составляющих, как излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события», т.е. обстоятельства, сопровождающие события, фон и ценностно-смысловые оценки участников события и т.п. Ценностно-смысловые отношения между концептуальными элементами дискурса вводят когнитивно-дискурсивные исследования в сферу лингвокультурологии.

Представленные определения позволяют рассматривать данные категории не только как системные образования. Будучи речемыслительными категориями, они являются функциональными и динамическими составляющими лингвокультуры, что свидетельствует об их бинарности. С одной стороны, они, несомненно, относятся к сфере когнитивной семантики, а с другой – к семантике контекстуально-функциональной, составляющей предмет семиологии.

Существует убедительная точка зрения, согласно которой язык и дискурс нераздельны. Вместе с тем на начальном этапе своего возникновения различие этих понятий, восходящее к Соссюру (в виде пары «язык / речь»), является достаточно целесообразным, оно дало импульс развитию семиологии как научной дисциплины. Однако здесь важно отмежеваться от соссюровского понимания семиологии как науки о знаках вообще. Ученый писал: «...можно

представить себе науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества <...>мы назвали бы ее *семиологией* (от греч. *semeion* – знак). Она должна открыть нам, что такое знаки, и какими законами они управляются... Лингвистика – это только часть этой общей науки» (Соссюр, 1977: 54). Как видим, у Соссюра семиология — синоним семиотики. Мы же данный предмет изучения оставляем за семиотикой (наукой о знаках, как определил ее основоположник – Ч.У. Моррис), а семиологией называем тот раздел лингвистики, который изучает закономерности использования языковых знаков в речи и, шире — в дискурсивной деятельности человека. При этом важно подчеркнуть, что дискурсивная деятельность может осуществляться только благодаря сложнейшему механизму взаимодействия языка и речи.

Действительно, дискурсивное пространство определенным образом регламентировано и находится во взаимодействии с системой языка: *язык перетекает в дискурс, дискурс – обратно в язык*. По образному выражению А.-Ж. Греймаса, они как бы держатся друг под другом, словно ладони при игре в жгуты. Ученый полагает, что разграничение языка и дискурса является промежуточной операцией, от которой, в конечном счете, надлежит отречься. Семиологии суждено было бы стать работой по собиранию побочных, ценностно-смысловых продуктов языковой деятельности – продуктов, которые суть не что иное, как желания, страхи, гримасы, угрозы, посулы, ласки, мелодии, досады и извинения в их этнокультурологическом ракурсе, из которых и складывается язык в действии, или дискурсивная деятельность. Не будем отрицать, что подобное определение страдает сугубо личностным восприятием языка в действии. Однако в нем сконцентрирована суть взаимоотношения языка, дискурса и когниции.

Вне таких категорий, как ценности, оценки и смысл, рассматривать проблемы такого взаимоотношения невозможно. Обычно *ценности* понимаются как сформированные представления, значения некоего объекта для субъекта. При таком подходе ценность оказывается разновидностью

значения. Для корректного применения понятия ценности в лингвокультурологии особую актуальность приобретают работы С.Н. Виноградова (2007: 93-95). Ученый определяет ценность как «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» (Виноградов, 2007: 93). Выраженность ценности, возможность ее физического проявления обнаруживает ее объективную сущность. Разновидностью выраженности является языковая выраженность – языковое и речевое воплощение представлений людей о ценностях, словесные модели ценности, создаваемые носителем языка (Там же). Простейшим примером выраженности ценностей являются такие их названия, как *добро, правда, справедливость, свобода, красота* и т.д.

Ценности иерархически организованы (в каждой лингвокультуре существует своя шкала ценностей); они носят исторический характер (ценности могут меняться), играют исключительно важную роль в синергетике (самоорганизации) лингвокультуры. Вместе с тем они достаточно стабильны. Только формирование, осознание и принятие новой системы ценностей позволит окончательно преодолеть кризисные явления в культуре. Ценность всегда связана с оценкой, понимаемой широко – как определение полезности, целесообразности, уместности чего-либо и т.д., т.е. как размещение явления или факта на шкале «хорошо – плохо», как положительное или отрицательное отношение к чему-либо.

Оценка — форма существования ценностей. Оценка может быть (а) *эмоционально-чувственной*, если выражается единичной эмоцией или комплексом эмоций (в виде восхищения или негодования, стремления или отвержения, любви или ненависти); (б) *рационально-вербальной*, если дается оценка значимости объекта (в рецензиях, высказываниях, критических статьях, экспертных заключениях и т.д.); (в) *прагматически-поведенческой* (в форме

реального действия или поведения). Для лингвокультурологии самыми важными являются оценки, выраженные словесно. Наиболее зримо ценность и оценка связаны с такими языковыми явлениями, как семантика, языковые и речевые средства выражения значения, парадигматические отношения, обусловливаемые закономерностями варьирования и выбора номинативных единиц (семантико-стилистическая синонимия, вариантность лексических и фразеологических единиц и т.п.).

Итак, ценность и оценка как разновидности идеального существуют объективно, независимо от нашего сознания. Они связаны с выбором языковых средств, способов речемыслительной деятельности. Выбор — культурологически важная сфера деятельности людей или, по крайней мере, необходимая составная часть лингвокультуры. Таким образом, ценность, как и культура в целом, связана с *деятельностью*, выполняет в ее механизме конструктивную роль. Действительно, человек всегда к чему-либо стремится, чего-то избегает. При этом он оценивает и окружающих людей, и жизненные обстоятельства, и собственное поведение и на основе этой оценки действует.

Поддерживая тезис о том, что ценности существуют объективно, независимо от нас, исследователь заостряет внимание на том, что они — не сами предметы и явления окружающего мира, а метонимически перенесенные на них их ингерентные, или окказиональные, свойства и признаки. Если предмет получает свое знакообозначение, он отрывается от индивидуального или коллективного субъекта, номинировавшего его. Поэтому любые концепты независимо от того, передают ли они ценность в ее обыденном или научном понимании, являются ценностями. Почти все слова, полагает автор, ссылаясь на Р.М. Хэара, в процессе дискурсивно-метафорического мышления становятся словами-ценностями.

Непременным условием актуализации лингвокультурологических ценностей является «вертикальный контекст» (пресуппозиции), приводной ремень *системно-функционального* механизма интериоризации знаний,

представлений, мнений об объективной действительности, выработанных человечеством в рамках той или иной этнокультуры, в процессе их ценностной интерпретации и моделирования таких базовых категорий лингвокультуры, как *картина мира, концептуальная система мира, модель и образ мира*. Каждая из этих категорий представляет собой относительно завершённый и целостный фрагмент **глобального образа мира**, который, в свою очередь, является буферным звеном между предметно-практическими (материальными) и духовными (идеальными) аспектами нашей жизнедеятельности, выступая универсальным средством образования того или иного этнокультурного сообщества. Они представляют собой структуры особой философии познания мира — *герменевтики*, которая, в отличие от гносеологии, *не открывает, а истолковывает* познаваемую действительность. Возможность такого структурирования познаваемого мира исходит из сущности основополагающей категории когнитивно-семиологической теории лингвокультуры, которой, в нашем представлении, и является *глобальный образ мира*. В основе когнитивно-семиологического структурирования глобального образа мира лежит уже известная тройственная связь между «предметом», «концептом» и «словом», с тем лишь отличием, что исходной точкой здесь оказывается не «концепт», а «слово», связующее предмет и его отражение в нашем сознании (ср.: Колесов, 2004: 8). При таком подходе даже универсальные (общечеловеческие) концепты типа «Жизнь», «Смерть», «Любовь», «Вечность», «Добро», «Зло» рассматриваются с точки зрения их этнокультурного понимания, поскольку слово — продукт герменевтики, знаковое средство этнокультурного истолкования познаваемого фрагмента действительности.

Глобальный образ мира – основа субъективного миропонимания, результат системной духовной активности человека по освоению всей своей предметно-практической деятельности. Такого рода субъективный образ объективной действительности, оставаясь образом реального мира, непременно подвергается

семиотизации, объективируется разными подсистемами языковых знаков, которые, не будучи зеркальным отражением реальности, творчески ее интерпретируют и после такой герменевтической обработки вводят в уже сложившуюся систему мировосприятия. В итоге глобальный образ мира усилиями коллективной лингвокреативной деятельности этнокультурного сообщества превращается в этноязыковую картину мира, поскольку, во-первых, разные этносы используют разные средства интериоризации и семиотизации открытого для себя (познанного) мира; во-вторых, у каждого из них уже имелась ранее сложившаяся система мировосприятия. В отличие от концептуального образа мира, который со всей очевидностью имеет двойственную природу (с одной стороны, это *элемент сознания*, с другой – еще неопредмеченный образ *реального мира*), этноязыковая картина мира не только опредмечивает (при помощи семиотических систем не обязательно собственно языковой природы) когнитивное сознание, но и переводит его в «автоматический режим», т.е. на уровень подсознания. Это достигается, думается, в процессе объективирования концептуальной картины мира (его денотативно-сигнификативного образа) в семантическое пространство естественного языка.

Этноязыковая картина мира, будучи вторичным, производным образованием, сложна, вариативна, динамична, но, тем не менее, у нее есть некий инвариантный остов – этноязыковые константы, входящие в состав сознания каждого члена данного этноязыкового сообщества. Благодаря этноязыковым константам обеспечивается не только взаимопонимание разных индивидуальных сознаний в рамках одной этноязыковой культуры, но и так называемая межкультурная коммуникация. Последняя осуществляется благодаря общим для языка и культуры категориальным свойствам. Это, в частности: (1) культурные и языковые формы сознания, отражающие мировоззрение этноса, которые (2) ведут между собой постоянный диалог, поскольку коммуниканты – всегда субъекты определенной этнокультуры

(субкультуры). (3) Язык и культура имеют индивидуальные и общественные формы существования. (4) Им свойственны нормативные коды, подчиняющиеся принципу историзма. Наконец, (5) они взаимно предполагают друг друга: язык – основной инструмент усвоения культуры, форма воплощения национальной ментальности; культура находит свою реальную жизнь в языке как одной из важнейших систем ее семиотического воплощения. «Внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации и разделяется на область объектов, нечто означающих, символизирующих, указывающих, т.е. имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя» (Лотман, 2000: 178). И все же говорить о полном тождестве категорий языка и культуры нельзя. Каждое из явлений обладает различительными признаками:

1) *Язык* как средство коммуникации одинаково принадлежит всему этнокультурному сообществу, хотя средством ее существования является индивидуум; *культура* наиболее полно эксплицируется в элитарном коллективе.

2) *Язык* имеет ярко выраженную синергетику; *культура* без знаковых опосредователей не способна к самоорганизации, поэтому это разные семиотические системы: первая обслуживает вторую, хотя вторая наиболее рельефно проявляется только на фоне языкового ландшафта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н.Ф. Синергетика лингвокультурологии как методологическая проблема // Русское слово в центре Европы: сегодня и завтра. – Братислава, 2005. С. 75-79.
2. Виноградов, С.Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2007. С. 93-97.
3. Колесов, В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
4. Кузнецов, В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М., 1991.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. – 704 с.
6. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1977. 696 с.

ПРАГМАТИКА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРИ ОБРАЩЕНИИ

Афонин С.В.

(Германия, Галле-Виттенберг)

Под обращением как речевым актом понимается взаимодействующее употребление языковых знаков для установления контакта с адресатом, маркировки дистанции к адресату и сигнализации уважения по отношению к адресату. В идеальном сочетании прагматической функции и знака просматривается соотношение компонентов РА [K1(контакт) – K2 (уважение) – K3 (дистанция)], которое в реальном употреблении встречается исключительно редко из-за прагматически полифункционального использования речевых знаков [Afonin 2011: 27-37]. Кроме того, обращение представляет собой чаще всего интегрированный речевой акт в рамках другого РА, к примеру, просьбы: *Леночка, принесите, пожалуйста, акты!* Свободные обращения (*Уважаемые дамы и господа!*) в статье не рассматриваются. Каждый РА обращения несёт в себе огромный информационный потенциал как на уровне семантики, так и на уровне прагматики. Несколько компонентов РА реализуют одновременно свои семантические функции и прагматические стратегии. Номинативная функция обращения состоит в референции, что уже само по себе является целенаправленным речевым актом, образующим основу в механизме гонорификации или сигнализации уважения (респект). Само по себе обращение совмещает в себе два вида гонорификации, так как помимо названия адресата (одушевлённого или неодушевлённого) сообщает ему о своём отношении (Referenten- und Adressatenhonorifikation) [Afonin 2011: 30, Haase 1994: 17-20]. В русском языке для сигнализации уважения при обращении используются в зависимости от ситуации фамилии, имена (полные и краткие формы), гипокористика, имена-отчества, отчества, их аллегрформы, различные лексемы, мелиоративы, пейоративы, титулы, названия по степени родства или псевдородства в сочетании с именами.

Помимо всевозможных способов установления контакта категории «дистанция» и «уважение» взаимодействуют, образуя *вежливость* обращения как речевого акта. Кроме функции сигнализации уважения речевые знаки маркируют и социальную дистанцию, внося в речь тончайшие оттенки дистанцирования. Дистанция представляет собой модальность (модус) мышления и поведения человека, проявляющуюся во времени, пространстве и социальных отношениях и реализующуюся посредством речевых средств. Это своего рода структурирующий культурно-специфический принцип коммуникации, а не его признак [Luthe 1985: 100]. Дистанция – это феномен, который детерминирован и биологически, и психо-социально, и социально, и культурно-специфически. Языковые средства дистанцирования способны моделировать коммуникацию, например, обращение Сталина к советскому народу *Братья и Сёстры* [Кронгауз 1999]. В этой связи нас в рамках этой статьи интересуют словообразовательные элементы, способные повлиять на прагматику всего речевого акта.

В рамках контрастивно-прагматического исследования обращений в немецком и русском языке [Афонин 2011] было установлено, что прототипическими дистантными (дистантные/ доверительные) обращениями к адресату старшего возраста в русском языке являются обращения по имени-отчеству: *Валентина Ивановна, скажите, где ключи от сейфа?* [VNP, Вы (VN (Vorname) – имя; P (Patronymikon) – отчество)]. При обращении к адресату ровеснику и адресату младшего возраста прототипически употребляются имена, независимо от социального статуса: *Валентина, принесите, пожалуйста, акты!* [VN, Вы]. Однако в русском языке в отличие от немецкого просматриваются интереснейшие стратегии маркировки уважения и дистанции, характеризующие русский язык как исключительно богатый и с точки зрения стратегий, и с точки зрения языковых средств. В обоих языках наблюдаются образцы речевого поведения, находящиеся, хотя и на периферии функционально-семантического поля, но заслуживающие более пристального

наблюдения в силу их тонкой и прицельной гонорификации и дифференциации дистанции между интерактантами.

Прототипически роль маркировки дистанции играют местоимения *Вы*/ты, когда речь идёт о социальном дейксисе. Известно, что этикетные обращения имеют социально-регулятивный характер [Гольдин 1987, Карасик 1992]. Кроме социального дейксиса выделяется персональный дейксис [Levinson 2000: 74-79], указывающий на роль и идентификацию собеседников в рамках совершенно определённой речевой ситуации обращения, в которой произносится конкретное высказывание. К примеру, обращение к медсестре *Валентиночка Петровна, можно выйти в сад?* не является прототипическим ко всем медсёстрам в больницах. Здесь происходит индивидуальное подчёркивание при обращении посредством включения персонального дейксиса, а именно уменьшительно-ласкательного суффикса, выражающего в этом случае не «габариты» медсестры, а отношение к ней. Употребление таких морфем в рамках РА обращения придаёт новый смысл всему РА на фоне дистантного *Вы*.

Наблюдаются два способа изменения дистанции посредством словообразовательных элементов: 1) привнесение новых морфем в слова-обращения и 2) усечение полных словоформ-обращений.

1. Рассмотрим случаи **добавления** морфем с прагматическими функциями. При обращении к знакомому ровеснику, стоящему ниже по социальному статусу было зарегистрировано обращение с мелиоративным суффиксом -ищ- с точки зрения семантики: (1) *Дружище, ты мне норку не покажешь?* (из худ. фильма). В случае *Друг, ты мне норку не покажешь?* маркировался бы лишь только равный социальный статус, в то время как в примере (1) происходит превознесение адресата и увеличение межличностной дистанции. Такое употребление диктуется, возможно, иллюкутивной потребностью говорящего несколько приподнять имидж адресата. Диминутивное употребление имён может служить прагматически

полифункционально как усилению иллокутивной силы просьбы, так и маркировке особенной симпатии и уменьшению дистанции. Вне ситуативного контекста иноязычному слушателю тяжело понять употребление имён.(2) *Тамарочка, Вы не беспокойтесь!* (оппозиция к *Тамара*); (3) *Танечка пройдите сюда!* (оппозиция к *Татьяна*). (4) *Тамарочка Сергеевна, ну разрешите прийти попозже!* (ср.*Тамара Сергеевна*). Мелиоративное дружеское употребление суффиксов в мужских именах *Серёга, Андрюха, Димон, Лёха* и т.д., а также в женских окказионально-мелиоративных: *Дашенция* – пример из [Харченко 2013: 83], могут служить в определённых ситуациях особенной гонорификации и увеличению дистанции. (5) *Серёга, ты приноси рыбу с собой!*; (6) **Серёга, Вы приносите рыбу с собой!*(7) *Серёженька, ты приноси рыбу с собой!* (8) *Серёженька, Вы приносите рыбу с собой!*Примечательно, что в таких случаях, как (6), имя *Серёга* и дистантное *Вы* в разговорном русском языке употребляются. Мелиоративные морфемы в именах действуют для маркировки дистанции лишь при общении на *ты*. Они предназначены для маркировки «средней» дистанции(*mittlere Distanz*). Такое же явление наблюдается и в немецком языке, где аналогично русскому обозначилась тенденция маркировки нестандартной дистанции: «Гамбургское Вы» (*Elvira, kommen Sie*) и «Мюнхенское ты» «*Frau Franke, kannst du mich bitte mitnehmen?*» [Афонин 2011: 117-120].

Обобщая сказанное, приведём зарегистрированную в неофициальной коммуникации схему обращения, показывающую прагматическую роль морфем в обращении к адресату (моложе по возрасту, ниже по статусу). Их роль заключается в конкретизации всего прагматического значения РА. С их помощью реализуется конкретная ситуативная стратегия всего выше стоящего РА просьбы, от иллокутивной силы которого зависит в свою очередь их выбор.

Уровень 1		Серёж-	-еньк- а,	приносите	рыбу с собой!
Уровень 2	ИЛЛОКУЦИЯ	[П Р О С Ъ Б А]			
Уровень 3	ФУНКЦИИ конституентов РА обращения	Установление контакта / интонация		маркировка дистанции ВЫ	
		гонорификация			
Уровень 4	ГОНОРИФИКАЦИЯ ситуативная	имя	симпатия/ оценка	Вы	
Уровень 5	ДИСТАНЦИЯ ситуативная		ситуативное уменьшение дистанции	маркировка дистанции по признаку, например, возраста	

2. Усечение морфем. В следующих примерах говорящими используются аллегроформы, в которых суффиксы срезаются в потоке речи: (9) *Михалыч, мне тут посылка должна прийти, ты можешь её принять пока я на работе?* (вм. книжного Михайлович). (10) *Зоя Пална, не волнуйтесь!* (вм. Павловна). (11) *Пал Сергеич, Вы чё-то хотели?* (вм. Павел Сергеевич). Употребление аллегроформ, где словообразовательные морфемы выпускаются из слов, служит маркировке меньшей дистанции к адресату и переходит в разряд позитивной вежливости [Brown, Levinson 1987]. При обращении к ровесникам и адресатам младшего возраста используются так называемые новые вокативы, которые явно выполняют функцию, уменьшения финитной социальной дистанции в рамках маркировки позитивной вежливости: (12) *Петь, принеси сочку из столовки, ладно?* Некоторые формы нового вокатива образуются от диминутивных имён и служат маркировке солидарности между сослуживцами. (13) *Володьк, давай я в командировку за тебя поеду!* [VN пейоратив/ диминутив, новый вокатив]. Интересно, что не только звательный падеж с его стремлением «сводить (слово) к чистой основе» [Якобсон 1985:

217], как, к примеру, формы нового вокатива *Мам! Саш! Валь! Петь! Серёг! Лёх!*, но и употребление аллегроформ имён-отчеств *Пал Сергеич!, Марь Ивана!, Сергей Иванович!* основываются на той же маркировке минимизированной дистанции, а также объясняются иллокутивной силой самого зова, приближающего его к императиву. (Не смешивать с собственно обращением [Levinson 2000: 77-78]. Здесь можно только согласиться с Якобсоном, что «звательный падеж лежит в другой плоскости ... вне грамматического предложения» и добавить, что использование или усечение словообразовательных элементов детерминировано прагматическими факторами.

Возвращаясь к РА обращения, отметим, что все выше названные формы получают своё прагматическое значение или его новый оттенок лишь благодаря присутствию оппозиции двух противоположных форм именно для этого прототипического образца обращения. При этом ось или нулевая точка оппозиции при обращении к старшему адресату (на *Вы*) иная в отличие от оси обращения к ребёнку (на *ты*), конечно же, лишь только при наличии тех же экстралингвистических факторов и интенций. Обращение к старшей начальнице по имени Татьяна: (14) *Татьяна Ивановна, скажите, пожалуйста, где ключи?* // *Татьяна Иванна, скажите, пожалуйста, где ключи?* Обращение к девочке по имени Татьяна: (15) *Татьяна, где твои сандалии?* // *Таня, где твои сандалии?*

Таким образом, привнесение новых или усечение возможных словообразовательных элементов в структуру гонорифика влечёт за собой значительное изменение прагматического смысла всего вышестоящего РА (к примеру, просьбы), является показателем взаимодействия разных уровней речи и заслуживает пристального рассмотрения как исключительно сложный процесс с учётом дихотомии «маркированность/ немаркированность» иллокуции РА.

ЛИТЕРАТУРА

1. Afonin S. (2011): Die Distanzanrede im modernen Deutschen und Russischen: Eine kontrastiv-pragmatische Analyse empirischer Daten. Frankfurt am Main. 2011. – 342 S.
2. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987.
3. Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 1992.
4. Кронгауз М. А. Обращение как способ моделирования коммуникативного пространства. // Н.Д. Арутюнова, И.В. Левотина Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М. – 163-187.
5. Levinson S.C. Pragmatik. – 3. Aufl./ neu übers. von Martin Wiese. Tübingen. 2000. 476 S.
6. Luthe H.O. Distanz. Untersuchung zur einer vernachlässigten Kategorie. München, 1985.
7. Haase M. Respekt: Die Grammatikalisierung von Höflichkeit. München.
8. Харченко В.К. Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования, электронная база данных. М. 2013. – 192 с.
9. Якобсон Р. Избранные работы. М. – 455 с.

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

Вавринюк Татьяна Ивановна

(Кривой Рог, Украина)

Наличие устойчивых сочетаний, как одной из определяющих особенностей сказочного текста, привлекало внимание многих исследователей. В частности, проблеме изучения фразеологии сказки, в том числе и так называемых сказочных формул (инициальных, медиальных и финальных), посвящены труды В. И. Хоменко, В. Я. Проппа, Н. Рошияну, О. И. Никифорова, Е. М. Ведёрниковой, А. Ю. Брициной, Л. Ф. Дунаевской, Е. К. Павленко и другими учеными. В контексте народной сказки исследователи выделяют два типа фразеологических единиц: собственно сказочные формулы, основной функцией которых является композиционно-конструктивная, и устойчивые сочетания образно-экспрессивного характера – общенародные фразеологизмы.

Среди устойчивых образований композиционно-конструктивной группы мы выделяем внутренние медиальные формулы, которые являют собой типичные высказывания сказочных героев; это тот «готовый» материал, которым пользуется рассказчик при построении повествования и который даёт ему возможность сосредоточиться для дальнейшей импровизации.

Формулы-высказывания сказочных героев привлекают наше внимание в первую очередь как лексико-грамматические единства с контекстуальной обусловленностью употребления и способностью автоматически воспроизводиться в языке. Характерная особенность семантико-синтаксической организации формул заключается в том, что последние часто образуют диалоги между персонажами сказки. Так, например, выясняют цель встречи:

а) герои и их антагонисты: *«Ну, – пита, – за чим, добрий молодцю, зайшов? Чи будем биться, чи мириться?» – «Не за тим добрий молодець ходе, щоб мириться, а з тим, щоб биться»* («Чабанець»).

б) герои и их помощники (или в определенном смысле нейтральные персонажи): *Поздрастуваясь царевич, а відьма його й питає: «Чого сюди зайшов, чи по волі, чи по неволі?» – «Ні, – каже царевич, – я козак не без долі, зайшов сюди по неволі»* («Іван-царевич і залізний вовк»).

Формулы-высказывания, как правило, представляют собой вопросительно-ответный тип фразеологических диалогических единств. Реализованная в таких единствах схема «вопрос – ответ» является стилистическим сказочным приемом перехода от авторского повествования к конкретному действию героев в конкретной ситуации (ведь ответ заранее определен типом персонажа и его функцией).

Диалогические единства также образуют реплики повествовательного коммуникативного типа, первая из которых являет собой вариативное устойчивое сочетание, а вторая конкретизирует, дополняет смысл первой реплики-стимула и является достаточно произвольной. Так, для фантастической сказки типичным является диалог, который сопровождает

процесс воскресения героя. Например: *«Як я дуже заснув!»* *А ведмідь: «Заснув ти добре, так би твоя сестра заснула»* («Іванко – цар звірят»); ... *ожив і каже: «Ах, мамо, як я дуже довго спав!»* – *«Синку мій, – каже вона, - ти був неживий!»* («Іван Богданець»).

Таким фразеологическим диалогическим единствам свойственна более слабая семантико-синтаксическая спаянность сравнительно с вопросно-ответным типом единств. Примечательно, что формульность второй реплики такого диалога между героем и его помощниками достаточно условна. В сказках с разными сюжетами она употреблена вариативно, передаёт при этом общее содержание суждения.

Кроме фразеологических диалогических единств, сказочные формулы реализуются в речи персонажей в виде единичных предложений, которые могут выступать как отдельные высказывания того или иного героя или входить в его импровизированную речь, образуя при этом одну реплику. Например: *Старик одчинив йому: **Слихом слихати, превеликого богатиря, Івана Богданця І вічі видати !*** («Іван Богданець»); *«Іди, – каже до лакея, – скажи йому, що хоч він і на кораблі прилетів, а як не добуде води живої й цілющої, поки люди пообідають, то не то що царівни не віддам, – а оце меч, а йому голова з плеч!»* («Летючий корабель, ГФК»); *Він того чорта хотів забити, а чорт проситься у нього: «Ей, Іван-Вітер ! Не стріляй в мене, я тобі колись у пригоді стану»* («Іван-Вітер»).

Формульные высказывания героев, организованные за моделью предложения, могут использоваться как в целостном, так и в усечённом виде. Например: *«Там Соловей-розбойник сидить, там **ні птиця не пролітає, ні звір не пробігає**»* («Ілля Муромець та Соловей-розбойник»). *«Так стеріг, що мимо й птиця не пролітала», – говорить* («Іван-мужикий син»).

Следовательно, сказочные формульные сочетания в составе конструкций с прямой речью отличаются таким же относительным постоянством компонентного состава и структуры, как и любые устоявшиеся словесные

комплексы сказочного характера. Повествователь-сказочник использует эти формулы для конструирования реплик персонажей с определенным диапазоном варьирования этих формул, которое дает возможность выбрать наиболее целесообразный вариант, приспособить его к контексту.

Формульные высказывания сказочных героев связаны с функциями этих героев в определенном сюжете. Например, могущество главного героя или его антагониста подчеркивает описание ситуации, когда конь того или иного персонажа пугается (спотыкается или падает на колени). После этого обязательно следует реплика, например, в сказке «Іван-мужичий син»: *«Стій, не чмихай, проти нашої сили нема ні чого»*. В другом случае можем иметь такой вариант: *«Що ти, – каже, – коню мій, спотикаєшся?»*(«Казка про Солов'я-розбійника і про сліпого царевича»). В таких репликах передается лишь идея сказочного фразеологизма.

Сказочные формулы и в целостном, и в трансформированном воспроизведении играют важную роль в моделировании высказывания того или иного персонажа, придавая сказочному повествованию в целом особенную стилистическую окраску.

Устойчивые соединения образно-экспрессивной группы (а это, как правило, разговорно-бытовые фразеологизмы) в речь персонажей сказки включаются редко сравнительно. Это объясняется тем, что прямая речь во всех своих структурных формах является лишь средством воссоздания хода событий, изображаемых в сказке, и отличается упрощенной фразой (кроме единичных стилистически обусловленных случаев). Образно-экспрессивные фразеологизмы преобладают в конструкциях с прямой речью в социально-бытовых сказках.

Разговорно-бытовые фразеологизмы, среди которых выделяются фразеологичные метафоры народного характера [1, с. 142], выполняют в конструкциях с прямой речью образно-экспрессивную и оценочную функции, усиливают высказывание, придают высказыванию юмористических оттенков.

Важна також їх композиційно-конструктивна роль в моделюванні казочних діалогів. Метафористическіє фразеологізованіє порівняння побудовані на сопоставленні вільного і фразеологічного поєднань. Наприклад: *Продав вола, а жінка нарікає: «Ти такий нездалий, що тебе обдурили. У голові в тебе – як у дрантивім решеті». – Чоловік розсердився: «Говориш, як з гарячки!..»* («Про дурних багачок»).

Формально виражені фразеологізованіє порівняння в речі персонажів казки виступають в якості домінуючого признака створення експресивності. К фразеологісескіє метафорам народногo характера відносять також метафорическіє описательніє конструкції.. Наприклад: *«Та схватилась колачева туча і розігнала весь ярмарок: того калач ударить по спині, а того по голові уріже так, що аж свічки в очах засвітяться»* («Про того чоловіка, що купив жінці таку куртку, як пані носить»); *«Правда ваша, газдо, – озвався на це вїт. – Торік у мене миші отак само січкарю – на дрібний мак посікли!»* («Як миші плуга з'їли»).

Ще один тип фразеологічних одиниць, котріє мають яскраво виражений образно-експресивний відтінок, – це фразеологісескіє образніє обобщення народногo характера – прислів'я і приказки. В окремих випадках вони включаються в речі казочних персонажів як образно-обобщенне висловлювання. Наприклад: *«А що, ж я хіба у Бога теля з'їла, чи що?»* («Як лев утонув у колодязі»); *«Е, ні ,дідуся! Це не яблучко з яблуньки зірвати: добре – з'їв, а недобре кинув: мені треба з нею вік коротати»* («Морський цар»); *А далі виступив наперед бегемот і каже: «А що я не вродливий, так це поміхою не довжно бути: з лиця води не пить...»* («Звірі під пануванням лева»).

Подобніє фразеологічніє образніє обобщення народногo характера можуть бути положені в основу сюжету той или другої казки. В таких випадках текст казочного розповіді є своєобразним втіленням ідеї фразеологізма, його аллегорическої трактовкою. Прикладом можуть послужити казки: «Правда та кривда», «Господиня і рак», «Гуска і риба», «Казка про молоду рибу і пана

боба», «Спас і оводи» та ін. Пословицы и поговорки в подобных сказках выступают в качестве морализованного вывода, что приближает сказку к жанру басни. Например: *От того, дітоньки, пішла в нас приповідка: «Пішов, як рак по дріжджі»* («Господиня і рак»); *Треба тікати, бо не даром сказано: «Прийде Спас, то держи рукавиці про запас!»*.

В предложениях прямой речи в структуре украинской народной сказки встречаются фразеологизмы образно-экспрессивной группы, употреблённые в трансформированной форме. Полифункциональная природа фразеологизма позволяет при необходимости расширить или сократить его компонентный состав, заменить определенный компонент другим словом: *«А я, – каже Бух Копитович, – можу його своїм кулаком розбити. Розсипеться він на дрібен мак»* («Про богатыря Буха Копитовича»). Принято говорить: *розсипатися на порох (на прах, порохом, прахом)* [7, с. 758].

Еще пример: *Як же нам не плакати, як не журитися, – загомонила діброва, – та ж нашого ворога безлік, положила буйні верхи* (загальновживане: *зложити (покласти) голову*) [7, с. 338]. Прослеживается системная связь между традиционным компонентом и нововведённым: замена состоялась в результате персонифицированной синонимии между ними. Кроме того, традиционный фразеологизм приобрел расширенную форму в результате включения в его состав определений: эпитетное определение *буйные* усиливает экспрессивность фразеологизма, придавая высказыванию сказочного персонажа торжественности, возвышенности; постпозитивные определения *наши, молоденькие* как тип фольклорно-эпического словопорядка подчеркивают жанровое своеобразие сказки.

Распространенным приемом стилистического использования общепринятых фразеологизмов в речи сказочных персонажей является расширение компонентного состава этих стойких сочетаний. Усложняя традиционную форму фразеологизма, нововведенные слова конструктивно оправданы: они создают условия для гармоничного включения этих оборотов в

общий контекст. Например: *«Як же ти, куме, думаєш **показатися жінці на очі?**»* –питає кум й глузує над ним («Про чоловіка, що проміняв волів на калитку»); *«Ні, сестро, **гарно там жити, де нас нема**»*(«Де ліпше жити»).

Гибкая природа фразеологизированных сочетаний позволяет повествователю-сказочнику не только изменить их компонентный состав, но и переосмыслить их в целом, придать другое значение. Рассмотрим примеры: *Поробиш усе, так віддам за тебе дочку, а не поробиш, так **загубиш свою голову, і поїзд твій тут увесь поляже*** («Іван Голик і його брат»).

Традиционно словосочетание *втратити(загубити, стратити) голову* употребляется в двух значениях: 1) оказываться неспособным осмысленно действовать, вести себя; 2) безрассудно влюбляться у кого-нибудь [7, с. 159–160]. В вышеприведенном высказывании сказочного героя фразеологизм *потерять свою голову* имеет значение *умереть*. Смысл этого фразеологизма становится более выразительным благодаря синонимическому смежному предложению *І поїзд твій тут увесь поляже*, в котором имеет место усечённый вариант устоявшегося высказывания *полягати (лягти) головою*.

Повышенную экспрессию приобретают реплики сказочных персонажей, в которых воспроизводятся несколько традиционных формул общенародного характера. Например: *Тоді Іван скипів та до царя: «Коли ти мені будеш за мою добрість так платити і так **слово своє ламати**, то я й тебе, і весь твій рід одним махом зі світу зведу!* («Іван-мужичий син, ГФК»).

Наличие видоизмененных традиционных формул в репликах сказочных персонажей свидетельствует о неограниченных возможностях стилистического использования фразеологизмов в языке. Метафоричность большинства фразеологизмов, тяготение к гиперболизации предопределяют их экспрессивность, которая распространяется на текст повествования в целом. Общенародные фразеологизмы вносят в речь сказочных героев эмоциональность, национальную колоритность, гумористические оттенки, а

сказочные фразеологизированные формулы выдерживают эту речь в параметрах соответствующего стиля.

Заметим, что язык сказки не только содержит традиционные жанровые формулы и фразеологизмы живого народного языка, но и служит источником пополнения общеязыковой фразеологии. Исполняя в сказке в основном конструктивно-композиционную роль, собственно сказочные фразеологизмы при перемещении во внежанровые контексты становятся выразительным средством создания образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранник Д. Х. Усний монолог / Д. Х. Баранник. – Дніпропетровськ: ДДУ, 1969. – 142 с.
2. Бріцина О. Ю. Українська народна соціально-побутова казка : Специфіка та функціонування / Олександра Юріївна Бріцина. – К. : Наук. думка, 1989. – 151 с.
3. Ведёрникова Н. М. Русская народная сказка / Наталья Михайловна Ведёрникова. – М. : Наука, 1975. – 135 с.
4. Дунаєвська Л. Ф. Українська народна казка / Лідія Францівна Дунаєвська. – К. : Вища школа, 1987. – 127 с.
5. Пропп В. Л. Русская сказка / Владимир Яковлевич Пропп. – Ленинград : ЛГУ, 1984. – 335 с.
6. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки / Николае Рошияну. – М. : Наука, 1974. – 215 с.
7. Фразеологічний словник української мови. – К. : Наукова думка, 1993. – Т. 1–2. – 980 с.
8. Хоменко В. И. Фразеологический состав украинских народных сказок, записанных на Полтавщине : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. И. Хоменко. – К., 1961. – 19 с.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ В РАЗВИТИИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Варгова Зузана

(Нитра, Словакия)

V posledných desaťročiach sa kognitívne vedy stali jednou z najprogresívnejšie rozvíjajúcich vedeckých oblastí, pričom vzhľadom na ich interdisciplinárny charakter

je veľmi náročné jednoznačne definovať pole pôsobnosti a pojmový aparát. Zo všeobecného hľadiska pojem *kognícia* predstavuje súhrn všetkých mentálnych štruktúr ľudského vedenia a poznávania, od vnímania a správania sa, až po reč a myslenie [Bednáriková 2013: 7]. Skúmaniu a analyzovaniu kognitívnych procesov sa venujú aj iné vedné odbory ako filozofia, psychológia, neurovedy, lingvistika alebo antropológia, ale kognitívna lingvistika skúma možnosti modelovania procesu osvojovania, recepcie a produkcie jazyka, pričom jej hlavným úsilím je vytvorenie komplexnej teórie o previazanosti štrukturálnych a procedurálnych aspektov jazykových znalostí.

Idea, že jazyk neslúži iba na sprostredkovanie informácií, ale je bezprostredne viazaný s vyššími kognitívnymi procesmi ako je myslenie, poznávanie, správanie, alebo pamäť sa zrodila dávno pred tým, ako sa kognitívne vedy sformovali na samostatnú vednú disciplínu. Nemecký filozof a jazykovedec Wilhelm von Humboldt vo svojich vedeckých prácach skúmal myšlienku, že pohľad akým sa pozeráme na okolitý svet je do istej miery ovplyvnený jazykom, ktorým komunikujeme. Prvým jeho dielom, ktoré sa venuje tejto problematike bola *Teória o jazykovom relativizme* (1820), kde vysvetľuje, že každý jazyk obsahuje určitý pohľad na svet (Weltanschauung), pod vplyvom ktorého nositeľa daného jazyka myslia a uvažujú určitým spôsobom odlišným od predstaviteľov iných národov [Bugarski 1984: 131 – 157]. Nasledovne túto ideu rozvinul v podobe teórie o formovaní jazykového obrazu sveta (Sprachweltansicht), pričom tento pojem dodnes patrí k základným pojmom lingvistických kognitívnych výskumov. Názory súčasných bádateľov sa, ale rôznia, napríklad podľa encyklopedických zdrojov je jazykový obraz sveta definovaný ako jeden zo smerov kognitívnej lingvistiky, ktorý vychádza z predpokladu, že jazyk sa podieľa na tom, ako sa svet odráža v našej mysli a ovplyvňuje tak našu štrukturalizáciu a konceptualizáciu sveta. Česká bádateľka Vaňková zase interpretuje jazykový obraz sveta ako spôsob, akým jazyk konceptualizuje vnímanú skutočnosť a ako ju interpretuje [Vaňková 2001: 22].

Humboldtove myšlienky boli v prvej polovici dvadsiateho storočia rozvíjané americkým antropológom Franczom Boasom, ktorý svoje vedecké bádanie založil na štúdiu amerických Indiánov. Pri výskumoch sa nezameriaval iba na ich zvyky, tradície a správanie, ale v prvom rade na jazyk. V roku 1911 vyšla dvojdielna *Príručka indiánskych jazykov*, kde (ako predstaviteľ kultúrneho relativizmu) objasnil, že pri popise jazyka nie je možné vychádzať z pravidiel a javov známych z iného jazyka, ale je nutné sa venovať konkrétnej jazykovej štruktúre. Jeho nasledovateľ Edward Sapir, ktorý sa stal jedným zo zakladateľov etnolingvistiky, aplikoval jeho výskumy pri štúdiu indiánskeho jazyka Athabaskov. V roku 1921 publikoval dielo *Language: An introduction to the Study of Speech*, kde definoval jazyk ako systém symbolov vytvorený v rámci duchovnej a psychickej konštitúcie človeka. Ako získaný kultúrny jav a prostriedok slúžiaci na vyjadrenie duševných pochodov človeka [Sapir 1921: 14 – 15]. Spolu s bádateľom B. L. Whorfom sa venovali problematike jazykového obrazu sveta a predstavili hypotézu o jazykovom relativizme.

V druhej polovici dvadsiateho storočia výrazne zasiahol do vývinu kognitívnej lingvistiky profesor moskovskej a leningradskej univerzity Viktor Vladimirovič Vinogradov, pričom jeho štrukturálne a typologické práce zohrali dôležitú úlohu vo vývoji celej sovietskej lingvistiky. Veľmi významné boli aj psycholingvistické výskumy A. R. Luriju, A. A. Zalevskej a iných bádateľov. Samotný termín kognitívna lingvistika sa v Rusku začal používať až v druhej tretine dvadsiateho storočia a bola prirodzeným výsledkom evolúcie lingvistických vied [Alefirenko, Korina 2011: 13].

V roku 1948 v Kalifornii uskutočnilo prvé tzv. Hixonské sympóziu, ktoré podľa názoru viacerých bádateľov predznamenal kognitívnu revolúciu a zrod kognitívnej vedy. Sympóziu bolo venované analýze problému, ako je nervový systém schopný kontrolovať správanie sa systému. Hoci bolo zamerané predovšetkým na neurovedy malo vplyv na postupný vývoj kognitívnych vied. Bádatelia William Betchel a George Graham uvádzajú ako možný rok zrodenia

kognitívej lingvistiky rok 1956, kedy sa konalo v Massachusettskom technologickom inštitúte stretnutie, kde Noam Chomsky predniesol jeho príspevok o teórii jazyka [Gáliková 2009: 7 – 9].

Gáliková považuje roky 1960 až 1985 za obdobie zrenia kognitívnej vedy, inštitucionalizácie a zaradenia do vysokoškolských učebných osnov. Do popredia sa dostali výskumy umelej inteligencie, lingvistiky a psychológie, pretože „*v rannom období vývinu kognitívnej vedy prevažoval špecifický kognitivistický model mysle vychádzajúci z metafory počítača*“ [Gáliková 2009: 9]. Medzinárodná asociácia kognitívnej lingvistiky (International Cognitive Linguistics Association ICLA) bola založená v roku 1989 a potom nasledoval časopis Kognitívna lingvistika (Cognitive Linguistics), ktorého prvé číslo vyšlo v roku 1990 [Alefirenko, Korina 2011: 13]. V rokoch 1985 až 1999 panovala tzv. kríza identity kognitívnej vedy a od tohto obdobia nastala epocha rozmachu, ktorá pretrváva až do dnešných dní. V Rusku bola v roku 2003 založená Ruská Asociácia kognitívnych lingvistov (Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, РАЛК) a začal sa vydávať časopis Otázky kognitívnej lingvistiky (Вопросы когнитивной лингвистики). Kognitívna lingvistika sa tak stala samostatným vedným odborom. Na jednej strane musí prihliadať na už zistené informácie o problematike previazanosti jazyka a myslenia, na druhej strane je nevyhnutné vyvíjať nové výskumné metódy a teórie, ktoré umožnia lepšie, detailnejší výskum súčinnosti jazyka a myslenia [ibid., 13 – 14].

V rámci výskumu kognitívnych vied sa vyprofilovali dva hlavné smery: modularistický a holistický. Modularistická koncepcia vidí ľudskú myseľ ako komplex rôznych schopností, ktoré je treba rozčleniť a v novších prácach sa rozlišuje medzi I-jazykom, teda jazykovými štruktúrami zakotvenými v kognitívnom systéme, a E-jazykom, čiže konkrétnymi prejavmi externého (priamo pozorovateľného) jazyka. V kognitívnej lingvistike sa zameriavame na analýzu I-jazyka a štúdium gramatiky je tak vždy popisom štruktúr špecifickej časti našej mysle. Predmetom skúmania modularistickej lingvistiky je teda systém jazykových znalostí zložený z fonológie, morfológie, syntaxe a sémantiky, na ktorý sa nahliada ako na modul

zakotvený v ľudskom mozgu. Holistický prístup naopak vidí ľudskú myseľ ako nedeliteľný celok, ktorý je determinovaný celým radom fundamentálnych prístupov. V kognitívnej lingvistike poznáme holistický explanačný prístup pod pojmom „kognitívna gramatika“, pričom v tomto prístupe sú jazyková kapacita a všeobecné kognitívne schopnosti neoddeliteľne spojené do jedného celku. V súčasnej dobe stojí v centre holistickej kognitívnej lingvistiky štúdium a analýza funkčných princípov jazykovej štrukturalizácie a výskum prienikov medzi syntaxou a sémantikou [Schwarzová 2009: 18 – 45].

Vaňková sa nazdáva, že prístupy, ktoré sa v súčasnosti uplatňujú v kognitívnej lingvistike sa delia na tri väčšie skupiny, medzi ktorými nie sú jednoznačne vymedzené hranice. Do prvej skupiny by sme mohli zaradiť výskumy uplatňujúce jazyk v súvislosti s teóriou umelej inteligencie a inými neurovedami. Druhý smer kognitívnej lingvistiky je zameraný na skúmanie mysle, pričom jeho výskumy majú blízko ku kognitívnej psychológii a psycholingvistike. Predstavitelia tejto skupiny berú ľudské telesné skúsenosti ako základ človeka a sveta k najznámejším bádateľom tohto smeru patria George Lakoff a Mark Johnson, v Rusku sú to A. A. Leontiev, A. R. Lurija, L. S. Vygotskij, A. A. Zalevskaja, alebo Ju. N. Karaulov. Bádatelia patriaci k tretej skupine sa prostredníctvom jazyka sústredia na štúdium kognitívneho myslenia, na sociálny a kultúrny aspekt. Týmto smerom orientovaní jazykovedci sa zameriavajú na to, čo je príznačné pre obraz sveta sprostredkovaný konkrétnym jazykom, prípadne porovnávajú dva, alebo viac obrazov sveta. K predstaviteľom tohto prístupu v kognitívnej lingvistike patrí napríklad Janusz Anusiewicz, alebo Jerzy Bartmiński, ktorí reprezentujú poľskú kognitívnu školu [Vaňková 2005: 34 – 35].

Hoci sú kognitívno-lingvistické výskumy v súčasnosti veľmi populárne nemajú vždy systematický teoreticko-metodologický charakter. V Česku a na Slovensku sa realizuje najmä aplikovaný výskum a práce všeobecno-teoretickej povahy sa vyskytujú iba jednotlivo (na Slovensku sú to napr. práce J. Dolníka a v Česku sú známe najmä J. Vaňková a J. Nebeská, ktoré tiež viac inklinujú k aplikovanému

výskumu). Kognitívna lingvistika vystihuje trendy súčasnej doby, ku ktorým patrí najmä interdisciplinárnosť výskumu, pretože nazerá na jazyk vo veľkej miere extralingvisticky ako na produkt procesov myslenia a produkcie reči[Alefirenko, Korina 2011: 18].

LITERATÚRA

ALEFIRENKO N., KORINA N. Problémy kognitívnej lingvistiky. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2011. 215 s.

BEDNÁRIKOVÁ M. Úvod do kognitívnych vied. Trnava: Filozofická fakulta Trnavskej univerzity v Trnave, 2013. 89 s.

BEDNÁRIKOVÁ M. Úvod do kognitívnej lingvistiky. Trnava: Filozofická fakulta Trnavskej univerzity v Trnave, 2013. 84 s.

BUDIL T. Mýtus, jazyk a kulturní antropologie. 3. vyd. Praha: Triton, 1998. 259 s.

BUGARSKI R. Jezik i lingvistika. Beograd: Čigoja štampa, 2003. 301 s.

CARROLL J. Language, thought, and reality: selected writings of benjamin lee whorf. S.l.: Martino Fine Books, 1956. 278 s.

CARRUTHERS P. Language, thought, and consciousness: an essay in philosophical psychology. New York, NY, USA: Cambridge University Press, 1996. 291 p.

ČERNÝ J. Dějiny lingvistiky. 1. vyd. Olomouc: Votobia, 1996. 517 s.

CHOMSKY N. Language and problems of knowledge: the Managua lectures. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1988. 204 s.

DOLNÍK J. Základy lingvistiky. 1. vyd. Bratislava: Stimul, 1999. 288 s.

BACHMANNOVÁ J., KARLÍK P., NEKULA M., PLESKALOVÁ J. Encyklopedický slovník češtiny. Praha: NLN, 2002. 604 s.

GÁLIKOVÁ S. Úvod do kognitívnej vedy. Trnava: Filozofická fakulta, Trnavská univerzita v Trnave, 2009. 87 s.

GEERAERTS D. (ed.). Cognitive linguistics: basic readings. Editor Dirk Geeraerts. New York: Mouton de Gruyter, 2006. 485 s.

MILLER R. The Linguistic Relativity Principle and Humboldtian Ethnolinguistics. The Hague: Mouton & Co, 1968. 128 s.

MURPHY R. F. Úvod do kulturní a sociální antropologie. Vyd. 1. Překlad Hana Červinková. Praha: Sociologické nakladatelství, 1998. 267 s.

NEBESKÁ I. Úvod do psycholingvistiky. Vyd. 1. Praha: Karolinum, 1992. 126 s.

SAPIR E. Language: an introduction to the study of speech. New York: Dover Publications, 2004. 208 s.

SAUSSURE F. Kurs obecné lingvistiky. Vyd. 2., v nakl. Academia vyd. 1. Editor Albert Riedlinger, Albert Sechehaye, Charles Bally. Překlad František Čermák. Praha: Academia, 1996. 468 s.

SCHWARZ-FRIESEL M. Úvod do kognitivní lingvistiky. Překlad Filip Smolík. Praha: Dauphin, 2009. 203 s.

STERNBERG R. Kognitivní psychologie. 1. vyd. Překlad František Koukolík. Praha: Portál, 2002. 632 s.

VAŇKOVÁ I. Co na srdci, to na jazyku: kapitoly z kognitivní lingvistiky. Vyd. 1. Praha: Karolinum, 2005. 343 s.

VAŇKOVÁ, I.: Nádob plná řeči: (člověk, řeč a přirozený svět). Vyd. 1. Praha: Karolinum, 2007, 312 s. ISBN 978-802-4611-228

VAŇKOVÁ, I. Obraz světa v jazyce: sborník z příspěvků, které zazněly v jazykovědné sekci XXVII. ročníku česko-polské meziuniverzitní konference Univerzita Karlova - Uniwersytet Warszawski ve dnech 2.-4. května 2000 v prostorách FF UK Praha. Editor Irena Vaňková. Praha: Univerzita Karlova, 2001, 161 s. ISBN 80-730-8005-2

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ В АСПЕКТЕ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ЗНАКОВ КОСВЕННО-ПРОИЗВОДНОЙ НОМИНАЦИИ

Воронкова Ольга Александровна

(Старый Оскол, Россия)

Фраземы как знаки косвенно-производной номинации в современной культуре выступают своеобразными семиотическими кодами, через которые во временном пространстве проявляется связь истории с человеком, духа – с сознанием.

Фраземы, являющиеся репрезентаторами моделей мира, несут информацию, содержащую элементы ценностных установок, представлений и стереотипов.

Они способны кодировать объекты отражения благодаря лингвокреативному мышлению, предполагающему категоризацию предметов

мысли, а также фиксацию наиболее значимого национально-культурного опыта как аккумулируемого результата ценностной деятельности народа в её структуре. Все это находит отражение во фразеологическом значении как особой семантической категории, которая обладает отличительными свойствами, обусловленными характером его формирования и развития под непосредственным влиянием внутренней формы (далее – ВФ).

Этнокультурная специфика знаков косвенно-производной номинации, на наш взгляд, во многом обуславливается их ВФ. Например, фраземы *как у Христа за пазухой* – в русском, *Як у Бога в пазусі (жити)* – в украинском, *jakuPanaBogazapazucha (zaplecamі)* – в польском, *Raippasdievauž pečiaiаus* (букв. «как у бога за печкой») – в литовском, *kā dieva (peles, lāca) ausī* (букв. «как у бога (мыши, медведя) в ухе») – в латышском языках могут употребляться в значении ‘в полной безопасности (быть, находиться, чувствовать себя и.т.п.)’. Как видно, несмотря на общность в значении, фраземы различаются компонентным составом. Например, для сознания носителей русского, украинского и польского языков актуальна ситуация, в которой человеку так спокойно, что это чувство сравнимо с тем, как если бы он сидел за пазухой самого Бога. В польском языке, по сравнению с русским, появляется вариант анализируемой фраземы с компонентом *плечи* – *jakuPanaBogazaplecamі*. В денотативной ситуации, ставшей прототипом данной единицы, акцент перемещается на такую часть тела как плечи. В литовском языке употребляется фразема с компонентом *печка* – *pasdievauž pečiaiаus*, а в латышском отличия касаются почти всей фраземы: компонент *бог* может быть заменён компонентами *мышь*, *медведь*, а компоненты *пазуха*, *плечи* замещаются компонентом *ухо*. Все перечисленные фраземы могут функционировать в значении ‘в полной безопасности (быть, находиться, чувствовать себя и.т.п.)’, но в приведённых языках для сознания их носителей были актуальны разные признаки, разные ВФ, которые «бросились в глаза», которые выполняли определённую функцию для человека и тем самым послужили стимулом

фраземосемиозиса. Всё это, по нашему мнению, в определенной степени свидетельствует об этнокультурной специфике ВФ фразем.

Многие исследователи рассматривают проблему этнокультурных смыслов, обнаруживаемых в семантике фразем, однако интересно проследить, какие же структуры участвуют в формировании фразеологического значения, почему именно те или иные признаки денотативной ситуации становятся значимыми для сознания носителей языка. Собственно, как наше сознание отсеивает, отбирает признаки, характеризующие предмет не прямой номинации.

По утверждению А.М. Мелерович, своеобразие фразеологического значения тесным образом связано с характером его ВФ (Мелерович А.М. 1979: 18). В связи с этим важно выяснить, как ВФ взаимодействует с фразеологическим значением, почему стимулом к его зарождению становятся только определенные признаки.

ВФ фраземного знака – это средство косвенно-производного взаимодействия его означающего и означаемого, средство перевода содержания формы в форму содержания (Алефиренко Н.Ф. 2008: 51).

Многие фразеологи (Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых, Л.Е. Кругликова, А.В. Кунин, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.Г. Назарян, В.Н. Телия, А.М. Эмирова и др.) признают наличие в семантической структуре фраземы тех же компонентов, как и в семантической структуре слова: денотативного, сигнификативного и коннотативного (некоторые учёные выделяют также грамматический и структурный аспекты).

Самое общее понимание ВФ фраземы как признака наводит на мысль о семном статусе данной категории. Если сема – это репрезентированный в языковой семантике признак наименованного предмета, явления или ситуации, то ВФ вполне можно рассматривать как сему.

Например, сема «внимательный, пристальный» в семантической структуре фраземы *не сводить (не спускать) глазс к о г о , с ч е г о ,* сема «искренность, открытость» в семантике фраземы *от (всей) души,* сема

«стойкость» во фраземе *выдерживать характер*, «рассеянность» – *раззявить рот* и т.д.

К какому же компоненту фразеологического значения относится данная категория?

В современной лингвистике существуют разные мнения относительно этого вопроса. Некоторые авторы вообще выносят ВФ за пределы семантической структуры фраземы, в область психических категорий. Другие учёные, признавая ВФ семантическим элементом, «видят» её за пределами фразеологического значения.

Фразеологическое значение – это содержание мысли, а ВФ – это его символ, формализованный семантический элемент. Это, по нашему мнению, даёт основание не выносить ВФ за пределы фразеологического значения. По словам Н.Ф. Алефиренко, ВФ выступает в роли посредника между значением знака вторичной номинации и значением его производящего, отсюда следует, что «содержание внутренней формы составляют те смысловые элементы лексической и грамматической семантики знака-прототипа, которые послужили её генетическим источником» (Алефиренко Н.Ф. 2006: 206).

Мы, вслед за Н.Ф. Алефиренко, придерживаемся позиции, согласно которой ВФ нельзя рассматривать вне фразеологического значения, так как первая является стимулом, импульсом к возникновению и развитию последнего. Об этом пишут В.Н. Телия, А.В. Кунин (Телия В.Н. 1996, Кунин А.В. 1996).

Ряд ученых относит ВФ к коннотативному аспекту, обосновывая это тем, что ведущей функцией фраземы является экспрессивная. Так, в своё время В.В. Виноградов отмечал, что во ВФ языкового знака выражается не только толкование действительности, но и её оценка, тем самым учёный отводил место анализируемой категории в коннотативном компоненте значения (Виноградов В.В. 1986: 25). А.М. Мелерович дифференцирует в семантической структуре фраземы «культурные компоненты, которые принадлежат

денотативно-сигнификативному содержанию, его ядру, и культурные компоненты образной основы, внутренней формы, создающие коннотативный ореол фразеологической единицы» (Мелерович А.М. 1998: 62). Трудно не согласиться с тем, что ВФ участвует в формировании эмоционально-экспрессивной, оценочной стороны значения фраземы, например: *дубина стоеросовая* (прост., презр.), *дурак набитый* (грубо-прост., бран.), *медный лоб* (презр.), *пустая голова* (прост., презр.), *олух царя небесного* (разг., презр.) и т.д., но нельзя забывать о том, что существуют фраземы (хотя их достаточно мало), не имеющие эмоционально-экспрессивной, функционально-стилистической окрашенности: *сдержанное слово, брать (взять) слово с кого-нибудь, раздвигать рамки, поднять уровень* и др. Отсутствие коннотации ещё не говорит о том, что в этих фраземах нет ВФ, т.е. ВФ не всегда привязана к коннотативному компоненту фразеологического значения.

Согласно другой позиции (Ефанова Л.Г. 2007: 82) ВФ фразеологической единицы представляет собой первоначальное денотативное значение фразеологизма, вытекающее из суммы реальных значений слов-компонентов. Действительно, ВФ развивается в результате наложения свободносинтаксического прототипа, обозначающего предметную ситуацию в прямом значении, на переосмысленную ситуацию в её новом, образном представлении предмета фразеологической номинации. В результате подобного наложения возникает совмещённое видение двух картин, то есть образ, центром которого и является ВФ. Однако это ещё не означает, что ВФ может быть безоговорочно отнесена к денотативному компоненту фразеологического значения, поскольку она имеет определённое отношение и к коннотации, хотя ВФ очень близка к денотату, так как представляет собой признак, отражающий конкретный фрагмент номинируемой действительности. Например, основой фраземы *в кулак* в значении 'воедино, в одно целое' (Войнова Л.А., Жуков В.П. и др. 1994: 313) послужила денотативная ситуация, когда некто собирает, зажимает что-либо в кулак, который представляет собой кисть руки с

напряжённо сжатыми пальцами. ВФ данной единицы представлена признаком «сжато воедино, в кулак». Но это не говорит о полной отнесённости ВФ фраземы к денотату.

Что же касается сигнификата фразеологического значения, то, по нашему мнению, ВФ менее тесно связана с этим компонентом, поскольку сигнификат – это информация о том способе, каким объект или ситуация мира дискурса отражаются в сознании говорящего (Кобозева И.М. 2004: 59), а если говорить о фразеологическом сигнификате, то он представляет собой отражённую в сознании совокупность признаков соответствующей денотативной ситуации. Это значит, что сигнификат составляют признаки, отвлечённые от первичной денотативной ситуации, уже отражённые в сознании носителей языка. Приведённая выше в качестве примера фразема *в кулак* образовалась на базе денотативной ситуации, когда некто собирает, зажимает что-либо в кулак, представляющий собой кисть руки со сжатыми пальцами. С учётом этого можно определить сигнификативный компонент значения этой единицы, представленный отражёнными в нашем сознании признаками, характеризующими номинируемую денотативную ситуацию: «сжатый, напряжённый, единый, цельный, сконцентрированный в одном месте». Сравним с сигнификатом ВФ, которую мы определили как «сжато воедино, в кулак». Такое сравнение не позволяет говорить о непосредственной близости ВФ к сигнификативному компоненту фразеологического значения, поскольку ВФ фраземы – это признак, отражающий конкретную денотативную ситуацию, а сигнификат составляют признаки, уже отвлечённые от денотата.

Анализ различных позиций, касающихся места ВФ в структуре фразеологического значения, показывает, что ВФ имеет определённое отношение и к коннотативному, и к денотативному компоненту, во многом обуславливая развитие фразеологического значения. Да и важно, собственно, не это, а то, что ВФ находится в структуре фразеологического значения, оказывая влияние на его развитие, выделяя те признаки номинируемой

денотативной ситуации, которые значимы для носителей языка и зачастую отражают этнокультурную специфику.

ВФ мотивирует значение фраземы через обозначаемую предметную ситуацию. Специфика фразеологического значения, косвенно формирующегося при участии того коллективного опыта народа, который закодирован в определённых генетических прототипах фразем, определяется особенностями образования знаков не прямой, косвенной номинации: фразеологическое значение формируется не непосредственно, а опосредованно.

По нашему мнению, подобным опосредованием между фразеологическим значением и значением той основы, на которой развилась фразема, как раз и является её ВФ. Таким образом, ВФ фразеологического значения «составляют те смысловые элементы лексической и грамматической семантики фразеомообразующей базы, которые послужили её генетическим источником» (Алефиренко Н.Ф. 2006: 206).

По словам А.А. Потебни, ВФ – это «та форма, в которой нашему сознанию представляется содержание мысли» (Потебня А.А. 1999: 90 – 91).

Внутренняя форма – это и форма абстрактного мышления, и способ модификации мыслимого предметного содержания, или смысла социально-культурной природы. Именно благодаря ВФ когнитивно-семантическая структура фразем кодирует всё, что человек способен испытывать, переживать, включая все его знания об объективном мире вокруг и вне нас, так же все наши мысли, желания. Именно в знаках косвенно-производной номинации отражаются не только особенности жизни, определяемые природными условиями или культуры, но и своеобразие менталитета, национального характера народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелерович, А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: Учеб. пособие по спецкурсу. – Ярославль: ЯГПУ, 1979. – 79 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-синергетическое освещение процессов неофразеологизации // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Междунар. научно-практическая конф., посвящённая юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20 – 22 марта 2008 г.). – М.: ООО «Изд-во «Элпис», 2008. С. 23 – 28.
3. Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: Монография. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
4. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак-ов иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высшая школа; Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996. – 381 с.
6. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов. / Отв. Ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
7. Мелерович, А.М. Семантическая структура фразеологических единиц в контексте языковой картины мира // Фразеология в аспекте науки, культуры и образования: Материалы междунар. конф. – Челябинск: ЧГПУ, 1998. С. 61 – 64.
8. Ефанова, Л.Г. Фразеологические трансформации в речи и художественном тексте. Часть 2. Трансформации, изменяющие внутреннюю форму фразеологизмов // Текст и языковая личность: Материалы V Всероссийской науч. конф. с международным участием (26 – 27 октября 2007 г.) / Под. ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. С. 80 – 85.
9. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова – Изд. 5-е стереотип. – СПб.: Вариант, 1994. – 544 с.
10. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
11. Потебня, А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 270 с.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВДЫ, НЕПОЛНОЙ ПРАВДЫ, ОТСУТСТВИЯ ПРАВДЫ И НЕПРАВДЫ

Высочаньски Влодзимеж

(Вроцлав, Польша)

Правда одна из этических ценностей, она является „tym, co ludzie odkrywają, uświadamiają sobie, czego szukają — nie jest więc zawsze czymś oczywistym, łatwym, rzucającym się w oczy. (Do) prawdy trzeba dochodzić — i czekać na nią, jak mówi Norwid” [Puzynina 1991: 343]. Категория правды в языковом плане выражается многообразно, так как и другие «базовые ценности отечественной культуры зачастую репрезентируются именно с помощью паремий», поэтому «ценностный подход к изучению паремий ярко демонстрирует сложные процессы осмысления, взаимоопределения и переоценки тех категорий, которые и образуют »ценностную« картину мира для носителя [...] языка» [Семененко 2010: 171]

Бесспорности, полноте, абсолютности правды, ср. польское *Świątaprawda*, а больше всего однозначности правды, ср. лужицкое *Wěrnosć čornomčornyrěka* „правда черное черным называет”, противостоят: определенные виды осуществления правды, неполнота правды, отсутствие правды и неправда. В общем плане в таком методологическом поведении «более полно раскрыть смысловое наполнение концепта “правда” помогает контекстуальное сопоставление и противопоставление в паремии *правды, неправды, кривды, лжи*» [Харитонов 1997: 30], однако «в отличие от антонимов *ложь* и *вранье*, с одной стороны, и *кривда* — с другой, характеризующих правду соответственно как слово и дело, лексема *неправда* совмещает в себе оба этих смысла» [Ямшанова 2005: 68].

Представляемая ниже паремиологическая картина перечисленных четырех проявлений правды и ее антитезы строится на материале польского и русского языков

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВДЫ

Первым показателем исследуемых зависимостей является осуществление правды, точнее — отдаленность от правды, однако с постоянно существующей связью с ней. Собранные паремии польского и русского языков создают в смысловом плане несколько более или менее расширенных видов этой плоскости. Их представляют нижеследующие пункты.

Близость правды. Отмечается незначительное отдаление от „полного” присутствия правды: *Około prawdy* (‘почти правильно’).

Возможность, вероятность правды. Большее отдаление предоставляют шансы и перспективы на присутствие правды; способы, допускающие осуществление ее: *Rzadkoprawdaztymzasiada, ktoradwielenowingada*.

Невероятность, нереальность правды.

Богатыматериальныеэкземплификацииимеетсостояниеправдынесуществующее, нереальное, фиктивное, мнимое, неимеющее реальных оснований, атакженеосуществимое: *Czysto prawda jak trzecioroczny śniyg za stodołom; Tak prawda, jak kot jaja wysiadywał; Tak to prawda, jako wół jest osieł / kiedy żywe kielbasy po świecie latały; Tak to prawda, jak dziad Magda, baba Grzegorz, to i czegoż? / jak amen w pacierzu / jak pies płakał / jak żydowskie aj waj!; Tak to prawda, jakby się ślepy iskał; Tak to prawda, jak że Mazury ślepo się rodzą / jak że się psy bodły / jak że się psi na Łysej Górze bodli / jak że wesz kaszle / jak że się robaki w soli zalęgły; Taka prawda, jak kamień pływa / jak na wierzbie gruszki / jak w kosyku woda / jak woda na przetaku / jak wesz kaszę jadła; Taka to prawda, jak ślepy gołego okradł; To prawda, jakby się psi bodli; To je prawda, jako że kura jszczy; Będzie to prawda, jak wróbel będzie taki jak wieś.*

Потенциальность правды. Паремии отражают осуществимость правды при каком-то условии: *Tobydzieprawda, jaksię tostanie*. Указывается на отсутствие возможности, шанса наличия правды: *Taprawdahań natárniujesowiesona*. Обнаруживается отсутствие черт правдоподобия, иногда

неполная достоверность либо невозможность считать за правду: *Czasemprawdanieprawdopodobna*. С этим выделением связано наличие условий, не позволяющих поверить в правдивость (истину), присутствие черт неправдоподобности: *Bodajeś skisł, jaktoprawdaBodaj (żeby) takpsymięsojadły!*(догадка: правда лиэто); *Bodaj tak sowa w dudy grała, jak to prawda*; *Aby nasze wrogі tak zdrowi byli* (догадка: правда лиэто)!; *Já sie przebijе palcem, jak to prawda*; *Myślałby kto, że prawda*.

Между правдой и неправдой. В ситуации преждевременных суждений можно иметь ошибочное понятие о правде, отступать от нее: *Ktoprzedczasemsądzi, tenodprawdybłądzi*. Случаются ошибки в утверждении правдивости чего-либо: *Сказали: бешеных всех перевешали; неправду сказали: одного не связали*. Языковая регистрация указывает на полный недостаток ориентиров в правде: *Niebył, gdyprawdę rozdawano*.

Правда и отсутствие правды. В паремиях обнаруживается одновременно существование правды и факт отсутствия правды: *Nietaprawdy, tylkowetnieiwPanuBogutrochę*; *Без правды не жить, да и о правде не жить*; *Не ищи правды в другом, коли в тебе ее нет*; *Правда ино груба, а без правды беда*

Исчезновение, умирание правды. Свойством, приписываемым правде, является ее исчезновение, вызванное разными факторами, часто с оттенком сомнения в настоящее ее присутствие: *Prawdakiedyś była, toją wilkizjadły*; *Prawdę już dawnowydzwoniliwsąchocińskimlesie*Была правда, да в лес ушла / да закуржавела; *Была правда, да по мелочам, в равновеску ушла*. Свойством правды является также умирание: *Prawdaumarławbutach*; *Правда прежде нас померла*.

Отход от правды.Отказ от правды. Отступая от правды, отступаешь от естественной жизни: *От правды отстать — куда пристать?*.

Уничтожение правды. Исчезновение правды происходит также из-за ее погребения, даже ценою собственного ущерба: *Правду похоронишь, да сам из ямы не вылезешь*; *Правду погубишь, и сам с нею пропадешь*.

Расхождение с правдой. Специфическое состояние разъединения с правдой являются ситуации расхождения с ней, отождествляемые с неправдой: *Iniejadącajechał doDziałhylny*

Незаметность правды. Состояние сепарации от правды — незаметность ее, ассоциирующаяся с неправдой: *Prawdajakkrymkaniewidzimka.*

Между правдой и ложью. Пословицы свидетельствуют об одновременности правды и противоположной ей лжи: *Nieskłamać iprawdyniepowiedzieć* (об уклончивом ответе); *Не солгать, так и правды не сказать.*

Правда и ложь. Запутывание правды и лжи сводится к следующим отнесениям: *Żebynie łgał, tobyłabyprawda; Kiedydobrzeskłamie, totakjakbyprawdę powiedział; Не плачь по правде, обживайся с кривдой!.*

Неговорение, скрывание правды. Неговорение, умолчание неправды имеет разные причины и относится к различным обстоятельствам: *Takskłamać fałszerzowi, jakzjeść chlebazmałem, bouniegoprzysięgajestnieprawdyhasłem; Gadaprawdę jakuwójtazadrzwiami; Многим солгал, да и нам правды не сказал; Не говори правды, не теряй дружбы!; Не говори правды в глаза, постыл не будешь; И дура-жена мужу правды не скажет; Не всякую правду жене сказывают; Кто правды не скажет, тот многих свяжет* (напр. в допросах).

Правда и неправда. Соединение правды с неправдой обнаруживает разнообразные условия: *Prawdajestcórą czasu, czasnieprawdę psuje; Маленькая правда победит большую неправду; Всеми правдами и неправдами; В правде люди помогают, а за неправду карают; Правда твоя, мужичок, а полезай-ка в мешок!; Правда твоя, правда, а ну-тка, ложисы!; Пред Бога с правдой, а перед судьей с деньгами; Поплатись за правду, поплатись и за неправду!; За правду плати и за неправду плати.*

Существование в правде и в неправде. Обстоятельства жизни заставляют человека делать выбор между существованием в правде или в

неправде со всеми последствиями этого выбора: *Правдою жить — от людей отбыть; неправдою жить — Бога прогневить, Неправдою жить — не хочется, правдою жить — не можетя; В правде Бог помогает; в неправде запинает.* Специфической чертой внутри сцепления правды и неправды является противоречие неправды, ср. *Dałbym się na krzyż ogolić, jak to nieprawda.*

От правды к неправде и лжи Происходит превращение правды в неправду: *Sprzeczanie wielkie prawdy ustępuje*, а также правды в ложь: *Была когда-то правда, а ныне стала кривда.*

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВДЫ. НЕПОЛНОТА, НЕДОСТАТОК ПРАВДЫ

Рассматриваемый паремиологический материал показывает количественные отношения внутри понятия “правда”. Принимая за основную исходную точку полноту правды отмечается, что масштаб содержательности правды охватывает несколько величин, отходящих от состояния полноты.

Неполнота правды. Одна из количественных характеристик по отношению к правде — ее неполнота, манифестирующаяся в разных условиях: в говорении людей: *Niewszystko prawda, co ludziomówią / trzęsą*; в провозглашаемой ксендзом проповеди: *Niewszystko prawda / to prawda, cokolwiek nakazani upowie*; в пении свадебных гостей, за всегда ев кабака: *Niewszystko prawda, co na weselu / w karczmie śpiewają*; в печатном слове: *Niewszystko prawda, choć wydrukowane*; в болтовне баб: *Не все то правда, что бабы врут.*

Половина правды. Полуправда. Отчетливо сигнализировано в паремиях содержание половины правды: в говорении людей: *W tym, co ludziomówią, jest zawsze pół prawdy*; в сказке: *W bajce bywa pół prawdy*; в каждой шутке: *W każdym żarcie półowa / jest pół prawdy*. Особенно предпочитаем полуправду: *Najbardziej lubimy pół prawdy*

Малое количество правды. Небольшой (малый) процент правды заметен: у разговаривающих часто: *Ktodużogada, małoprawdypowie*; у неимеющих в себе добра: *В ком добра нет, в том и правды мало*

Немного правды. Величина 'немного правды' относится к: человеку и Богу: *Nieprawdy, tylkowemnieiwPanuBogutrochę*; каждой лжи: *Wkażdymkłamstwiejesttrochę prawdy*; каждой шутке: *В каждой шутке есть доля правды.*

Мера правды. Мера правды эквивалентна количеству выпитого вина: *Ilewinawgłowie, tyleprawdywsłowie.*

Дополнение бедности правды. Неполнота правды может быть дополнена с помощью шутки: *Żartemsię prawdydomówić niewadzi.*

ОТСУТСТВИЕ ПРАВДЫ

Несуществование правды. Одним из проявлений несуществования правды является невозможность выполнения чего-либо, продолжительности чего-либо: *Без правды не живут люди, а только плачут / маются; Без правды веку не изживешь; Без правды не житье, а вытье; Без правды житье — вставши, да и за вытье; Без правды жить — с бела света бежать*

Присутствие — отсутствие правды. Применительно к человеку заметна антиномия присутствия правды по отношению к ее отсутствию: *Rzadkarzeczmieżyludźmiprawda.*

Отсутствие правды. Отсутствие правды наблюдается прежде всего: в людях: *Mieżyludźmiobłudypełno, prawdyaniпытaj*; *В море глубины, а в людях правды не изведаеть*; в лукавомчеловеке: *В лукавом правды не сыщешь*; гневном человеке: *Ktosię gniewa, prawdyniemiewa*; там, где присутствует лесть: *Gdziepochlebstwowcenie, prawdytamnieпытaj*; в ногах: *В ногах правды нет* (приговаривают, когда просят сесть); в шутках: *В шутках правды не бывает / правды нет*; в усадьбе: *Prawda, pokoraniemiejscaudwora*; в чем-либо: *Cieniaprawdywtymnie masz*; *Столько правды, как в решете воды.*

Отсутствие правды предопределяет: небольшую доброту: *В ком правды нет, в том и добра мало*; слова, не имеющие ценности: *В сердце правды нет — и слова пусты*. Состояние отсутствия правды обнаруживается в различных по долготе периодах: *Изжил век, а все правды нет; Уж сорок лет, как правды нет*. Местом абсолютного отсутствия правды (и справедливости) является суд: *В суд пойдешь — правды не найдешь*.

Напрасно искать правду: в другом человеке, когда ее нет в самом себе: *Не ищи правды в других, коли ее в тебе нет*; в газетах: *Zimnyogień, suchą wodę igazeciarską prawdę ktoby znalazł, niech się zgłosi, aotrzymasowitą nagrodę*. Правды не провозглашают неживущие уже старые пророки, не предсказывают ее также молодые пророки: *Старые пророки померли, а новые правды не сказывают*. Правда чужда: сватам: *Сваты с правдою не ездят; Сват с правдой не ездит*; богатым: *Богатому ни правды, ни дружбы не знавать*. Правда редко пребывает в устах проповедника: *Kaznodziejarzadki, sobymówił prawdę*. С правдой не всегда в согласии поэт: *Poetazprawdą niezawszewzgodzie*.

НЕПРАВДА

Невероятность. Указывается невероятность, фикция, вымысел, отсутствие достоверности, свойств правды: *Plecieniebylice; Говорят — кур доят, а коровы яйца несут*, а также ответы на невероятность, то есть, когда кто-либо рассказывает неправдоподобные вещи: *Powiedztemu, coospyniemiał*.

Неправда — в общем — это отсутствие соответствия с действительностью, с фактическим состоянием, также то, что не соответствует правде. Паремиологическое пространство неправды выражает разные ее виды и зависимости.

Религиозные и морально-этические отнесения. Паремии указывают, что каждая неправда: это грех: *Всякая неправда грех*; не спрячется перед Богом: *Бог всякую неправду сыщет*; ведет к недобродетели:

*Najpierwszywstępdoniecznoty: nieprawda; Wwiekumłodymutraconywstyd, w
śrzednimnieprawda, wstarymzdrada — docnotynicszkodliwszego.*

Источник и предел неправды. Корень неправды — дьявол: *Gore от
Бога, а неправда от дьявола.* Начало и конец неправды не зависят от человека:
Не нами стала / началась неправда, не нами и кончится, но принадлежат
миру: *Неправда светом началась, светом и кончится; Свет спокон веку
неправдой стоит.*

Места перманентной неправды. Неправда постоянно присутствует
в суде: *Неправдою суд стоит; Где суд, там и неправда.*

Жизнь в неправде. Паремии отмечают разные отнесения жизни в
неправде: *Живут люди неправдой — не ухвалятся; Тому худу не отбыть, кто
привык неправдой жить; Живут же люди неправдой, так и нам не лопнуть
стать; Неправдой жить — Бога прогневать.*

Признаки говорения неправды. Знаком говорения неправды
является кривление носа: *Noscisę krzywi, znać nieprawdato.*

Внушение кому-либо неправды. Неправда внушается другим:
Wcapazaklinać.

Ответы на провозглашаемую неправду. Когда кто-то говорит
неправду, произносится рифмованный стишок : *Trutututu, pęczekdrutu.*

Сопротивление неправде. Обнаружена невозможность удержания
неправды: *И неправде / неправде глотку рукавицей не заткнешь.*

Выявление неправды. Неправда всегда обнаруживается: *Неправда
выйдет наружу.*

Признание за неправду. Истинность того, что произошло в
отдаленном прошлом, с годами признается за неправду:
Tobyłodawnoinieprawda; И было, да неправда.

Преобразование неправды в правду. Известен приход к правде через
неправду: *Неправда доводит до правды* (т. е. уличает)

От неправды к правде. Возвращение к правде: *Неправдою как пройдешь, а все к правде вернешься.*

Последствия неправды. Импликации, следствия неправды имеют разные соотнесения: отрицательные последствия: *Неправдой нажитое впрок не пойдет; Неправдою нажитое боком / ребром выпрет; Неправая хула не смола, неправда, что дуга ветловая: концы в воде, так середка наружу; середка в воде — концы наружу, неправдой нажитое впрок не пойдет; Неправдой свет пройдешь, да назад не воротишься; И в бедах люди живут, а в неправде пропадают; Беда смиряет человека, а неправда людская губит; наказание: В правде люди помогают, а за неправду карают; Лихо тому, кто неправду творит кому; Кто неправду творит кому, лихо тому; Разорвитому живот / Раздуй того живот, кто неправдой живет; Кто неправдой живет, того Бог убьет.*

Отношение к неправде. Из неправды и смерти лучше выбрать последнее: *Лучше умереть, чем неправду терпеть.*

Неправда — фальшь и сочинительство. Неправда и фальшь всегда обнаруживаются: *Nieprawda i fałsz zawsze nawierzchnyjdą.* Близость неправды и сочинительства в принципе неразличима: *Tojeki szką mazane, a grabi aminacią gane.*

Суммируя, следует сказать, что поскольку «паремии особенно четко и образно отражают те области человеческого бытия и сознания, которые связаны [...] с осмыслением таких, важнейших для человека и общества ценностных категорий, как *жизнь, смерть, судьба, здоровье, счастье, любовь* и т.д.» и — естественно — *правда*, «ценностный подход к изучению паремий ярко демонстрирует сложные процессы осмысления, взаимоопределения и переоценки тех категорий, которые образуют »ценностную« картину мира», в данном случае для носителей польского и русского языков. Так как «филогенетически к языковой картине мира ближе всего такой пласт обыденного сознания, как фольклор и в первую очередь его малые жанры —

пословицы, поговорки, загадки» (Мечковская 2008: 465), иначе говоря, поскольку «паремии занимают особое место в языковой картине мира», следовательно, «пословично-поговорочная картина мира является фрагментом языковой картины мира» (Алефиренко, Семененко 2009: 311–314).

Вышесказанное полностью подтверждает данный анализ, представляющий ценностную паремиологическую картину (паремическую, пословично-поговорочную картину) выбранных видов осуществления правды, неполноты правды, отсутствия правды и неправды. Проведенное сопоставление польских и русских паремий показывает усложнение отдельных комплексов собранными единицами, а также указывает на сходства и различия в этих плоскостях в смысловом плане.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абакумова О.Б., 2010, *«Правда» и «truth» в пословицах и поэтическом тексте*, «Язык и культура», N 3 (11), Томск, с. 5–15.
2. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н., 2009, *Фразеология и паремиология*, Москва.
3. Аникин В.А., *Русские пословицы и поговорки*, Москва 1988.
4. Апресян Ю.Д., 2008, *От истины до лжи по пространству языка*, [в:] *Логический анализ языка. Между ложью и фантазией*, Москва, с. 23–54.
5. Воркачев С.Г., 2010, *Правда земная: идея справедливости в языковом сознании*, [в:] *Концептуальные исследования в современной лингвистике*, Санкт-Петербург, Горловка, с. 27–35.
6. Даль В.И., *Пословицы русского народа*, т. 1-2, Москва 1984.
7. Лукин В.А., 1993, *Слово истина и идея тождества*, «Известия РАН. Серия литературы и языка», т. 52, no 1, с. 35–48.
8. Мечковская Н.Б., 2008, *Два взгляда на правду и ложь, или о различиях между языковой картиной мира и обыденным сознанием*, [в:] *Логический анализ языка. Между ложью и фантазией*, Москва, с. 456–470.
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., *Большой словарь русских поговорок*, Москва 2007.
10. Семененко Н.Н., 2010, *Отражение ценности «правда» в паремической картине мира*, [в:] *Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней. Сборник научных статей*, вып. 6., Иваново, с. 169–173.

11. Соболев А. И., *Народные пословицы и поговорки*, Москва 1961.
12. Харитонов В.И., 1997, *Концепт “правда” и лексема правда в паремии*, [в:] *Исследования по лингвофольклористике*, вып. 2. Слово в фольклорном тексте, Курск, 25–32.
13. Шатуновский И.Б., 1991, “Правда”, “истина”, “искренность”, “правильность” и “ложь” как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения мысли и действительности, [в:] *Логический анализ языка*, Москва, с. 31–38.
14. Ямшанова В.А., 2005, *Русская пословица с ключевым словом правда как продукт речемыслительной деятельности*, [в:] *Текст и дискурс. Текст как продукт и стимул речемыслительной деятельности. Языковая картина мира. Сборник научных статей*, Отв. ред. А.Ю. Попов, Санкт-Петербург, 55–70.
15. *Kajkiż ptačik — tajke hrónčko. Jaki ptak — tak pieśń. Serbska přisłowa. Przysłowia łużyckie*, Budyšin–Wrocław, 1984.
16. Kolberg O., *Przysłowia*. Warszawa 1977.
17. Krzyżanowski J. (red.), *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*, t. I–III, Warszawa, 1969–1972.
18. Lukszyn J. (red. nauk.), *Rosyjsko-polski słownik paremiologiczny*, Warszawa 2001.
19. Nyczaj S. (red.), *Mała księga przysłów polskich*, Radom 1994.
20. Puzynina J., 1991, *Co język mówi o prawdzie?*, [в:] “Words are Physicians for an Ailing Mind”, red. M. Grochowski i D. Weiss, München, 339–347.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАК МЕТОДИЧЕСКОГО ПРИЕМА

Зубарева Наталия Николаевна

(Старый Оскол, Россия)

«Неистребимы в человеке желание проникнуть в тайну рождения слова, потребность разгадать незримую связь явлений, запечатленную в нем» [Львова, 2000: 3]. Обращение к научной этимологии при обучении русскому языку помогает удовлетворять эту языковую потребность учащихся, являясь при этом не только средством воспитания любви к родному языку, но и эффективным приемом объяснения правильного написания слов.

Все изменения в морфологической структуре слова (опрошение, переразложение, усложнение основы, а также декорреляция, диффузия и замещение морфем) происходят в результате того или иного нарушения или, напротив, установления прямых соотносительных связей между производной и непроизводной основами.

Так ранее производная основа может терять способность члениться на морфемы из-за утраты словом прежних смысловых связей (процесс опрошения). Например: *воспитать* и *питать*, *окодеть* и *кол*, *забор* и *бороться* и др. под.

При переразложении происходит перераспределение границ между морфемами прежде всего из-за выхода из употребления соответствующей данному слову производной основы. Ср.: ранее – *о-бес-сил-е (ть)* и теперь – *обес –сил –е (ть)*; *бог-ат (ый)* и *богат (ый)*.

Причины, вызывающие переразложение, могут быть и причинами для усложнения основы, то есть превращения ранее непроизводной основы в производную. Однако в большинстве случаев усложнение связано с появлением в процессе заимствования рядом с иноязычным словом родственного ему с непроизводной основой. Например, из французского языка пришло слово *гравюра* как непроизводное, но рядом со словами *гравировать*, *гравёр* оно стало восприниматься как производное (*грав-юр-а*).

Опрошение, переразложение, усложнение – это «внешние» процессы, непосредственно отражающиеся в изменении морфемного состава слова. Другие названные процессы – «внутренние».

Так, при декорреляции составляющие слово морфемы оказываются в других связях друг с другом. Например, слово *сердитый* стало соотноситься со словом *сердиться* (хотя было образовано от утраченного существительного *сърдь*); *нарочитый* от *нарокъ* – «намерение» и т.д.

Причина диффузии морфем (т. е. их взаимопроникновения) – прежде всего различные звуковые изменения. Так, в слове *приду* диффузия возникла в

результате стяжения в один звук двух *и*. В словах *розоватый*, *бежеватый*, *коричневатый* и других *-ов* и *-ев* одновременно входят в основу исходного прилагательного и в суффикс неполноты качества *-оват (-еват)*.

Примерами замещения морфем могут быть слова *свидетель*, где основа - *вид* (глагола *видеть* – «*очевидец*») заменила в древнерусском языке исходную основу глагола «*знать*». Или в слове *синица* корень – *зин* (от звукоподражания *зинь*) был заменен корнем *син-*.

Учет процессов, происходящих в морфемном строе слова необходимо принимать во внимание, чтобы выдержать объективность при процедуре этимологического анализа слова.

Таким образом, этимология производных слов раскрывается в рамках данного языка через выявление их составных частей.

В связи с этим подчеркнем, что задачи этимологии неодинаковы по отношению к разрядам слов разного происхождения. С генетической точки зрения в словарном составе современного русского языка можно выделить два основных пласта: исконную лексику и заимствованную. К исконной лексике относят все слова, возникшие в процессе исторического развития языка и унаследованные от более древнего языкового источника. Это

1. Индоевропейские слова, унаследованные праславянским языком от индоевропейского праязыка (*братъ, вода, камень, луна*, и др.).

2. Общеславянские слова, унаследованные древнерусским языком из языка славянских племен, единственного средства общения приблизительно до VI – VII вв. н. э., т. е. до того времени, когда в связи с расселением славян распалась и относительная языковая общность. Общеславянские слова, вошедшие в исконную лексику русского языка, «являются в нашей речи наиболее употребительными, частыми и ходовыми и в повседневном общении составляют не менее $\frac{1}{4}$ всех слов. Именно эти слова являются ядром нашего современного словаря, важнейшей и существенной его частью» [Шанский, 1972: 73], хотя они составляют сравнительно небольшую его часть.

3. Восточнославянские слова, пришедшие в русский язык из древнерусского праязыка, возникли в языке восточных славян (т.е. древнерусской народности, предков современных украинцев, белорусов, русских), объединившихся в IX в. в большое древнерусское государство – Киевскую Русь (*багор, забота, дешевый, катушка, урожай, горячиться, падчерица, племянник, сорок, девяносто, сегодня*).

4. Собственно русские слова – все слова (за исключением заимствованных), которые появились в языке уже после того, как он стал самостоятельным языком русской народности (с XIV в.), а затем языком русской нации (XVII – XVI вв. – период формирования русского национального языка). Например, наименования действий: *ворковать, маячить, разредить*; предметов быта: *вилка, обложка, обои, авоська, калитка, ватрушка*; явлений природы: *вьюга, ненастье, гололед* и т.д.

Содержание научного **этимологического анализа**, по мнению В.И. Абаева, сводится к следующим трем задачам:

1) для основных оригинальных слов данного языка – сопоставление со словами родственных языков и прослеживание их формальной и смысловой истории вглубь до языка-основы;

2) для слов, которые являются производными внутри данного языка, – установление их основных частей: корня, основы и формантов в рамках данного языка;

3) для заимствований – указание источника заимствования [Абаев, 1952].

Этимологический анализ предполагает сравнение материала разных языков, в том числе и древних.

Исконная лексика составляет основу русского языка. На ее фоне выделяют славянизмы и заимствования из неславянских языков. Основной пласт среди них составляют старославянизмы – слова, пришедшие из старославянского языка. Это письменный язык древних славян, который с

конца X в. (в связи с принятием христианства в 988 г.) получил широкое распространение на Руси. Старославянский язык подвергся звуковому и грамматическому влиянию русского языка и позже был назван церковнославянским. В результате сосуществования двух языков (русского и старославянского) в русском языке закрепилось значительное количество старославянских слов (абстрактные понятия: *забвение, кощунство, мечта, мгновение*; научные понятия: *искусство, истина, количество*; церковно-религиозные: *ковчег, собор, инок* и др.).

На старославянское происхождение могут указывать фонетические и словообразовательные признаки. Наиболее характерны для славянизмов:

- неполногласные сочетания – **-ра-, -ла-, -ре-, -ле-** на месте русских полногласий **-оро-, -оло-, -ере-, -ело-** между согласными в пределах одной морфемы: *врата, злато, череда, плен, шлем* (ср. русские *ворота, очередь, полон* и *полонить, шелом* и *ошеломить*);

- сочетания **ра-, ла-** в начале слов перед согласными на месте русских **ро-, ло-**: *равный, разный, ладья* (ср: *ровный, в розницу, лодка*);

- сочетание **жд** на месте русского **ж** (из общеславянского ***dj**): *хождение* (*хожу*), *вождение* (*вожу*);

- **е** под ударением перед твердым согласным на месте русского **ё (о)**: *небо* (*нёбо*), *перст* (*напёрсток*);

- **е** в начале слова на месте русского **о**: *есень* (*осень*), *езеро* (*озеро*), *единица* (*один*);

- **щ** на месте русского **ч** (из общеславянского ***gti**): *мощь* (*мочь*), *помощь* (*помочь*);

- начальное **а** на месте русского **я [ja]**: *аз* (*я*), *агнец* (*ягненок*);

- начальное **ю** на месте русского **у**: *юродивый* (*уродливый*).

Словообразовательные элементы старославянизмов:

- приставки **воз-** (*воздать, возвратить*), **из-** (со значением «направления откуда-то изнутри»: *изгнать, излить, извергнуть*), **низ-** (*низвергнуть*,

ниспадать), **чрез-** (чрезмерный), **пре-** (презреть, преемник), **пред-** (преднамеренный), **со-** (совершать);

- суффиксы – **ствѣј(е)** (бедствие, сочувствие), **-ч(ий)** (ловчий), **-знь** (казнь, жизнь), **-ств** (свойство), **-изн** (укоризна), - **ущ-**, **-ющ-**, **-ащ-**, **-ящ-** (сведущий, тающий, лежащий, говорящий) и др.;

- первые части сложных слов: **благо-**, **бogo-**, **добро-**, **зло-**, **жертво-**, **едино-** и др. (благодать, богобоязненный, добродетель, злонравие, жертвоприношение, единообразие).

Лексические старославянизмы выделяются с учетом их семантики, причем целый ряд таких слов определяется с помощью этимологического анализа: *близнец, вторник, досада, иногда, клевета, начальник, подражать* и др.

Кроме старославянизмов, русский язык заимствовал отдельные слова из других славянских языков:

- из украинского (*гопак, гайдамак, борщ* и др.);

- из польского (*квартира, повидло, опека, вензель* и др.);

- из чешского (*робот, торт, беженец* и др.).

По времени проникновения эти слова являются более поздними, чем старославянизмы. Все родственные славянские заимствования были близки русскому языку, его системе, быстро ассимилировались и лишь этимологически могут быть названы заимствованиями.

Заимствования из неславянских языков могли быть обусловлены как внеязыковыми, так и языковыми причинами. Внеязыковые – это причины социально-исторического характера (торгово-экономические, политические, культурные связи между народами). Языковые причины – это и тенденция к устранению многозначности слова, к уточнению понятия, и стремление к замене описательного наименования названием из одного слова и др.

Иноязычные слова во многих случаях отличаются от исконно русских слов фонетическими, морфологическими и семантическими признаками.

Сущность фонетических признаков сводится к наличию звуковых сочетаний, чуждых русскому языку, но свойственных языку-источнику и особенностям его ударения.

Например, для греческих слов характерны сочетания *пс, кс, ск, мв* (*психология, синтаксис*), для латинских – *ау* (*аудитория*); для тюркских – синтармонизм (повторение) гласных (*балаган, мундштук, карандаш*); для французских – сочетания *уэ, уе, уа* (*дуэль, вуаль, боа*), *ам* (*амплуа*), конечные ударные *е, и, о* (*песне, пари, бюро*); для немецких – сочетания *ау, ей, хм*, начальные *шт* и *шп* (*рейс, шлагбаум, штамп*); для английских – сочетания *дж* (*джинсы*).

Давними считаются заимствования из скандинавских языков, угро-финских и финских языков.

Сущность морфологических признаков заимствований сводится к наличию нерусских морфем и исторических чередований звуков. Например:

- для греческих слов характерны чередования *з – т* (*синтез – синтетический*), приставки *а-, ан-, анти-, архи-, пан-, гипер-* и др. (*алогизм, антипатия, панорама, гипербола*), корни *авто-, био-, гиги-, дем-, моно-* и др.;

- для латинских слов – приставки *де-, интер-, ре-, ультра-, экс-, транс-* и др. (*депрессия, интервенция, репрессия, ультрасовременный, транскрипция*); суффиксы *-ум, -ус, -ент, -ур, -иц(я)* и др. (*консилиум, статус, инцидент, секция*), корни *акв-, ауди-, би-, дент-, момент-, юр-* и др.;

- для тюркских слов – суффиксы *-мак, -лык, -ча* (*башмак, балык, алыча*);

- для французских слов – суффиксы *-ёр, -аж, -анс*, (*дирижёр, тираж, нюанс*);

- для немецких слов – словосложение без соединительной гласной (*бакенбарды, почтамт*);

- для английских слов – суффикс *-инг* (*смокинг*).

Семантическим признаком иноязычного слова является его значение в языке-источнике, с которым оно перешло в русский язык.

Первые немногочисленны, относятся к бытовой лексике: *ябеда, клеймо, варяг, акула*. Есть имена собственные: *Ольга, Игорь, Олег, Глеб*.

Угро-финские слова (из финского, эстонского, коми языков и др.) касаются быта северных народов: *тундра, пурга, нарты, пельмени, камбала, навага*, а также имена собственные *Печора, Омега, Волга* и некоторые другие.

Тюркские слова (тюркизмы) пришли из языков печенегов, половцев, татар, турок (особенно во времена татаро-монгольского ига). Это слова со значением кочевого быта, украшений, одежды, предметов вооружения, масти лошадей, кушаний, торговли и др. (*кибитка, бирюза, аркан, каурый, табун, арбуз, караул, базар* и др.).

Заимствования из классических языков (древнегреческого и латинского) пришли в русский язык в разное время.

Грецизмы проникали в чаще всего через старославянский язык в IX – XI вв., позднее - через другие языки. Это слова, связанные с религией, наукой и искусством (*ад, ангел, демон; грамота, алфавит, каллиграфия, синтаксис; орган, комедия, трагедия*). Немного слов – названий веществ, животных (*металл, сапфир, крокодил, свекла, огурец, кровать* и др.).

Латинизмы начали проникать в русский язык в X-XV вв. через греческий язык. Основная масса прошла в XVII – XVIII вв. через другие языки. Прежде всего это научные и общественно-политические термины, а также некоторые названия предметов быта, культуры и собственные имена людей (*ампутация, аудитория, каникулы, диктант, эрудиция, максимум, интеллигенция, юстиция, комната, мотор, Валерий, Виктор* и др.)

Пополняли русский язык слова из новых западноевропейских языков.

Немецкие слова (германизмы) относятся к разным областям человеческой деятельности (*лафет, мундир, солдат, штаб, верстак, стамеска, штатив, бухгалтер, мольберт, анилаг, фельдшер, дискриминация* и др.)

Французские слова (галлицизмы) особенно интенсивно обогащали русский язык в течение XVIII – XIX вв. Это слова светского обихода,

наименования одежды, кушаний, термины искусства, торговли, промышленности и др. (*шинель, одеколон, маникюр, пломбир, сосиски, винегрет, маскарад, партер, премьер, магазин, багаж* и др.)

Английские слова (аглицизмы) - заимствования в основном XIX – XX вв. Это морская лексика, спортивная, техническая, общественно-политическая, бытовая (*яхта, футбол, конвейер, эскалация, бойкот, комфорт, бифштекс* и др.)

Из других языков заимствования немногочисленны. Так, из **итальянского** русский язык заимствовал преимущественно термины музыкального, сценического и изобразительного искусства (*аллегро, опера, карикатура*); из **голландского** – термины морского дела (*флаг, гавань*) и некоторые другие (*синтез, брюки, клинок*); из **испанского** – слова *серенада, гитара, болеро* и некоторые другие; а также единичные слова из **арабского** (*алгебра, халва*); из китайского (*чай, женьшень*); из **персидского** (*инженер*); из **японского** (*кимоно, иваси*) и некоторые другие.

Иноязычные слова, пришедшие в русский язык, обычно подвергаются фонетическим, грамматическим и семантическим изменениям, что порой осложняет выявление этимологии того или иного слова.

Связь этимологии с фонетикой, лексикой и словообразованием нашла отражение и в сформулированных лингвистами принципах научной этимологизации. Это:

- генеалогический принцип, или, по терминологии В.И. Абаева, принцип системы, который требует, чтобы этимология исходила из генеалогической классификации языков;

- фонетический принцип предполагает учет закономерных соответствий звуков на разных этапах развития данного языка или между ним и родственными языками;

- морфологический принцип требует, чтобы при сопоставлении родственных слов учитывались закономерные соответствия их словообразовательных и словоизменительных элементов;

- семантический принцип учитывает вероятность смысловых переходов;

- этимологический принцип требует глубокого и всестороннего знания исторических условий, в которых возникло слово.

Таким образом, лингвистические основы изучения непроверяемых безударных гласных в школе определяются с учетом целей и содержания обучения. Особое место в этом процессе занимает этимологический анализ, он применяется как основной методический прием объяснения написания слова.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Абаев, В. И. О принципах этимологического словаря [Текст] / В. И. Абаев // Вопросы языкознания. – 1952. – № 5. – С. 56-69.
2. Алгазина, Н. Н. Предупреждение орфографических ошибок учащихся 5-8 классов [Текст] / Н. Н. Алгазина. – М. : Просвещение, 1965. – 280 с.
3. Виноградов, В. В. История слов [Текст] : ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградова ; РАН, отд-ние. лит. и яз., Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Изд-во РГБ, 2000. – 1138 с.
4. Иванова, В. Ф. Принципы русской орфографии [Текст] / В. Ф. Иванова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 230 с.
5. Львова, С. И. Орфография: этимология на службе орфографии [Текст] : пособие для учителя / С. И. Львова. – М. : Рус. слово, 2000. – 108 с.
6. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка [Текст] / Н. М. Шанский. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1972. – 328 с.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОЗЕ Н.С. ЛЕСКОВА

Кажан Валентина Ивановна, Калинина Раиса Павловна

(Кривой Рог, Украина)

В творчестве Н. С. Лескова, по мнению В. Троицкого, органически сочетались реализм и романтическая мечта, насыщенность повествования

массой конкретных, конкретных, иногда документальных подробностей, почти натуралистические зарисовки и глубокая, художественная обобщенность воссоздаваемых картин [6, с.3-4].

Действительно, в прозе писателя мы постоянно ощущаем животворную связь с фольклорными, мифологическими, русскими и зарубежными национально-историческими источниками и героями: Илья Муромец, Андрей Первозванный, Андрей Рублев, Нил Сорский, Андрей Боголюбский, Зевс, Юпитер, Даная, Гермес, Платон, Плутарх, Зоил, Савонарола, Фернейский пустынник (Вольтер), Макиавелли и мн.др.

Тексты Лескова наполнены указаниями на известные исторические события: чугуевский бунт, филаретовщина, турецкие войны, Венгерская кампания, Брестская уния и т.п.

На страницах его произведений встречается множество прецедентных имен святых, апостолов, известных исторических и религиозных деятелей, богословов, монахов, основателей монастырей, военачальников, ученых, писателей, художников и т.д. Например: святая Варвара, Ветхозаветная Анна, святой Алексей, Николай Угодник, апостол Павел, апостол Иоанн Богослов, пророк Аввакум, пророк Иеремия, пророк Аммос, аббат Лакордер, монах И. Вишенский, Августин Блаженный, богослов Нимейер, Кирилл Иерусалимский, епископ Никанор, митрополит Филофей, епископ Викарий, Архимандрит Леонид, Архимандрит Фотий, митрополит Серафим, митрополит киевский Петро Могила, киевский губернатор Фундуклей, Сигизмунд III, Петр Первый, Б. Хмельницкий, Г. П. Павский, Песталоцци, Кеплер, Брегет, Гумбольдт, Марко Поло, Тициан, О. Кипренский и мн.др.

Имена служат своего рода знаком определенных качеств, символизируют тот или иной прецедентный текст или прецедентную информацию: ***Исход Израилев был: поехали в Питер Россию направлять на все доброе все друзья мои – и губернатор, и его оный правитель*** (Соборяне) [3, с.99-100] (упоминается переселение, уход израильского народа из Египта в Палестину, о

котором рассказывается в Библии); *Откуда он и кто такой, - едва ли кто-нибудь знал с достоверностью. Шутливые люди решились даже утверждать, что «майор Шульц» и есть вечный жид Агасфер или другое, столь же таинственное, но многозначущее лицо (Мелочи архиерейской жизни) [4, с.194]; Оба эти лица предвкушают захватывающее их блаженство – они готовятся насладиться стычкой **Гога с Магогом** – Туберозова с Термосесовым! (Соборяне) [3, с.208]* (имеются в виду упоминаемые в Библии князь и народ, а в тексте эти имена используются в значении «противники». По легенде, Агасфер нанес удар Христу, поднимающемуся на Голгофу, за что был обречен на вечные скитания).

Писатель часто использует хорошо известные ситуации, яркие признаки которых запечатлены в народном сознании с определенной эмоциональной оценкой: *Термосесов поднял вровень с своим лицом карточку **покойного графа Муравьева** и пропел: - Михайло Николаевич, здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! – Вы с ним разве были знакомы? – Я?.. то есть ты спрашиваешь, лично был ли я с ним знаком? Нет; меня бог помиловал, - а наши кое-кто наслаждались его беседой (Соборяне) [3, с.194]* (Речь идет о М.Н. Муравьеве, одном из наиболее реакционных государственных деятелей, который за жестокость подавления Польского восстания 1863 года был прозван «вешателем».)

А вот намек на ситуацию, которая сложилась в юго-западном русском крае, где право избрания епископов было в руках королей. Служители церкви не заботились о народном благе, народ на них жаловался и не признавал за своих пастырей: *Над сими пастырями сбылось вполне слово Писания: «**Овцы за ними не шли, а бежали от них, как от наемников**» (Райский змей» [4, с.449].*

В течение всей своей литературной деятельности Лесков был обеспокоен вопросами веры и христианского поведения, дух христианства распространялся и утверждался во многих произведениях писателя, а особенно в хрониках «Соборяне», «Захудалый род», «Святочных рассказах», очерках «Мелочи

архиерейской жизни», «Райский змей», рассказах «Архиерейские отъезды», «Епархиальный суд», «Синодальный философ» и др.

С помощью религии Лесков надеялся преобразовать человечество, изменить и улучшить бытие, сделав религиозность внутренним миром каждого человека. В этом писатель был солидарен с Крыловым, который, по мнению самого Лескова, «кратко» и «прекрасно» говорил о Боге так: «Чтобы Бога знать, быть надо Богом, Но чтоб любить и чтить его, Довольно сердца одного» [2, с.364].

Следовательно, широкое и сознательное обращение писателя к церковно-религиозной терминологии представляется вполне закономерным и мотивированным.

Анализ языка лесковской прозы позволяет говорить о многообразии функционального использования понятий конфессиональной сферы. Выделяются две группы терминов, использующихся как в прямом (в своей основной номинативной функции), так и в переносном значении. Выполняя функцию непосредственного изображения действительности, лексемы религиозно-церковной терминосферы обозначают: служителей церкви: *архиерей, иеродиакон, иеромонах, изограф, калуер, келейник, ктитор, костыльник, литургист, протоиерей, псаломщик, ритор, синолог, скитник*; облачение: *епитрахиль, камилавка, куколь, полиелей, сакос, стихарь*, атрибуты церковной службы: *алтарь, аналогий, антиминс, мирница, митра, налой, ослопная свеча, потир, ра'ка, солея, дикирий, трисоставная лампада, тябло*; мифические понятия: *ангел, апостол, бог, богородица, велиар, демон, дьявол, Егова, христонпродавцы*; религиозные сооружения: *Божий храм, катедра (кафедра), лоно, митрополичья церковь, обитель, притвор, приходская церковь, скиния, часовня*; церковную литературу: *апокриф, Библия, Великий прокимен, Евангелие, Когелет, кормчая, молитословник (молитвенник), Пластырь, сорокоуст, требник, шестопсалмие, четминеи*; обряды и песнопения: *антифоны, епитимия, исполатие, катавасия, паломничество, паремии,*

прокимны, проскомидия, радения; Святки Петровки, рясофор, Триодь Цветная; религиозные системы и веры: катехизис, католичество, пиетизм, прозелитизм, уния, христианство, штунды; абстрактные религиозные понятия: вера, грех, душа, обряд, религия; праздники, округа, живопись, советы: Красная горка, консистория, Крещение, Мокрый Спас, Петровка, поповка, причастие, целебник.

Часть терминов устарела (*симония* – приобретение духовных должностей подкупом; *седьмица* – неделя) или относится к числу узкоспециальных, например: *прозелитизм* – приверженность новому верованию; *скиния* – переносная (походная) церковь во время странствий по пустыне; *Деисус* – икона, на которой изображаются Христос, Богородица, Иоанн Креститель. Заметим, что подобные слова-термины, как правило, функционируют в прозе Лескова без объяснений и сносок: *Он оставил епархию расторгнутою чуждым учением (штундою), с которым борьба трудна, а исход неизвестен* [3, с.250]; «...многие от одного этого бесстыдного видения спешили перебежать в тихую *штунду*» (Соборяне) [3, с.250].

Судьба слов, тесно связанных с понятиями религиозного характера и изменивших свое содержание в XVIII-XIX вв., по мнению лингвистов, была тесно связана с активизацией религиозно-философской мысли в России и ее развитием; возникшая полемика способствовала изменению семантики ряда слов [1, с.258]. Детерминологизация коснулась, например, таких конфессиональных терминов, как *пропаганда, догмат, апологет, отщепенец, ренегат, раскольник, сектант, сепаратист* и др.

Термины религии включаются и в процесс образно-переносного употребления, приобретая в художественном контексте лексическое значение, основанное на ассоциативных связях. Например: «*Владыка*» при малейшем сомнении, сама бралась за Кормчую и, рассмотрев дело, решала его так, что оставалось только исполнять, потому что решение всегда было правильно (Мелочи архиерейской жизни) [4, с.56]; *Скажите ему, чтобы он мне повинулся*

*и попросил помочь, - я очень рад и сам съезжу к **бонзе**. Старик мне не откажет, - сейчас подмахнет разрешение* (Мелочи архиерейской жизни) [4, с.289]; *Занят я был мыслью высокою, чтоб, усовершенствовав себя в земной **юдоли**, увидеть не вечерний свет и возвратиться с процентами врученный мне от Господа талант* (Соборяне) [3, с.115]; *Этого ни в какой **конклаве** нельзя пустить, чтобы кто-нибудь не пострадал* (Русское тайнобрачие) [4, с.392].

Лесков обращается и к таким средствам словесной образности, как метонимия и синекдоха: *Он умер без всяких мучений на светлый день Христова Воскресенья, после обедни, за которою сам читал **Апостол*** (Захудалый род) [4, с.4]; *Я всегда после **Евангелия** в церковь хожу: не знаю, что там читается* (Отборное зерно) [5, с.70].

Иногда прямое значение терминов осложняется эмоционально-экспрессивными элементами, суффиксами субъективной оценки и контекстом: *И стричь-то, и брить-то нас хотели, и в **аббатиков** переделать желали* (На краю света) [4, с.395].

Анализ функциональных особенностей терминов конфессиональной сферы показывает расширение круга их сочетаемости. Существенное влияние на характеристику терминов в тексте оказывают прилагательные, существительные. Сравним: *...для обеден я «**раннего батюшку**» за себя нанимал* (Русское тайнобрачие) [4, с.395]; *...он продолжал быть **строителем тайн Божьих** и верным слугою короля* (Райский змей) [4, с.444].

Активное включение терминов религии в лесковскую прозу приводит к созданию обобщенно-символических образов, поэтических сравнений, метафор. Религиозные термины могут участвовать в создании образов, являясь элементом художественных сравнений: *Путь свой на работах мы проходили с ним **точно иудеи** в своих странствиях пустынных с Моисеем, даже скинию свою при себе имели* (Соборяне) [3, с.6]; *Трости эти ... как **библейские змеи**, которых кинули пред фараона египетские кудесники* (Соборяне) [3, с.51]; *Она*

была дворянам... все равно, **что столп огненный**, в пустыне путеводящий... (Захудалый род) [4, с.62].

Чаще всего эту функцию выполняют библейские образы. Обратимся к примерам: *И жертва его прямо идет, как жертва Авелева* (Соборяне) [3, с.59]; *...и назван он был «непочтительным Хамом»* (Соборяне) [3, с.68]; *...подобно Ионе, уже храпяху* (Архиерейские объезды) [4, с.580].

Слова религиозной тематики используются в авторском тексте как синонимы или антонимы. Синонимы чаще всего выполняют функцию уточнения, например: *Кто-то выразил было некоторое сомнение насчет такой податливости **владыки**, но правитель совсем обелили его **преосвященство**...* (Мелочи архиерейской жизни) [3, с.289]; *...был «**действительный поп**», то есть **настоящий священник*** (Случай у Спаса в Наливках) [3, с.536].

Нередко используемые писателем термины сопровождаются в тексте пояснениями, таким образом образуются абсолютные синонимы: *А настоятель, ничтоже сумняся, его острижет и возложит на голову его **священный куколь**, или **шлем духовный**...* (Случай у Спаса в Наливках) [3, с.547]; *Но попы и московские дьяки издавна славились своею искательностью, а есть еще **народ, община, т.е. прихожане** церкви Всемилоственного Спаса в Наливках. Какая по этому последовала резолюция, из дела не видно, а «**приходские люди**» стояли на своем...* (Случай у Спаса в Наливках) [3, с.552]; *За полтора месяца до своего успения преосвященный Кирилл написал «**тестамент**», или **духовное завещание**...* (Райский змей) [3, с.552]; *Таким образом, тип наших «ранних батюшек» возникал из бродяг духовного чина исторически и обозначался, как **заместитель**, или **викарий** в приходе (Бродяги духовного чина) [3, с.497]; *А между тем то, что мы, по обыкновению, называем публикою, есть, в известном смысле, та же **церковь**, то есть **собрание людей**, связанных единством духовных интересов...* (Епархиальный суд) [3, с.337].*

Термины-антонимы встречаются в прозе Лескова реже: *Один из священников, отец Гавриил (Григорьев) был «действительный поп» ... а другой – отец Кирилл (Федоров) «не действительный»...* (Случай у Спаса в Наливках) [3, с.536]; *ранние обедни – поздние обедни* (Бродяги духовного чина) [3, с.496]; *хороший клир – дурной клир* (Епархиальный суд) [3, с.337].

Широкая начитанность, исключительная память писателя способствовали насыщению текстов его произведений пословицами, афоризмами, библейскими цитатами. Часто выдержки из Библии используются в качестве эпиграфов: *«Род проходит и род приходит, и земля же вовек пребывает»*(эпиграф к первой главе романа-хроники «Захудалый род») [4, с.3]. К святочному рассказу «Отборное зерно» Лесков подбирает цитату из Евангелия: *«Спящим человеком прииде враг и вся плевелы посреди пшеницы»* [5, с.57].

Прецедентные высказывания иногда структурно и содержательно трансформируются, в них складывается обновленный смысл. Ср.: *...сказал мне однажды о княгине так: - Она это... была всем дворянам-то и всей прочей околичности ... что столп огненный в пустыне путеводящий и медный змий, от напастей спасающий* (Захудалый род) [4, с.62]. Образ «столп огненный в пустыне путеводящий» восходит к ветхозаветной истории исхода евреев из Египта, а «медный змий, от напастей спасающий» - это намек на идола «Нехуштана», поставленного евреями ради спасения от напавших на них змей (так велел сделать Моисею Бог).

Библейские цитаты в творчестве Лескова многофункциональны. С их помощью автор характеризует окружающую его действительность, героев, рассказчика, их речь. Ср.: *И больной с доктором, пошутив, весело расстались. А между тем подумайте, читатель: сколько горького в этой шутке, которою отводил свою досаду очень умный русский человек духовного чина? Сколько в том, что он осмеивал, чего-то напрасного обременяющего и осложняющего жизнь невыносимыми условиями, которые чуть не целые века стоят неизменными только потому, что никто не хочет понять их тяжесть и снять*

с людей «бремена **тяжкие и неудобноносимые**» (Архиерейские объезды) [4, с.234]; *Об условиях со мной не говорите: **делающий достоин мзды, а вол молотящий – корму***. Более мне ничего не нужно (Захудалый род) [4, с.171]; *Какая юность, какая свежесть угасла. Вот именно «**вкусах мало меду и умер**»* (Интересные мужчины) [5, с.350]; - ***Трудящийся достоин мзды***, - говорил он шутя, но с серьезными целями Муравьев. – *Я вас просвещаю, а вы меня кормите* (Таинственные предвестия) [5, с.377].

Наблюдения показывают, что писатель использует не только прямое цитирование (точные цитаты из Библии), но и частичное, а также вольное изложение библейских текстов. Ср.: *Словом, ступай и губи свою чистоту, как пожелала супруга важного человека! Но если генерал и государственный сановник считали ни во что секретарскую добродетель, то ему самому она была дорога, и он надеялся ее отстоять с упованием на бога, перед очами которого и синодальный секретарь все же стоит и **более двух воробьев, предлагаемых за единый ассарий*** (Синодальный философ) [4, с.473]; *Проведя все это в уме, она вслух договорила свою мысль: - Это не лад, а разлад. – Да, принесен «**не мир, а меч**», - спокойно отвечал ей Червев* (Захудалый род) [4, с.185]; *Он почему-то утверждает, что эти деньги найдутся. Он говорит об этом так твердо и с такой уверенностью, что **если только верно, что вера может переставлять горы***, - то его уверенность должна сбыться (Интересные мужчины) [5, с.349] (выделенное выражение восходит к евангельскому тексту «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда» и она перейдет; и ничего не будет невозможно для вас» [5, с.456]. А вот неточная цитата, передающая слова Бога перед созданием Евы из ребра Адама: *Кто религиозен и кто уважает заповедь божью, тот должен знать, что «**не благо быть человеку одному**» Это положение обойти нельзя, ибо оно вечно, ибо это... так...* (Совместители) [5, с.269].

В качестве прецедентного высказывания могут выступать отдельные слова и выражения из Библии, например: *Здоровое, реальное направление нашей литературы, может быть порою заслуживающей и укоры за излишний реализм, показало нам великорусскую жизнь налицо. Мы знаем, каковы наши «ветхие мехи», затрещавшие при игре влитого в них молодого вина* (Старинные психопаты) [5, с.297] (выражение «ветхие мехи» взято из библейского текста «Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи» [5, с.454].

По библейскому признанию Сарра, жена патриарха Авраама, дожила до 127 лет: *Протопопица моя, Наталья Николаевна, говорит, что я каков был, таков и сегодня; а где тому так быть! Ей, может, это в иную минуту и так покажется, потому что и сама она уже **Сарриных лет** достигла* (Соборяне) [3, с.101].

В Евангелии от Луки есть рассказ о вдове, которая жила в городе Наине, ее сына воскресил Христос: *Ну что, моя **вдовица Наинская**, что твой ученый сын? – заговорил Савелий ко вдове. – Варнаша мой? А Бог его знает, отец протопоп: он верно оробел и где-нибудь от вас спрятался* (Соборяне) [3, с.148].

Символом прецедентной ситуации нередко оказываются предметы быта, артефакты, природные объекты и т.п. Например: *В дом он их, разумеется, тоже не впустил, но велел вынести на свой **лифостротон** маленький столик и на двух панычей один стул – только с тем, чтобы они не смели на него садиться* (Старинные психопаты) [5, с.310] (лифостротон – каменный помост, на котором, по Евангелию, сидел Пилат во время суда над Христом); *Купец стал упрашивать. – Сделай милость, - говорит, - я тысяч не пожалею и деньги сейчас вперед хоть **Николе**, хоть **Спасу** за образник положу* (Отборное зерно) [5, с.76] (речь идет об иконах Николая Угодника и Спаса – это икона с изображением лика Христа).

Проза Лескова воспринималась и воспринимается как своеобразный диалог с библейскими текстами: она насыщена множеством скрытых и точных

цитат, реминисценций, аллюзий, прецедентных метафор. Ср.: *По предписанию о. протоиерея, нас собралось семь иереев и почти что столько же в стихирях дьячков для встречи высокопреосвященного. Все возлежали на муравке подле церкви. Некоторые, подобно Ионе, уже храпляют... Вдруг раздается тревога и производится колокольный звон, мы стремглав летим к облачениям, выстраиваемся в должном порядке и продолжаем Андреево стояние с добрыми полчаса (Архиерейские объезды) [4, с.323]* (Благодаря цитате у читателей возникает ассоциация с эпизодом из Библии, где Иона крепко заснул на корабле, несмотря на великую бурю. Кроме того, библейское выражение подчеркивает ироническое отношение автора к церковнослужителям, которые не исполняют своих обязанностей во время Андреева стояния, т.е. богослужения на четвертой неделе Великого поста, предполагающее чтение канона Андрея Критского); *Но это вы, господа, задумываете что-то вроде «египетской работы», - молвил некто из собеседников... Будет ли это современно? (Жидовская кувырколегия) [5, с.123]; Кто что ни говорил, а корень учения горек, да и плоды оного в России не сладки. То же и о вере. Скажите ей, что Моисей, изводя народ из неволи, велел своим унести драгоценные сосуды египтян, и мы можем хорошо воспитать нового человека только тогда, когда он похитит мудрость древних и поносится с нею, в зное пустыни, пренебрегая и холод, и жажду, и горечь мерры (Захудалый род) [4, с.170]. (Согласно Библии, при исходе из Египта евреи испытали трехдневную жажду в пустыне. Когда же они пришли в то место, где была вода, то она оказалась горькой. Это место было названо ими Меррой, что в переводе с древнееврейского обозначает «горечь» [4, с.571].)*

Прославляя многие коренные черты русского характера, Лесков был далек от национального самодовольства и ограниченности. Отдавая дань здоровому национальному критицизму, писатель использует библейские цитаты, образы и развенчивает тупость и ограниченность чиновников, полицейских, военных, служителей церкви, по его словам, «разболтаев» и

«цыцарей» (от слова «цыц»). Ср.: *Так шло уже несколько времени, и хотя епископ неопустительно продолжал свои занятия, но они, вероятно, не оказывали желаемого воздействия на его владычные междукрылья; он все ходил, пригорбясь и насупясь и бе, яко Исав, «нрава дикого, угрюмого, ко гневу склонного и мстительного»* (Мелочи архиерейской жизни) [4, с.206]; *Но однако как «нет тайны, которая не сделалась бы явною», то нерушимое слово Писания и здесь оправдалось. Вскоре же все в Москве могли видеть независтную гравюрку, которая изображала следующее: стоит хиленький старичок в колпачке, а перед ним служит на задних лапах огромнейший пудель и держит на себя в руках хлыст. А старец ему говорит: «Служи (собачья кличка), но на мой двор не смей лаять. А то я заставлю тебя визжать на восьмой голос* (Мелочи архиерейской жизни) [4, с.305-306]. (Этот эпизод автор тоже подает в жесткой сатирической манере, описывая конфликт между митрополитом Филаретом и полицейским генералом, который вмешивался куда не следовало и «не всегда хорошо знал пределы своей власти» (Мелочи архиерейской жизни) [4, с.295]; Его превосходительство выразил недовольство пением в одной из столичных церквей, написал письмо Филарету, требовал ответа, но генерал не умел петь, не имел ни голоса, ни слуха и не знал, что такое «восьмой глас». Дело в том, что в православной церкви и музыке есть восемь «гласов» (напевов для некоторых молитв и псалмов), еженедельно меняющихся [4, с.576].

Таким образом, в прозе Н. С. Лескова лексика конфессиональной сферы чаще используется в прямом значении. Однако ряд терминов детерминологизируется, приобретает новые значения, стилистические характеристики. Религиозная лексика и фразеология в творчестве писателя служит как для идеализации старой русской церковности (образы праведников), так и для развенчания официальной церкви, лицемерных святош и пастырей. Многообразные библейские цитаты и реминисценции

характеризуют эпоху, героев, их речь, помогают выявить существенное в человеке и русской действительности.

Внимательное и добросовестное изучение лесковской языковой системы – прекрасная и поучительная школа литературного мастерства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. – М.: Наука, 1981. – 359 с.
2. Лесков Н. С. Боговедение баснописца / Н. С. Лесков // В мире Лескова. – М.: Сов. писатель, 1983. – С.364–365.
3. Лесков Н. С. Собрание сочинений: [в 12 т.] / Н. С. Лесков. – Т.1. – М.: Правда, 1989. – 479 с.
4. Лесков Н. С. Собрание сочинений: [в 12 т.] / Н. С. Лесков. – Т.6. – М.: Правда, 1989. – 605 с.
5. Лесков Н. С. Собрание сочинений: [в 12 т.] / Н. С. Лесков. – Т.7. – М.: Правда, 1989. – 463 с.
6. Троицкий В. С думой о России: [вступ. статья к собр. соч. Н. С. Лескова] / В. Троицкий. – Т.1. – М.: Правда, 1989. – С.3–44.

ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ УКРАИНСКОЙ ПАРЕМИОГРАФИИ

Колоиз Жанна Васильевна

(Кривой Рог, Украина)

Паремиография, как и лексикография в целом, является разделом языкознания, имеющим прежде всего практическую направленность, а сами словари воспринимаются как «вербализированные текстовые воплощения труда собирателей и составителей», как «продуктивный объект для разноаспектного изучения в языкознании» [5, с. 43]. И это вполне естественно, поскольку традиционно на словари возлагается много функций: они являются средством передачи информации, идентифицируют норму, направленную на

усовершенствование и унификацию национального языка, предоставляют пользователям информацию об условиях использования той или иной единицы, оказывают помощь в изучении как родного, так и неродного языков [2, с. 63–64].

Отечественная паремиография имеет длительную историю и наработанный на протяжении веков опыт [3].

Появление первых паремиографических трудов относят приблизительно к XVII в.: одним из самых давних считают рукописный сборник Климентия Зиновиева «Приповѣсти посполитые». Рукопись предусматривала свыше полторы тысячи собственно паремиологических единиц, расположенных в алфавитном порядке, без перевода и толкования их содержания. Рукописный труд Климентия пролежал в неизвестности для исследователей около полутора века. Материал, зафиксированный в этом сборнике, может иметь большое значение для современных исследований: для установления приблизительного датирования появления паремий; для изучения эволюционных процессов в сфере паремиологии; для создания академических словарей паремий разных типов.

Конец XVIII–XIX вв. можно считать этапом становления отечественной паремиографии. Среди паремиографических трудов этого периода заслуживает внимания один из разделов «Грамматики малороссийского наречия» Алексея Павловского, изданной в Санкт-Петербурге в 1818 году, где представлено около полторы сотни единиц, квалифицированных автором как фразы, пословицы и поговорки и систематизированных по алфавитному принципу. Такой регистр украинских паремий стал не только первым печатным собранием собственно паремий, но и образцом труда переводного типа, поскольку Алексей Павловский достаточно часто прибегал к соответствующим украинско-русским параллелям.

Ближе к середине XIX в. интерес к украинским паремиям усиливается, в результате чего появляется значительное количество паремиографических изданий. В 1834 году в Харькове напечатана небольшая по объему книга под названием «Малороссийския пословицы и поговорки, собранные В. Н. С.». На тридцати четырех страницах пословиц и поговорок поместилось немного: все они без любой

дифференциации подаются в алфавитном порядке за начальными буквами паремии.

Значительным событием в отечественной паремиографии стало издание в 1841 году в Вене паремий, собранных галицким писателем Григорием Илькевичем под названием «Галицкіі приповѣдки и загадки», куда вошло более 2500 пословиц.

Отдельной страницей в истории отечественной лексикографии в целом и паремиографии в частности можно считать «Словарь украинского языка» Павла Билецкого-Носенко, где во многих словарных статьях паремии выступают достаточно ярким иллюстративным материалом, содержат толкование, сопровождаются ударением, имеют русские соответствия.

Становлению отечественной паремиографии способствовал опубликованный в 1857 году сборник украинского фольклориста и лингвиста Николая Гатцука «Ужинок рідного поля», включающий более полторы тысячи так называемых «присловок и примовок» разной коммуникативной модальности и видовой принадлежности. Примененное автором правописание (использование надстрочных знаков при соответствующих буквах) усложняло восприятие и понимание. Поэтому предложенное собрание паремий не имело ожидаемой популярности, однако, бесспорно, оказало влияние на последующую их систематизацию, в том числе и на создание достаточно солидного на то время паремиографического издания «Малороссийские пословицы, поговорки и загадки и галицкие приповѣдки» Николая Закревского (размещенные во второй книге известного этнографического труда «Старосвітський бандуриста», напечатанного в Москве в 1860 году). Особенностью этого издания является то, что: во-первых, в нем, хотя и не совсем последовательно, иллюстрируются варианты паремий; во-вторых, слова, неправильное ударение которых может привести к искажению значения, сопровождаются соответствующим диакритическим знаком; в-третьих, оно демонстрирует элементы словаря переводного типа (украинские паремии сопровождаются аналогами из русского, польского, латинского, немецкого и других языков); в-четвертых, в случае литературной фиксации той или иной единицы подается ее паспортизация. Заметим, что

Николай Закревский положил также начало регистрации высказываний из литературных источников, что впоследствии стало обязательным для лексикографической практики. В целом же труд Николая Закревского на то время являлся наиболее полным изданием паремий (3878 единиц).

Через несколько лет (1864) отечественная паремиография пополнилась достаточно солидным трудом Матвея Номиса «Українські приказки, прислів'я и таке инше», в регистр которого входило более 14 тысяч единиц, записанных разными людьми на многих украинских территориях. Составитель избирает тематический принцип размещения материала, где каждая «тема» получает количественные пределы, а та или иная паремия – порядковый номер и паспортизацию (сокращенное название территории, источника или фамилии лиц, записавших паремию). Так называемые «отмены» иллюстрируют лексическую (лексико-грамматическую) вариантность, кое-где соответствующим модификациям поддаются почти все структурные компоненты. Единицы, которые можно использовать в подобных ситуациях, манифестируются в пределах названного десятка, хотя такая репрезентация является скорее исключением, чем закономерностью. Сам же сборник вызвал достаточно большой интерес и способствовал дальнейшим разработкам паремиологического материала.

В начале XX в. отечественная паремиография имела в своем распоряжении достаточно мощный научный арсенал, достигла значительных результатов. На рубеже двух эпох появляется сборник Ивана Франко «Галицько-руські народні приповідки» [1], который воспринимается как обобщение паремиографических достижений XIX в. и начинает новую страницу в истории отечественной паремиографии, являясь своеобразным стартом на дистанцию на протяжении следующего столетия.

Воспользовавшись опытом своих предшественников и акцентировав внимание на важнейшем, более рациональном и приемлемом, Иван Франко предоставляет на суд читателя оригинальный труд, который, без сомнения, можно назвать образцом первого собственно толкового словаря паремиологических

единиц (свыше 30 тысяч). Научные принципы составления такого словаря базируются на основе изучения и критического осмысления трудов предшественников во многих странах Европы. Составитель считал необходимым придерживаться принципа «географічного умісцевлення приповідок», стремился показать локальные варианты тех или иных единиц. Он отклонил механический «поазбучний» способ расположения высказываний. По его мнению, целесообразнее группировать «народное мудрословие» по алфавиту под словом, общим для многих единиц. К тому же каждая единица получает истолкование или объяснение, что является неоценимым вкладом в становление отечественной паремиографии.

Иван Франко не ограничивается толкованием значения или репрезентацией ситуации, в которой можно воспользоваться соответствующей единицей, но и подает генетическую основу, сведения о народных обычаях, верованиях, данные этнологического и языкового характера.

В ряде статей, сопровождающих украинские «приповідки», составитель иллюстрирует образцы иноязычных параллелей, апеллируя к тем или иным паремиографическим трудам своих предшественников.

Такой сопоставительный аспект дополнил общую методологическую схему разработки паремиологического материала, дал возможность проследить структурно-семантические и функционально-стилистические особенности, репрезентировать ментальную, культурно-национальную специфику.

От времени издания «Галицько-руських народних приповідок» прошло более тысячелетия, однако ничего лучше, солиднее, оригинальнее история отечественной паремиографии пока еще не создала.

В первой половине XX в. были изданы всего лишь несколько небольших сборников, которые в целом не привнесли ничего особенного в паремиографическое направление. Паремиографические сборники последующих десятилетий характеризует тематический принцип построения. В 60-х годах XX в. наблюдается попытка вернуться к созданию паремиографических словарей толкового типа.

Этот период обозначился появлением переводных, в частности двуязычных, словарей, в которых репрезентация паремий и их иноязычных, прежде всего русскоязычных, соответствий была либо попутной («Російсько-український словник сталих виразів» Ивана Виргана и Марии Пилинской (1959), либо специальной («Нема приповідки без правди: Російські прислів'я та приказки з українськими відповідниками» (або «Пословица не мимо молвится: Русские пословицы и поговорки с украинскими соответствиями» Нелли Беленьковой (1963, 1969).

Труд Нелли Беленьковой был положительно воспринят общественностью, получил хорошую оценку и благосклонность критиков, за исключением некоторых замечаний (например, составитель должен более тщательно подойти к отбору и систематизации материала; стремясь проиллюстрировать разнообразное синонимическое богатство паремий, Нелли Беленькова не считается с тем, что украинские соответствия кое-где не воспроизводят содержание русской единицы. Сошлемся на пример: паремию *Мал золотник, да дорог* – используется в ситуации, когда хотят подчеркнуть, что хотя кто-то небольшой ростом или значительно молод, все же имеет много позитивных качеств, – никоим образом нельзя считать семантическим соответствием конструкциям типа: *З малої хмари великий дощ; Малі тілом, та великі духом; З малої іскри та великий вогонь буває; Хай річка невеличка, а береги ламає*.

Несмотря на определенные неточности, словарь Нелли Беленьковой занял свое место в истории отечественной паремиографии и обозначил перспективы дальнейшей разработки паремий. Правда, исследование пословиц и поговорок в пределах фразеологии длительное время тормозило создание специальных паремиологических словарей (в лучшем случае собственно паремии или афоризмы включались в регистр фразеологических трудов).

В этом плане заслуживает на внимание «Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник» Ивана Олейника и Михаила Сидоренко (1971), переживший несколько изданий и не потерявший своей популярности доньше. Особенностью этого труда было то, что он, во-

первых, демонстрирует образец не просто двуязычного словаря, а переводного словаря толкового типа; во-вторых, состоит из двух частей (украинско-русской и русско-украинской); в-третьих, регистровые единицы располагаются в алфавитном порядке с учетом не только букв первого слова, но и букв следующих слов-компонентов, сопровождающихся ударением; в-четвертых, иллюстрирует вариантные и синонимические конструкции; в-пятых, описывает коммуникативную ситуацию, в которой можно воспользоваться той или иной паремией, объясняет ее значение.

Такие паремиографические труды засвидетельствовали необходимость создания словарей переводного типа, их практическое назначение и побуждали к новым поискам в этом направлении.

70-90 годы XX в. отмечены не только изданием переделанных и дополненных сборников украинских пословиц и поговорок, но и переводами, из других (славянских и неславянских) языков. Предложенные регистры разных по происхождению паремий должны были способствовать, а отчасти и способствовали, появлению новых паремиографических трудов нового типа (и не только переводного).

Издание и переиздание обычных регистров паремиологических единиц осуществляется и в начале XXI в. Кроме того, отечественная паремиография обогащается и переводными словарями: «Вибрані прислів'я та приказки п'ятьма мовами» (2000); «Прислів'я та приказки шістьма мовами» (2003); «Мудрість народна – мудрість міжнародна : Прислів'я, приказки, крилаті вислови та мовні звороти дев'ятьма мовами» (2004).

Первое десятилетие нынешнего века ознаменовалось появлением толкового словаря нового типа Татьяны Космеды и Татьяны Осиповой «Комунікативний кодекс українців у пареміях» (2010) [4]. Предложенный паремиографический труд нового образца содержит пословицы и поговорки, которые вербализируют коммуникативные законы, правила, тенденции, принципы, стратегии, тактики и др., что является основой моделирования, реализации, понимания процесса общения с учетом этнического своеобразия украинцев.

Каждая словарная статья представляет такие структурные компоненты: 1) регистровая единица (РЕ); 2) указание на источник, в котором она зафиксирована; 3) квалификация коммуникативного статуса РЕ, ее функций (стратегия, тактика, правило, тенденция, закономерность и т. п.); 4) элемент этнокультурной коннотации и культурный компонент; 5) рекомендации относительно использования РЕ в речи. Например:

Вчи жінку без дітей, а дітей без людей [УПП, 194]. Зазначена паремія відображає сутність комунікативної тенденції стосовно поведінки голови родини з метою збереження авторитету кожного її члена. Ментальна модель української сім'ї репрезентована чинністю таких ознак, як успішність, згуртованість, доброзичливість, наявність позитивної ієрархії, що зумовлює відповідну турботу старшого про збереження загальноприйнятого стереотипу. Внутрішні проблеми за чинною традицією не прийнято виносити за межі сімейного мікроколективу, а діти не правочинні втручатися у стосунки батьків. Ця стратегія, на жаль, може мати й негативний резонанс. У мовленні ця паремія зреалізовує жанри повчання, настанови, може бути використана як рекомендація.

На самом же деле «Коммуникативный кодекс украинцев у пареміях» является новым паремиографическим словарем, новой страницей в украинской паремиографии, где, в отличии от многих предыдущих сборников, которые ограничивались обычным регистром, паремиографическая единица поддается тщательному анализу.

Появление таких неординарных словарей демонстрирует, что в настоящее время украинская лексикография в целом и паремиография в частности находятся на этапе интенсивной разработки, массового создания словарей нового типа, универсализации и унификации традиционных лексикографических трудов.

Однако, несмотря на мощный словарный арсенал и накопленный опыт отечественных лексикографов, ряд и теоретических, и практических задач требуют более пристального внимания ученых, тщательного изучения, незаурядных усилий и, безусловно, творческого подхода. Лексикографический

труд требует от его исполнителей надлежащей профессиональной подготовки, обстоятельных знаний, скрупулезности, ответственности. Именно поэтому современная лексикография должна создаваться и обогащаться преимущественно коллективами научных работников. Только при этом условии отбирая, оценивая и квалифицируя разнообразный материал, можно избежать элементов субъективизма, который нередко встречается в монографических словарях.

Задача создания нормативного словаря, который представлял бы современное состояние языка, оказывается не из легких. Любой лексикографический труд должен отвечать уровню современной науки и удовлетворять высокие требования и запросы читателей. Самой сложной остается, по-видимому, проблема отбора материала для лексикографического труда соответствующего типа.

С одной стороны, каждый словарь, каким бы детальным он ни был, в большей степени ограничен в объеме, с другой – пользователю очень важно, чтобы предложенный ему словарь был универсальным и наиболее полным. Однако специалистам хорошо известно, что сделать это почти невозможно. Ведь материал измеряется сотнями тысяч единиц. И их количество постоянно растет. В перечне трудностей нормативной лексикографии, прежде всего толкового типа, находятся: выделение всех имеющихся значений, аккуратность их толкований, стилистическая квалификация единицы в целом или ее конкретного значения, подбор иллюстраций и т. п.

Одним из недостаточно изученных вопросов теории современной лексикографии остается вопрос размещения в академических словарях так называемых устойчивых выражений, фразеологических и паремиологических единиц. Лексикограф сталкивается с рядом проблем, например, в какой из словарных статей подать тот или иной фразеологизм и подавать ли вообще. И если указанная проблема частично разрешилась, поскольку нормативные словари кое-где интерпретируют определенную часть фразеологического материала, то паремии в академических словарях представлены единичными примерами. Причины

отсутствия большинства паремий в академических словарях общеизвестны: в первую очередь это ограниченный объем словарной статьи, принцип минимизации истолкования, трудности в отборе яркого иллюстративного материала и т. п.

Ввиду того, что паремии интересны не только как результат аккумуляции и систематизации социокультурного опыта, но и социальной адаптации самых разнообразных проявлений норм: морали, ценностей и оценочных критериев, норм этикета, обычаев, обрядов, бытовой эрудиции и т. п., такие пробелы могут и должны быть заполнены. Это касается как специальных паремиографических трудов, так и академических словарей толкового типа.

Усиленным вниманием в настоящее время пользуются специальные паремиографические словари, где, согласно традициям, основанным еще в позапрошлом веке, паремии репрезентируются в алфавитном порядке. К этому способу прибегают составители не только толковых, но и переводных, словарей. Стоит заметить, что такой способ не решает всех задач паремиографии. К тому же, для пользователя он менее удобен, поскольку разыскать нужную паремиологическую единицу достаточно сложно. Продолжается поиск объективной методики лексикографической разработки паремий. Очевидным остается то, что сегодня большей популярностью пользуются словари, где имеется детализированная информация об анализируемой единице (как минимум – обязательное ударение, истолкования значения или описание ситуации, в которой возможно ее использование, синонимические отношения, иллюстрация и паспортизация; как максимум – все возможные вариантные модификации, этимология в целом и отдельных компонентов, стилистическая характеристика, семантические оттенки и т. п.). Приведем примеры минимально детализированных словарных статей:

БОРОДА́ КОЗЛУ́ НЕ ЗАМЕ́НА. Употребляется в ситуации, когда хотят подчеркнуть, что некий атрибут еще не демонстрирует определенные качества человека; не всякий, достигший определенного (солидного) возраста, достоин уважения, почитания, ибо человека ценят не за количество прожитых лет, а за ум, жизненный опыт. Используется в ответ на требование уважать взрослого не

зависимо от того, достоин он его или нет (ср.: *Не за боро́ду – за ум жа́луют; По боро́де не ба́тькой звать*). укр. *Борода́ не ро́бить му́дрим чоло́ві́ка; Не розу́мний тим Дени́с, що вели́кий ма́є ніс; Хто си́вий – не му́дрий, лише́ старі́й; Че́сть не ву́сам і боро́ді, а ро́зуму в голо́ві.*

БРАНЬ НА ВО́РОТУ НЕ ВІ́СНЕТ, <А КУЛА́К В БОКУ́ НЕ КІ́СНЕТ>. Употребляется в ситуации, когда хотят оправдать свое предосудительное поведение, поступок, считая, что стыд можно перетерпеть. Говорится как совет не помнить ссоры или как объяснение того, почему говорящий с легкостью воспринимает ругань и не обижается. Брань воспринимается в этом случае как нечто более легкое, чем, например, наказание (ср.: *Сло́во не о́бух – в лоб не бь́ет; Сты́д – не дым, гла́за не ви́єст*). укр. *З со́рому о́чі не ви́лізуть; Ко́му́сь нія́ково, а мені́ одна́ково; Ла́йка – не бі́йка, у бо́ку не бо́літь; Пога́ні о́чі все перелу́пають; Пога́ному ви́ду нема́ сти́ду; Позі́чив у Сі́рка очі́й та й ба́йдуже.*

БУДЬ ЖЕНА́ ХОТЬ КОЗА́, ЛИШЬ БЫ ЗОЛОТЫ́Е РОГА́. Употребляется в ситуации, когда хотят высмеять тех, кто женится ради богатства. укр. *Хоч жі́нка сви́нка, так гро́шей скрі́нька.*

БЫВА́ЕТ И КУ́РИЦА ПЕТУХО́М ПОЕ́Т. Употребляется в ситуации, когда хотят подчеркнуть, что всякое в жизни может быть, даже самое невероятное; иногда случается непредвиденное (ср.: *Быва́ет, что и медве́дь летáет; Встарь́ бывáло: и соба́ка с волко́м живáла; Говоря́т, что кур до́ят; Не быва́ть плеши́вому кудря́вым, ку́рице петухо́м, а ба́бе мужико́м; Не петъ ку́рице (куре) петухо́м, не владе́ть ба́бе мужико́м*). укр. *Бувáє, що й ві́вця во́вка з'і́дає; Бувáє, що й во́ша ка́шляє; Бувáє, що <й> коро́ва (слон, черепа́ха) літа́є; Бувáє, що й му́ха чха́є; Бувáє, що й теля́ во́вка хапа́є.*

Перед составителем специального паремиологического словаря возникает проблема отбора материала и построения словарных статей. При этом необходимо придерживаться баланса интересов: пользователь должен легко находить в словаре нужную информацию, составитель – отобразить собственный взгляд на

организацию корпуса паремий. О принципах построения словаря сообщает предисловие, но лишь отдельные пользователи обычно детально или хотя бы бегло знакомятся с ним. Отсутствие четких критериев анализа паремий, принципов отбора материала, игнорирование его специфики и особенного статуса в языковой системе, соотношения универсального и национального в разных типах паремий, в частности, в исследованиях на материале одного языка, временами приводит к искривлению ожидаемых результатов.

В настоящее время в украинском языковом пространстве назрела потребность в обстоятельном переводном словаре паремий. Учитывая опыт имеющихся лексикографических источников как авторитетных, так и менее известных, можно определить задания двуязычного украинско-русского и русско-украинского паремиологического словаря: собрать и упорядочить наиболее употребляемые паремии украинского и русского языков, описать значение и возможности использования в тексте, варьирование в речи, описать типичные ситуации, в которых они функционируют, обнаружить «фоновую» культурно-историческую информацию, подать смысловую и ситуативную характеристику.

Для этого, конечно, необходим кропотливый труд, основанный на разработанных четких методологических принципах. Здесь недопустима стихийность, которая может привести к лексикографическому примитиву. Лишь квалифицированная лексикографическая обработка паремий, опирающаяся на принцип нормативно справочного направления, соответствие уровню современной науки, а также возможность удовлетворения высоких требований и разносторонних запросов носителей языка, обеспечит авторитет паремиографических наработок.

Достижения в области украинской лексикографии неопровержимы. На современном этапе они достигли высокого научного уровня, имеют в своем арсенале ряд оригинальных, квалифицированно выполненных, паремиографических трудов, которые демонстрируют основные тенденции поэтапного развития паремиографического направления, способствуют выработке методологических принципов, необходимых для создания словарей нового типа.

К тому же, детализированное исследование паремий предусматривает еще один практический выход: оно может послужить основой толкового лингвокультурологического словаря и словаря концептов, отображающих в первую очередь мифологический пласт национального языкового сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галицько-руські народні приповідки : у 3-х т. / [зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко]. – Львів : ВЦ ЛНУ ім. І. Франка, 2006. – [2-ге вид.]. – Т. 1. – 818 с.; Т. 2. – 813 с.; Т. 3. – 699 с.
2. Демська О. Вступ до лексикографії : [навч. посібник] / О. Демська. – К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2010. – 266 с.
3. Колоїз Ж. В. Українська пареміологія : навчальний посібник для студентів філологічних спеціальностей вищих навчальних закладів / Ж. В. Колоїз, Н. М. Малюга, Н. М. Шарманова ; за ред. Ж. В. Колоїз. – Кривий Ріг : ТО «ЦЕНТР-ПРИНТ», 2012. – 349 с.
4. Космеда Т. А. Комунікативний кодекс українців у пареміях : тлумачний словник нового типу / Т. А. Космеда, Т. Ф. Осипова. – Дрогобич : Коло, 2010. – 272 с.
5. Синиця І. А. Передмови лексикографічних праць як об'єкт жанрознавчих досліджень / І. А. Синиця // Мовознавство. – 2011. – № 5. – С.42–49.

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ РОДСТВЕННЫХ НОМИНАЦИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Корина Наталья Борисовна

(Нитра, Словакия)

Номинации родственных отношений во всех естественных языках принадлежат к древнейшему пласту лексики, поскольку они возникали вместе с самым человеческим обществом и его структурированием, и являются доказательством древней общности многих современных языков, в частности, индоевропейских. Фразеология, связанная с родственными отношениями, не только гораздо моложе, но и находится в постоянном развитии, не

¹Исследование проводилось в рамках проекта VEGA 1/0376/12 Kognitívne dominanty v jazyku a kultúre.

прекращающемся по сей день. Это происходит потому, что она отражает не только традиционное мировидение, но и современное состояние общества, в котором шкала базовых человеческих ценностей и, в частности, институт семьи, с течением времени претерпевает изменения. Так, если в старину развод был невозможен, а внебрачный ребёнок считался позором, то сейчас неполные семьи и внебрачные дети стали практически нормой жизни, что породило современные фразеологизмы *воскресный папа*, *фестивальный ребёнок* и т. п. [СТСРИ 2007]. В данной работе мы поставили своей задачей дать сопоставительный обзор современного состояния фразеологических родственных номинаций в четырёх славянских языках – русском и белорусском из восточнославянских, польском и словацком из западнославянских (с выборочным привлечением данных других языков) – и охарактеризовать их особенности.

Ввиду неодинаковой изученности фразеологического фонда рассматриваемых языков и с целью достижения максимально объективных результатов материал отбирался из трёх типов источников: 1) фразеологические словари – национальные и переводные; 2) национальные корпуса (за исключением белорусского языка); 3) примеры из обиходной речевой практики из личной картотеки автора (см. список источников). Основой для сопоставления послужила сплошная выборка из «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» [СТСРИ 2007], которая была дополнена материалом словарей и корпуса и последовательно сопоставлена с материалом трёх остальных рассматриваемых языков. В качестве фразеологических единиц (ФЕ) рассматривались фраземы и поговорки, включённые во фразеологические словари (терминологическое разграничение фраземы и поговорки, а также обзор данной проблематики см. [Семененко 2011; Баранов, Добровольский 2008; Алефиренко, Семененко 2009]).

Тематическую группу фразеологических родственных номинаций можно разделить по трём основным критериям – семантическому, структурному и по интернациональным признакам.

I. Семантическая классификация по степени родства и характеру отношений.

1) Кровное родство:

а) без указания на законность отношений: рус. *плоть и кровь; плоть от плоти [кровь от крови]/кость от кости; кровные узы/узы крови; родная кровь; шнурки в стакане* жарг. 'родители'; *папина дочка; маменькин сынок/сыночек* (аналогично *маменькина дочка*); бел. *кроў з крыві; косьць з косці; кроўная павязь; з плоці і крыві; родная кроў; мамчын сыноч; бацькава дачка*; пол. *krewzkrwi; kość zkości; węzły/związki krwi* 'кровные узы'; *tamusi syneczek*; слвц. *krv z [jeho] krvi; kost' z [jeho] kosti; pokrvný zvāzok* 'кровные узы'; *vlastná krv* 'своя кровь'; *krv nie je voda; tamičkin synáčik; starý otec* 'дедушка', *stará mama* 'бабушка';

б) с указанием на отсутствие или прекращение законных отношений: рус. *фестивальные дети/фестивальный ребёнок; воскресный папа*; слвц. *kukičia matka* (букв. «мать-кукушка»).

2) Близкое некровное родство, в т. ч. духовное: рус. *моя половинка; крёстная мать, крёстный отец, крёстные родители* бел. *мая палавінка; хросная маці, хросны бацька, хросныя бацькі*; пол. *[moja] druga połówka; ojciec chrzestny, matka chrzestna, rodzice chrzestni, syn chrzestny, córka chrzestna*; слвц. *moja polovička; krstný otec, krstná matka, krstní rodičia, krstný syn, krstná dcéra; nevlastný syn* 'пасынок', *nevlastná dcéra* 'падчерица'.

3) Дальнее родство: рус. *седьмая/десятая вода на киселе; любому/нашему забору двоюродный/троюродный племень*; бел. *дзесятая/сёмая вада на кісялі; стрэчнай бабкі родны Хведар; Пень гарэў, а чорт ногі пагрэў, іскра пала і радня стала*; пол. *dziesiąta/dziewiąta woda po kisielu*; слвц. *z desiateho kolena; dotkla sa žihľava plota [nuž sú rodina/nuž sa pripletá]*.

4) Родство без указания степени: слвц. *je (komu) rodina* (букв. «является (кому-л.) семьёй», напр.: *Ten človek je mu rodina* 'Этот человек – его родственник'; *Môj otec totiž pochádzal z jedenástich detí, takže ja ani neviem, kto vo svete je mi rodina* 'Мой отец был одним из 11 детей, так что я даже не знаю, кто из родных есть у меня на свете') [SNK 2014].

5) Отношения или состояния, возникшие на базе родственных связей (в т. ч. в переносном значении): рус. *отрезанный ломоть*; *бедный родственник*; [Иван] *не помнящий родства*; *без роду без племени/ни роду ни племени* 'без родных и близких, одинокий'; *соломенная вдова* (аналогично более позднее *соломенный вдовец*); *чёрная вдова* 'женщина, похоронившая более двух мужей'; *муж объелся груш*; бел. *адрэзаная луста/скібка/кавалак*; *саламаяная ўдава*, *саламяны ўдавец*; *чорная ўдава*; *муж аб'еўся груш [і лопнуў]*; пол. *śłotianawdowa*, *śłotianywdowiec*; *czarnawdowa*; слвц. *suchá ratolesť* (букв. 'сухая ветка' = *отрезанный ломоть*); *slamená vdova*, *slamený vdovec*; *čierna vdova*.

6) Отсутствие родства, выраженное через названия родственных отношений: рус. *ни сват ни брат*; *военно-полевая жена* 'сожительница' [НКРЯ 2014]; бел. *ні брат ні сват/ні сват ні брат*; пол. шутол. *krewnypa Adamie* (букв. «кровный родственник по Адаму»).

II. Структурная классификация.

1) Словосочетание (фразема) – подавляющее большинство ФЕ в исследуемых языках: русский и польский языки – все вышеуказанные ФЕ, белорусский – все ФЕ, кроме подгруппы 3 в данной классификации; словацкий – все ФЕ, кроме подгруппы 2.

2) Вариантная структура – словосочетание (фразема) или предложение (паремия), причём первое, как правило, является усечённым вариантом второго: слвц. *dotkla sa žihľava plota [nuž sú rodina/nuž sa pripletá]* (букв. «коснулась крапива забора [вот и стали они родственниками/вот и переплелась]»).

3) Предложение (паремия): бел. *Пень гарэў, а чорт ногі пагрэў, іскра пала і радня стала.*

В данной группе косвенно прослеживается связь структуры ФЕ с её частотностью: как правило, структурно более сложные ФЕ (подгруппы 2 и 3) при наличии более «экономных» вариантов используются реже. Это подтверждается корпусными данными и частотностью употребления в Интернете: напр., в словацком языке фиксируются две ФЕ, обозначающие дальнее родство, одна из которых – *z desiateho kolena* – имеет 3 вхождения в корпусе и 46 в Интернете (www.google.sk), а вторая – *dotkla sa žihľava plotu* – 1 вхождение в корпусе (в усечённом варианте) и 16 в Интернете (по состоянию на 10.01.2014 г.).

III. Классификация по интернациональным признакам.

Если считать интернациональными такие ФЕ, которые выходят за рамки славянских языков, среди фразеологических родственных номинаций можно выделить следующие группы:

1) Библизмы – в славянских языках имеют давнюю традицию, как правило, носят книжный характер и являются стилистически маркированными (в СТСПИ даются с пометой «высок.»): рус. *плоть от плоти, кровь от крови, кость от кости, плоть и кровь, кровные узы*; бел. *кроў з крыві, з плоці і крыві, кроўная павязь*; словц. *krv z [jeho] krvi, kost' z [jeho] kosti, pokrvný zväzok*; пол. *krewzkrwi, kość zkości, związkikrwi*.

2) Наименования духовного родства по христианскому обряду (по «возрасту» близки библизмам): рус. *крёстный отец, крёстная мать*; бел. *хросны бацька, хросная маці*; словц. *krstný otec, krstná matka, krstní rodičia, krstný syn, krstná dcéra*; пол. *ojciecchrzestny, matkachrzestna, rodzicechrzestni, synchrzestny, córkachrzestna* (отдельно отметим, что ФЕ *крёстный отец* стала интернациональной и в значении 'главарь' после выхода в свет одноименного фильма Ф.Ф. Копполы (1972), снятого по роману Марио Пьюзо «Крёстный отец»).

3) ФЕ, заимствованные из неславянских языков: из нем. *Strohwitwe* – рус. *соломенная вдова, соломенный вдовец*; бел. *саламаяная ўдава, саламяны ўдавец*; словц. *slamená vdova, slamený vdovec*; пол. *słomianawdowa, słomianywdowiec*. Любопытно, что в немецком данное наименование изначально касалось исключительно женщины [Лепешаў 1983: 124 – 125], однако в славянских языках по аналогии возникло подобное наименование и для мужчины.

4) Современные интернационализмы, у которых затруднительно установить первоисточник: рус. *моя половинка*; бел. *мая палавінка*; словц. *moja polovička*; пол. *[moja] druga połówka* (ср. англ. *my better half*); рус. *маменькин сынок*; бел. *мамчын сынок*; словц. *tamičkin synáčik*; пол. *tamusiń syneczek* (ср. англ. *mother's boy/father's boy*); рус. *чёрная вдова*; бел. *чорная ўдава*; словц. *čierna vdova*; пол. *czarna wdowa* (ср. англ. *Black Widow*).

5) ФЕ, общие для нескольких славянских языков (как правило, одной группы): рус. и бел. *родная кровь – родная кроў*; *отрезанный ломоть – адрэзаная луста*; *папина дочка – бацькава дочка*; *муж объелся груш – муж аб'еўся груш*; *ни сват ни брат – ні сват ні брат*; любопытно, что в рассматриваемой тематической группе нет польско-словацких параллелей.

6) Национально-специфичные ФЕ: рус. *[Иван] не помнящий родства, без роду без племени, бедный родственник, инурки в стакане, фестивальный ребёнок, воскресный папа, военно-полевая жена; нашему забору двоюродный плетень*; бел. *стрэчнай бабкі родны Хведар; Пень гарэў, а чорт ногі пагрэў, іскра пала і радня стала*; словц. *starý otec, stará mama; krv nie je voda; kukučia matka; z desiateho kolena; dotkla sa žihľava plotu; je (komu) rodina; suchá ratolesť*; пол. *krewnynoproAdamie*.

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ДАЛЬНЕГО РОДСТВА

Наименования дальнего родства представляют собой наиболее интересную тематическую подгруппу – и по содержанию, и по структуре эквивалентов. По языкам она распределяется следующим образом:

- 1) **Русский язык:** *седьмая/десятая вода на киселе; любому/нашему забору двоюродный/троюродный племень;*
- 2) **Белорусский язык:** *дзесятая/сёмая вада на кісялі; стрэчнай бабкі родны Хведар; Пень гарэў, а чорт ногі пагрэў, іскра пала і радня стала;*
- 3) **Польский язык:** *dziesiąta/dziewiąta woda po kisielu;*
- 4) **Словацкий язык:** *z desiateho kolena; dotkla sa žihľava plotá [nuž sú rodina/nuž sa pripletá].*

ФЕ *десятая вода на киселе* является общей для всех восточнославянских и польского языков и связана с технологией приготовления киселя – традиционного напитка восточных славян [Лепешаў 1983: 44]. Однако присутствующее в ней число различается и по содержанию, и по частотности: в наиболее частотном русском варианте (указан первым) – *седьмая*, в белорусском и польском – *десятая*. А вот второй вариант у всех разный: рус. *десятая*, бел. *седьмая* (поменялись местами), пол. *девятая*, что является национально специфичным и, возможно, связано с местными особенностями символики чисел. Общность польской ФЕ с восточнославянскими не случайна: согласно исследованиям П. Фойту, которая проводила межславянские сопоставления на материале всех восточнославянских и западнославянских языков, включая лужицкие, установлено, что фразеологический фонд польского языка ближе к восточнославянским, чем к западнославянским, причём является своего рода переходной зоной между ними [Fojtů 2013:16 – 17].

Фразеологическим эквивалентом русской ФЕ *седьмая вода на киселе* в словацком языке является ФЕ *z desiateho kolena*, а вот синонимы к ней во всех рассматриваемых языках различаются. Уникальными являются белорусские ФЕ *стрэчнай бабкі родны Хведар* и *Пень гарэў, а чорт ногі пагрэў, іскра пала і радня стала* [Станкевіч 1992], но они, так же, как и словацкий синоним *dotkla sa žihľava plotá* и русский *нашему забору двоюродный племень*, также связанный с мотивом забора (= неприкаянности, ничейности), являются малоупотребительными.

Среди данных ФЕ наиболее частотными, по данным корпусов, являются самые лаконичные: рус. *седьмая вода на киселе*, пол. *dziesiątawodapokisielu*, слвц. *zdesiatehokolena*. Причины этого, возможно, следует искать на двух уровнях: а) интралингвистическом – действие закона языковой экономии; б) экстралингвистическом – влияние фоновых знаний: мене употребительные ФЕ содержат названия реалий и образы ситуаций, которые современными носителями языка воспринимаются как архаичные, а зачастую и малопонятные: напр., для русского языка это плетень, для словацкого – образ растущей под забором крапивы (*dotkla sa žihľava plota*), чего теперь в словацкой деревне не увидишь[ср. Mlacek 2000].

И последнее, на что следует обратить внимание в группе фразеологических родственных номинаций – это межъязыковая омонимия, или, точнее, аналогия, когда формально идентичные ФЕ имеют разные значения. В словацком языке бытует ФЕ *krv nie je voda*(букв. «кровь не вода») в двух различных значениях: 1) 'родственные связи небезразличны человеку, важны для него'; 2) 'человек подвержен эмоциям' [Smiešková 1976: 117; SNK 2014]. Аналогичная ей польская ФЕ *krewniewoda* имеет в современном языке значение 'темперамент даёт о себе знать' [NKJP 2014], что близко ко второму значению словацкого эквивалента и не входит в рассматриваемую нами тематическую группу. Однако в качестве устаревшего для неё отмечается значение 'родственные связи сильны' [SFJP 1974: 356], т. е. ранее эквивалентность между польским и словацким языками была практически полной. Если же взять русскую ФЕ *кровь людская не водица*, которая также формально близка словацкой и польской единицам, то её значение ещё более далёкое, поскольку характеризует ценность человеческой жизни и не связано с родственными отношениями.

Синхронное сопоставление фразеологических родственных номинаций в четырёх славянских языках позволяет сделать следующие выводы:

- 1) Функционирование данной тематической группы подтверждает близость польской фраземики к восточнославянскому ареалу.
- 2) В современной фразеологии институт семьи, кроме традиционных, представлен единицами, характеризующими неполные, разделённые и неофициальные семьи, что отражает трансформацию шкалы ценностей и большую, по сравнению с прошлым, свободу нравов.
- 3) Национальная специфика эквивалентных ФЕ сходной структуры проявляется не только в их семантических различиях, но и в характере вариантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Элпис, 2008. 272 с.
2. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
4. Семененко Н.Н. Русские поговорки: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол: РОСА, 2011. 355 с.
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотип. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
6. Fojtů, P.: Frazologické internacionalizmy v ruštině. Autoreferát disertační práce. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013. 27 s.

Словари-источники

1. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Пад рэд. Ф.М. Янкоўскага. Мінск: Беларуская навука, 2004. 494 с.
2. Гюлумянц К.М. Польско-русский фразеологический словарь. В 2-х тт. Минск: Экономпресс, 2004.
3. Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Каля 7 тыс. фразеалагізмаў. У 2-х тт. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008.
4. Лепешаў, І. Я.: Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Ч. 1. Мінск: Народная асвета, 1981. 160 с.
5. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: АСТ, 2007. 1135 с.

6. Станкевіч, Я.: Маленькі маскоўска-беларускі (крывіцкі) слоўнічак фразеолёгічны і прыказкаў ды прывітаньні, зычэньні і інш. 3-е выд. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 151 с.
7. СТСРИ – Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8 000 идиом современного русского языка. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. Москва: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.
8. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров; Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
9. Dorotjaková V., Ďurčo P. a kol. Rusko-slovenský frazeologický slovník. Bratislava: SPN, 1998. 670 s.
10. Habovštiaková K., Krošlákova E. Frazeologický slovník. Človek a príroda vo frazeológii. Bratislava, Veda, 1996. 176 s.
11. Mlacek J. O stave slovenskej frazeológie v druhej polovici 20. storočia // Studia Academica Slovaca 29. Prednášky XXVI. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Ed. J. Mlacek. Bratislava: Stimul, 2000, s. 328 – 346.
12. SFJP – Słownik frazeologiczny języka polskiego. Pod red. S. Skorupki. W 2 t. Warszawa: PWN, 1974.
13. Smiešková E. Malý frazeologický slovník. Bratislava, SPN, 1976. 296 s.

Интернет-источники

НКРЯ – Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru

NKJP – Narodowy korpus języka polskiego: www.nkjp.pl

SNK – Slovenský národný korpus: <http://korpus.juls.savba.sk>

**К ВОПРОСАМ ПРОЦЕССА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ /РУССКО-
ЧЕШСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ/**

**THE QUESTION CONCEPTUALIZATION /RUSSIAN-CZECH
COMPARISON/**

Коростенски Йиржи

(Пльзень, Чехия)

КАК ПОНИМАЮТ КОНЦЕПТ И ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ МИРА?

Доминантами концепта принято считать «лучшего» прототипического представителя конкретных категорий, или топологический тип, в котором все объекты принято классифицировать представителями лишь нескольких эталонов, как напр. «поверхности», «емкости», «веревки», «стержни» и т.д. Топологический тип, в нашем понимании, находится на самом конце процесса метафорической концептуализации, в ходе которой первым «проводит» абстракцию и обобщение обиденного физического опыта с предметами конкретных форм и функционального назначения.

В польской социально-психологической традиции способность категоризации приписывается всей системе языковой картины мира в совокупности, а не отдельным концептам, причем подчеркивается коллективный опыт всех носителей языка и культуры (Vaňková et al. 2005, 48). Таким подходом отличается и современная чешская когнитивная лингвистика, в которой языковая картина мира становится своеобразным «фильтром» не только для мышления, но языка и речевой продукции в процессе концептуализации от источника к своей цели (Vaňková 2007, 8–9).

В русской лингвистике, в которой основной единицей считают концепт как таковой. Совокупность языковых реализаций создает основные центры мышления в языковой картине мира. Концепты, «номинально» тождественные с понятиями и словами, образуют составную часть не только человеческого мышления, но и психики (Алефиренко 2007, 10–11). В нашем понимании

когнитивного подхода к языку мы придерживались последней из названных трактовок.

СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКО-ЧЕШСКИХ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

Во многом процессы формирования концептов в психике обязаны повседневному человеческому труду, способности человека к обобщениям и коллективной памяти. Сильное территориальное чувство и антропоцентризм человека являются тоже факторами, почему одно и то же понятие концептуализируются большим количеством концептов, хотя на языковом уровне формально представлен одним и тем же выражением. В нашей статье анализируем вопросы, связанные с концептом «контейнера» и его ядром.

Концепт понимается по-разному, в научной литературе можно встретить много разных определений. Для Е. С. Кубряковой (1999) концепт не только «сгустки человеческой памяти и ментального лексикона», а тоже результат «языка мышления» и основа всей концептуальной системы. Существенной его чертой является «оперативность». Концепт всегда заново «активизируется» для каждой новой ситуации. Он с одной стороны изменяется, но с другой обеспечивает языковую и культурно-историческую преемственность.

Ядром концепта считаем такое понятие или совокупность понятий, предоставляющих определенную возможность типологической абстракции, развивающейся цепью, под мнимый конец которой конкретное явление распространяет свое «осмысление» и на другие, которые с первоначальным человеческим опытом не имеют прямое соотношение.

Прототипические контейнеры обладают своими характеристиками, которых их включают в центральным ,емкостям'. Напр. каноническая ориентация (Lang 1987, 296), как составная часть системы концептуализации, регистрирует отклонения от вертикально-горизонтальной ориентации и фокусируется в соответствующем языковом выражении. Чаще всего приводят классический пример со снятой шляпой, доньшком вниз, получает обозначение

как классическая емкость и ее обозначают определением *глубокая*, в обратном случае она донышком вверх и обозначаем ее как *высокая* (Апресян 1974, 58). Указанные емкости служат хранилищами воды и располагают всеми прототипическими признаками указанного концепта. Также языковое выражение отображает названную действительность и выражает разные характеристики прототипа: *dno* – дно, *zdi* – стены, *obsah nádoby* – содержание *вместилища*. Похожими закономерностями наделены и другие характеристики, которыми можно считать не только ,расстояние от уровня жидкости до дна‘, но и расстояние другого объекта в мыслимом центре жидкости в емкости и другие характеристики ориентации. Емкости являются не только надежной опорой для установления положения объектов, находящихся вовнутри, но могут характеризовать также их объем и положение наблюдателя: *hluboká* – глубокая *x mělká* – мелкая река; *v řece* – в реке; *za řekou* – за рекой; *řeka se vylila z břehů* – река вышла из берегов; *pokryla se ledem* – покрылась льдом; *jezero je široké* – озеро широкое, *úzké* – узкое; *plocha* – площадь; *dno jezera* – дно озера; *mořská hladina* – гладь моря; *pohled na moře* – вид на море; *hloubka moře* – глубина моря; *délka moře* – длина; *šířka moře* – ширина моря ит.п. Две последних употребления требуют специфического контекста и можно их применить, рассматривая карту. В естественной ситуации, именно в том случае, когда мы не знаем конкретную линию морского побережья, является такое употребление мало вероятным. Прототипическая ,емкость‘ допускает вариативность своих размеров, до тех пор, если они «заранее» не заданы языковой картиной мира. В таком случае можно даже говорить о ,нормативной‘ емкости, в которой нельзя произвольным образом менять ни внешнюю, ни внутреннюю структуру, хотя нормативные ограничения могут распространяться только на часть этих размеров. Напр. в словах *лужа* и *болото*, которые концептуализируются как ,емкость‘ (*Он упал в лужу; человек утонул в болоте*) глубина как размер не выделяется. Вряд ли образуем словосочетания *глубокая/мелкая лужа, мелкое болото*, хотя *глубокое болото* и *bezedná bažina* существуют. Эти языковые

рефлексии свидетельствуют с большой долей вероятности о том, что в чешском в отличие от русского не считают воду «типичной» жидкостью для болота. В таком случае можно рассуждать и экспериментально проверять, дело ли касается воды, торфа, грязи и т.п. и в каких условиях и соотношениях. Данные типы «емкостей» хотя и считаем хранилищами воды, тем не менее в них нельзя однозначно и при любых обстоятельствах выделить все характеристики ориентации, типичные для прототипической емкости. Считаем, что именно постепенная «утрата» характеристик размера является первой предпосылкой для возникновения метафоризации в концептосфере «контейнера-емкости».

Похожей позицией в языковой картине мира обладают и другие понятия, визуально и функционально не имеющие твердо установленную границу. Сюда можно включить понятия типа *vír/водоворот, proud/течение, tůň/омут* apod. По типу туда войдут и объекты с точно установленными границами, тем не менее их позиция в структуре концепта «контейнера-емкости» ставит их в равное положение с примерами предыдущего типа. Именно оценка основных характеристик концепта «емкость» как «глубина» и фактически ее невозможность ее выделения передвигает указанные типы за рамки ядра прототипического концепта. Речь идет прежде всего о классической кухонной посуде или о сосудах, применяемых в тех целях, но в другой сфере, напр. в промышленности, здравоохранении, услугах и т.д.: *sklenice* – стакан, *hrnec* – кастрюля, *gorшок*, *ránev* – сковорода, *lžíce* – ложка, *lžička* – ложечка, *paběračka* – разливательная ложка, *zkumavka* – пробирка, *kádinka* – стакан, *paběrák* – черпак, *koreček* – ковш, *kadlub* – изложница. Туда войдут и другие объекты, у которых нельзя глубину варьировать. В определенных случаях можно применить словосочетание *hluboké* – глубокие, *mělké* – мелкие. Нормально употребляется словосочетание *hluboké* – глубокие и *mělké* – мелкие *talíře* – тарелки и *misky* – миски. Тем не менее указанная характеристика скорее постулирует типовое обозначение чем вариативность данного размера.

Следует отметить, что концептуализационную сферу ‚контейнера-емкости‘ в обоих языках входят также разные объекты и их понятия, не составляющие ядро данного концепта. Характеризуя эти объекты с топологической точки зрения, можно употреблять обозначения ‚плоскости‘ или ‚пространства‘, как напр.: *na hřišti* – на спортивной площадке; *na mytíně* – на поляне; *na stole stojí váza* – на столе стоит ваза; *jít do ringu* – выйти на ринг; *v aréně bojují gladiátoři* – на арене сражаются гладиаторы; *na ulici* – на улице; *na louce sekali trávu* – на лугу косили траву; *rolníci šli na pole a pracují na poli* – крестьяне вышлив полеуработают поле. В данных конструкциях важно, каков статус исследуемого объекта в языковой картине мира данного языка. В случае русских понятий *поле* а *луг*, хотя и формально совпадают с чешскими понятиями, тем не менее оба понятия развивались по-разному. *Луг* і *поле* могут занимать с точки зрения современной русской языковой картины мира относительно обширные пространства и можно их визуально даже не пересмотреть. Но не надо забывать о том, что характеристики культурной местности в течение последнего столетия существенно изменились и первоначально луг представлял собой небольшой участок, который можно визуально пересмотреть (Черных 2004, 494). Похожий процесс можно отметить в понятии ‚поле‘. Поэтому для русского языка типичны обе языковые рефлексии. В чешском языка процесс изменения структуры языковой картины не осуществлялся в таких масштабах, поэтому превалируют другие языковые реализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ имен, проведен по словарю Галлера (Haller 1969, 1974, 1977). Благодаря ему можно впервые классифицировать ядро понятия ‚емкость‘ и концепт ‚контейнера‘, как об этом говорилось вначале. Топологические объекты типа ‚емкость‘и концепта ‚контейнера‘ находятся в начале целого процесса концептуализации. 1) Анализ также подтвердил, что объекты типа ‚емкость‘ в широком понимании способствуют развитию концепта, который выступает

составляющей языкового мышления человека. 2) Наиболее узким понятием является понятие ‚nádobá‘ / ‚емкость‘, связанное с понятиями ‚nádobí‘ / ‚посуда‘ а ‚kuchyně‘ / ‚кухня‘, ‚kuchyňské náčiní‘ / ‚кухонные принадлежности‘, ‚утварь‘. 3) В этой сфере удалось установить ядро категории ‚nádobá‘ / ‚емкость‘, что, в свою очередь, способствовало дополнительному освещению его роли в структуре вышеставленной, т.е. в концепте ‚kontejner‘ / ‚контейнер‘.

ЛИТЕРАТУРА

1. HALLER, J. (1969, 1974, 1977): *Český slovník věcný a synonymický*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, díl I., díl II., díl III.
2. LANG, E. (1987): Semantik der Dimensionsauszeichnung räumlicher Objekte. In: *Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven, Studia grammatica XXVI + XXVII*. Berlin: Akademie Verlag, s. 287–516.
3. VAŇKOVÁ, I. (2007): Řeč, která mluví (řeč-language jako východisko kognitivnělingvistického zkoumání a konceptualizace řeči v českém jazykovém obrazu světa). In: *Obraz světa v jazyce II*. Praha: Univerzita Karlova, Ústav českého jazyka a teorie komunikace, s. 8–9.
4. VAŇKOVÁ, I. et al. (2005): *Co na srdci, to na jazyku*. Kapitoly z kognitivní lingvistiky. Praha: Karolinum.
5. АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (2007): Синергетика культурного концепта в системе языка. In: *Культурные концепты в языке и тексте. Сборник научных трудов. Выпуск 2*. Белгород: Белгородский госуниверситет, s. 10–11.
6. АПРЕСЯН, Ю. Д. (1974): *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва: Наука.
7. КУБЛЯКОВА, Е. С. (1999): Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективизации в языке). In: *Известия АН, серия литературы и языка*, т. 58, № 5–6, s. 3–12.
8. ЧЕРНЫХ, П. Я. (2004): *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Москва: Русский язык-Медиа, díl 1.

ПОСЛОВИЦЫ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДА

Кугель А.В.

(Орёл, Россия)

Понятие мировоззрение зародилось в философии, оно чаще всего определяется как система взглядов на объективный мир и место человека в нём, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации[БЭС 2011].

За всю историю человечества выделялись следующие исторические формы мировоззрения: мифологическая, религиозная, философская и научная, причем последняя форма выделяется не всеми исследователями. Самой ранней из перечисленных форм является мифологическое мировоззрение. Усложнение общественной жизни, формирование общественных структур, рационализация мифа привели к вычленению в самостоятельные сферы религиозного и философского мировоззрения. Становление научного мировоззрения приходится на XVI-XVII вв., когда наука заявляет о себе как самостоятельной системе знаний и начинает развиваться независимо от философии. Научное мировоззрение существует в виде общенаучной картины мира, являющейся мировоззренческим синтезом картин мира отдельных наук (физической, биологической, геологической и т.п.). В идеале мировоззрение представляет собой сложную систему, которой присущи своя внутренняя структура и устойчивые элементы.

С течением времени меняется общество, эволюционирует отношение человека к действительности, все это ведет и к смене мировоззрения людей. *Пословицы* же, будучи продуктом деятельности человека, тоже меняют свою структуру, направленность и содержание. Однако, являясь источником мудрости народа, эти единицы языка несут в себе когнитивную функцию, т.е.

влияют на систему ценностей, нравственные установки и поведение людей. Другими словами, между мировоззрением и пословицами имеется двусторонняя зависимость: с одной стороны мировоззрение определяет содержание пословиц того или иного народа, а с другой стороны, пословицы влияют на мировоззрение людей.

Пословицы уже давно являются объектом изучения лингвистики, а в связи с рассветом лингвокультурологии данные единицы стали пристально изучаться и данной научной дисциплиной. Интерес к пословицам не случаен, ведь они представляют собой своеобразное хранилище народной мудрости, передаваясь из уст уста от отцов детям, данные единицы языка тесно связывают разные поколения. Существует множество определений пословиц из-за их уникальной природы и емкого содержания. Мы же вслед за Барановым и Добровольским будем определять пословицы как фразеологизмы со структурой предложения [Баранов, Добровольский 2008]. Ведь данные языковые единицы обладают всеми свойствами, которые характерны для фразеологизмов [Ковшова 2013]: устойчивость, воспроизводимость, образность и экспрессивность. В настоящее время многие ученые включают в состав фразеологии пословицы и поговорки, к их числу можно отнести Д.Б. Гудкова [Гудков 2004], который пишет: «к фразеологии в широком смысле этого слова относят устойчивые по структуре, готовые для воспроизведения, различные образные выражения со структурой предложения – пословицы и поговорки, крылатые слова, клише, афоризмы, прецедентные тексты и т.д.».

Так как фразеологизмы наиболее ярко отражают культуру народа, национальную специфику, то с твердой уверенностью можно сказать, что с эволюцией исторических форм мировоззрения меняются и сами пословицы. В своей монографии «Культура как информационная система: духовное, ментальное, материально-знаковое» Зыкова И.В. вводит понятие «ментальная база культуры». Которое определяется автором, как некий континуум упорядоченного и определенным образом структурированного опыта человека,

репрезентирующего или отражающего результаты работы человеческого разума (мышления), человеческого сознания в процессе постижения окружающей реальности и всех составляющих ее элементов; результаты накапливаемые и сохраняемые тысячелетиями в качестве разнообразной жизненно-важной интеллектуальной информации, благодаря чему возможно постоянное апеллирование к уже познанному, к уже осмысленному и его многократное воспроизведение». Причем сама исследовательница пишет, что интеллектуальный опыт, образующий ментальную базу культуры, формируется на базе различных видов осмысления мира, где каждое осмысление – очередная форма систематизации полученной и (или) выработанной информации о мире, его устройстве, о человеке, его организации, об особенностях их взаимодействия; новая «информационная сетка», отражающая конкретный этап и достигнутый уровень интеллектуального познания человеком мира и задающая установку на определенное взаимодействие человека с окружающей его реальностью, с разнообразными объектами, эту реальность составляющими [Зыкова 2010]. В данной работе Зыковой И.В. понятие «осмысление мира» соответствует понятию «историческая форма мировоззрения». Однако исследователь выделяет еще один ее вид: архетипическая форма мировоззрения (или архетипическое осмысление мира). Эта такая форма при которой поведение людей практически полностью основывается на бессознательном. Термин «архетип» был впервые введен Юнгом, и определялся, как «основная, хотя и бессознательная «форма», сохраняющая наиболее ценный и важный человеческий опыт и передающая его из поколения в поколение» [Юнг 1996].

Считается, что большая часть пословиц зародилась именно в этой, самой ранней форме осмысления мира. Однако сейчас очень сложно установить, какие именно пословицы появились в этот период времени. Ведь тогда большинство людей не умели писать, авторство пословиц быстро терялось. Ведь не даром пословицы считаются коллективным творчеством, фольклорной единицей.

Говоря же о следующей форме мировоззрения – мифологической, мы можем смело перечислить ряд пословиц, относящихся к данному периоду. К их числу относится пословица: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку». Здесь очевидно, что пословица зародилась в мифологическом мировоззрении римлян.

Мифологическое мировоззрение было характерно и для славянских народов. Ведь до конца Хвека наши предки – славяне были язычниками. Верили славяне во много богов: Перун, Стрибог, Хоросом, Мокошь и т.д. Именно тогда появилось выражение «чур меня», которое сохранилось до сих пор.

У кельтских народов, предков Англичан, была тоже своя мифология. Кельтское язычество, как и славянское, было политеистическим и анимистическим.

Пословицы, отражающие религиозное мировоззрение, имеют тоже широкое распространение во многих языках. Ведь во времена Средневековья считалось, что истина содержится только в Библии, именно там и нужно искать всю мудрость народа. Многие строки из Библии незаметно стали пословицами. Бог дал, Бог взял.

«Господь дал, Господь и взял» (Иов. 1, 21).

Кто Бога все призывает, все свой век проживает.

«Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно (все)» (Исх. 20, 7).

Доверяй, но проверяй.

«Кто скоро доверяет, тот легкомыслен» (Сир. 19, 4).

Лучше отдавать, чем брать.

«Блаженнее давать, нежели принимать»» (Деян. 20, 35). Это далеко не все пословицы, основанные на библейской мудрости.

Здесь нужно обратить внимание на тот факт, что пословицы разных христианских народов, основанные на Библии, имеют много общего между собой, так как большинство из них взяты из единого Ветхого Завета.

Пословицы, относящиеся к философскому осмыслению миру, пытаются разрешить основные проблемы онтологии, гносеологии, логики, этики, эстетики и т.д. Так как философские вопросы вечны и не имеют однозначного ответа, то эти пословицы будут вечно актуальными.

Грех — это только Заблуждение.

Цель Жизни есть Самопознание.

Что же касается научного осмысления мира, то здесь не все так однозначно. С одной стороны, не все ученые признают существование данной исторической формы мировоззрения. Но даже если допустить ее наличие, тот приводить примеры пословиц все равно будет очень рано. Так пословицы – это единицы языка, прошедшие проверку временем, а научное осмысление мира зародилось относительно недавно.

Подводя итог всему вышеизложенному, хочется отметить, что с развитием общества изменяется и сознание людей, эволюцию человечества можно проследить на примере пословиц, которые как нельзя лучше отражают основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой Энциклопедический словарь / Под ред. И. Лапиной, Е. Маталиной, Р. Секачева. – М.: АСТ, 2011. – 1248 с.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
3. Гудков Д.Б. Прецедентные тексты/ Д.Б. Гудков// Русское культурное пространство. Лингвокультурный словарь. – М.: Гнозис, 2004. – С. 28-38.
4. Зыкова И.В. Культура как информационная система: духовное, ментальное, материально-знаковое. Монография. – М.: Книжный дом. ЛИБРОКОМ, 2010. – 368 с.
5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2013. – 456 с.
6. Юнг К. Душа и миф: шесть архетипов/ К. Юнг. – Киев: Port-Royal, 1996. – 384 с.

ФРАЗЕОАЛЛЮЗИИ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЕВА)

Куманок Ольга Валентиновна

(Старый Оскол, Россия)

Носителем информации, средством ее накопления, хранения и передачи, а также, по мнению Ю.М. Лотмана, «генератором» дополнительных смыслов является текст. Связь текста и времени носит опосредованный характер, поскольку данное явление существует во времени-пространстве культуры в оболочке материального объекта [Дымарский 2006: 39-40].

Известно, что «смысл художественного произведения частично может формироваться посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в предшествующей литературе» [Цит. по: Чумак-Жунь 2003: 13]. Ключом к подтекстовой информации, содержащейся в художественном тексте, часто являются интертекстуальные связи, воплощенные в аллюзиях, цитатах, эпитафиях, прецедентных текстах и т.д. Причем, такие интертекстуальные связи можно наблюдать и на фразеологическом уровне.

Поэтический текст позволяет наиболее отчетливо определить те приращения смысла, которые возникают в его семантическом пространстве под влиянием «чужого» текста. В качестве текстов-источников как материала для творческого переосмысления, согласно классификации Е.А. Козицкой, могут выступать конкретные произведения, творчество какого-либо автора, тексты, обладающие «исторической общезначимостью», национальная культура, иноязычная культура, а также невербальные тексты. Новый текст, основанный на другом тексте, дополняет предыдущий, избирательно выдвигает на первый план отдельные актуальные смыслы, трансформирует их, исходя из художественного замысла автора.

Многоплановость поэтического текста предполагает разные подходы к

его определению и исследованию: лингвистический, коммуникативный, психолингвистический. Учитывая данные всех трёх направлений в изучении текста вообще, Н. С. Болотнова определяет его как «коммуникативно ориентированный, концептуально обусловленный продукт реализации языковой системы в рамках определенной сферы общения, имеющий информативно-смысловую и прагматическую сущность» [Болотнова 1992: 22], что крайне важно для понимания поэтической фраземики поэтического текста.

В связи с этим представляется возможным определить поэтический текст как образное, в том числе и фразеологическое, воплощение поэтической картины мира, моделируемой в языковом сознании языковой личности (поэта или читателя). Исходя из этого, поэтический текст можно назвать источником проявления поэтической фраземики своей специфики.

Проблема функционирования фразем в поэтическом тексте является достаточно многоаспектной и предполагает изучение специфики употребления фразем в поэтическом тексте как коммуникативно-мыслительной среды возникновения и функционирования фразеологических образований, вербализующих соответствующие поэтические образы.

В рамках поэтического текста употребление тех или иных языковых средств, с одной стороны, подчинено выражению определенного замысла автора, а с другой, зависит от ритмической организации лирического произведения. В связи с этим сложные по составу единицы (фраземы) приобретают довольно интересные для адресата формальные и содержательные «очертания». В поэтических произведениях Н. Гумилева имеют место примеры фразеологических аллюзий, т.е. творчески переосмысленных фразеологизмов, ассоциативно связанных с фраземами-прототипами.

В текстах Н. Гумилёва наблюдается ряд таких фразеологических аллюзий, посредством разного рода контекстуальных «намёков» отсылающих читателя к тому или иному прототипическому выражению. Например, фраза «целительный предложится бальзам» связан с фраземой «как бальзам на душу»,

выражение «ты дала неволю слаще воли» отсылает читателя к фразеологизму «охота пуще неволи», а фраза «не меркнет лебединый день» ассоциируется с фразеологической единицей «лебединая песня».

Примером подобного употребления может служить и отрывок из стихотворения Н.Гумилева «Алжир и Тунис»: Но на север и ныне / Юг **оскалил клыки.** / Все ползут из пустыни / Рыжей стаей пески. / Вместо хижин – могилы, / Вместо озера – рвы... (Н. Гумилев «Алжир и Тунис»). Приведенное выражение не отражено в словаре как фразема, однако, очевидно, что оно ассоциативно связано с фразеологизмом «показать зубы (когти)», по модели которого оно построено. Исходная фразема имеет следующее значение: «проявлять по отношению к кому-либо враждебность, нетерпимость, обнаруживать готовность дать отпор кому-либо, вести себя жёстко и агрессивно» [БФСРЯ 2006: 550]. Значение данной фраземы предполагает, что кто-либо демонстрирует готовность защищать себя или свои интересы. В основе образа данного фразеологизма лежит зооморфная метафора, уподобляющая действия человека поведению животного и основывающаяся на обиходно-бытовых наблюдениях, согласно которым многие животные, чувствуя угрозу, предупреждают о готовности к самозащите, демонстрируя когти или зубы [БФСРЯ 2006: 550].

Однако если узуальное употребление этой фраземы подразумевает то, что такая потенциальная агрессия проявляется по отношению к представителю социума, то новое выражение служит для характеристики явления неживой природы, а именно наступления песков из пустыни. Поэтому в нем, вероятнее всего, актуализирована сема «угроза», а не «нетерпимость» или «враждебность».

В ряде случаев «расфразеологизация» фраземы может сопровождаться изменением её компонентного состава и синтаксического статуса. Например, в стихотворении Н.Гумилева «Наступление» наблюдается употребление выражения, связанного с фразеологизмом «не хлебом единым жив человек»: Та

страна, что могла быть раем, / Стала логовищем огня, / Мы четвертый день наступаем, / Мы не ели четыре дня. / Но не надо яства земного / В этот страшный и светлый час, / Оттого, что **Господне слово / Лучше хлеба питает нас** (Н. Гумилев «Наступление»). Значение фраземы библейского происхождения обобщенное. Оно сводится к следующему: «человек должен заботиться об удовлетворении не только материальных, но и духовных потребностей» [Бирих 2005: 603]. Авторская интерпретация данного фразеологизма помогает читателю провести параллель с прецедентным текстом библейского происхождения. Источником являются слова Иисуса Христа «Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяцем глаголе Божии» [Ев.: Лк: 4,4]. В приводимом поэтическом контексте фразема с обобщенным значением конкретизируется, и посредством такого приёма автор подчеркивает, что для воинов, от лица которых он говорит, духовное оказывается важнее материального. Такой смысл поддерживается в контексте лексемами «лучше», «питает».

Ассоциативная связь исходных фразем и окказионального их выражения в контексте объясняются тем, что поэтический текст от прозаического отличают, во-первых, его личностность, предполагающая стремление посредством предельно сжатой поэтической фраземы «заставить» читателя не просто воспринимать, но сочувствовать, сопереживать, задумываться над поднятыми автором проблемами. Во-вторых, поэтическую речь отличает особый выбор языковых средств и их соположение с другими знаковыми единицами поэтического контекста, а также упорядочение сильных и слабых слогов (ритм) и рифма.

С нашей точки зрения, приведенные свойства являются определяющими, только с учетом которых и формируется поэтическое произведение. Именно эти факторы предопределяют выбор семантических, грамматических и синтаксических свойств фраземики в поэтической речи.

Таким образом, в поэтическом тексте несомненна зависимость употребления фразем, с одной стороны, от художественного замысла, а, с другой, от особого формального построения поэтического текста. Поэтому мы можем предположить, что фраземы в поэтическом тексте приобретают смысловые и формальные вариации, «приспосабливаясь» к специфике поэтического текста, и это обстоятельство определяет возникновение фразеоаллюзий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. Словарный каб. Им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926, [2] с.
2. Болотнова, Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1992. – 312 с.
3. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий/ авт. сост. И.С. Брилева [и др.]: отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
4. Гумилёв, Н. Сочинения. В 3 т. Т. I. Стихотворения; Поэмы / Н. Гумилёв / Вступ. ст., сост., примеч. М. Богомолова. – М.: Худож. лит., 1991. – 590 с.
5. Дымарский, М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX-XX вв / М.Я. Дымарский. Изд. 3-е, испр. – М.: КомКнига, 2006. – 296 с.
6. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1997. – 407 с.
7. Чумак-Жунь, И.И. Художественный текст как феномен культуры: интертекстуальность и поэзия. Монография / И.И. Чумак-Жунь. – Белгород, 2003. – 201 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТ-АНАЛИЗА

Литвин Елена Юрьевна

(Москва, Россия)

Различные методики лингвокогнитивного анализа последовательно вскрывают разноуровневые единицы – репрезентации концепта на материале художественных текстов и словарных статей, помимо этого опираясь на данные лингвистических экспериментов (анкетирование, ассоциативные эксперименты, предложение респондентам привести в письменном виде дефиниции либо объяснить то или иное явление). Подобный традиционный анализ имеет целью всестороннее описание структуры концепта, что не представляется возможным, поскольку существуют два типа концептов, которые не сводимы друг к другу. Г.Г. Слышкин отмечает, что «концепт существует в индивидуальном или коллективном сознании. Любые элементы, отсутствующие в сознании данного индивида/группы, в структуру концепта данного индивида/группы включаться не могут» [Слышкин 2004: 25]. Понимание концептуальной структуры как «явления», «сущности», выраженной с помощью разнообразных выделяемых средств, так же как и попытки наглядно представить структуру концепта – в виде поля с ядром или периферией либо в виде фрейма и его сценариев – безотносительно к разграничению концепта индивида и группы – свидетельствуют о сложности и неоднозначности темы. Во-первых, «психическая сущность», «явление», «сгусток смысла» – достаточно абстрактные понятия, которые требуют прояснения. Во-вторых, соотношение данных понятий и понятия «концепт» остается неясным: не являются ли они относительными синонимами? Указывая на область мышления, они сигнализируют о смене фокуса исследователя: с этих пор анализ осуществляется на стыке наук.

Ведущие отечественные лингвисты при характеристике особенностей концепта отмечают его психическую природу: «языковой областью представлена только часть концептуальной информации, в то время как другая

ее часть существует в психике в виде ментальных репрезентаций (образы, схемы, картины)» [Вишнякова 2002: 17-18]. В этой связи целесообразно обратиться к трудам ученых-психологов, разрабатывающих теорию речемыслительных механизмов и функций.

Л.С. Выготский пишет: «Полан оказал большую услугу психологическому анализу речи тем, что ввел различие между смыслом слова и его значением. Смысл слова, как показал Полан, представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Смысл слова, таким образом, оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости» [Электронный ресурс: Код доступа: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1569.html>]

Если мы исходим из того, что слово – разновидность знака, указывающего на смысл, и принимаем, что один и тот же смысл (аспекты смысла) может быть выражен различными лексическими единицами и их комбинациями, получается, что смысл как совокупность возникающих в сознании психофизических фактов можно обозначить словом «концепт». Концепт в данном виде подвижен, «имеет несколько зон различной устойчивости». Структура концепта обогащается новой информацией в процессе ее восприятия и интериоризации, непрерывно изменяя содержание концепта. Концепт не стабилен, и какие-либо выводы о структуре концепта индивида, полученные при анализе корпусов текстов или асистемно проведенных экспериментов, представляются малоубедительными.

Для того чтобы обрисовать структуру того или иного концепта в языковой картине мира данного индивида, придется проанализировать максимальное количество продуцированных им текстов и проводить эксперименты на протяжении многих лет. Другой путь заключается в разработке методики описания концепта индивида, которая должна включать тесты, рассчитанные на получение информации о репрезентантах концепта с

точки зрения множественного интеллекта (multipleintelligence). Помимо традиционных лингвистических экспериментов нам представляется целесообразным включить тесты визуальной, аудитивной, кинестетической направленности с целью получения вербальных реакций. Полученная по прохождению тестов карта концепта будет отражать его структуру на данный момент времени. Тогда в последующем, например через несколько лет, можно будет провести повторное исследование и сравнить две карты концептструктуры.

Следует указать на еще одну, как нам кажется, слабую сторону традиционного концепт-анализа: репрезентанты концептов, как правило, вычленяются по принципу сплошной выборки, вырываются из контекстов и представляют собой ряд лексических единиц – своего рода тезаурус концепта. Исследователь получает указания на множество понятий, парадоксально уходя от самого концепта, так как лексические единицы вне контекста теряют смысл.

Слово не функционирует в отрыве от контекста. Мы понимаем его *смысл* только в составе предложения или в сочетании с непосредственным действием – в той или иной ситуации. Восклицание «Яблоко!» вместе с указательным жестом передает смысл передать это яблоко. Реципиента информации в диалоге интересует не отдельное слово, а связанная иллюкуцией коммуникативная единица – высказывание.

В.П. Васильев отмечает, что «каждое высказывание проявляет концепт в том или ином наборе актуализирующихся концептуальных признаков (квантов смысла), группирующихся в определённые аспекты (слоты)» [Васильев 2003: 184]. На наш взгляд, возможно и построение обратной зависимости: концепт проявляется в высказывании, актуализируя тот или иной аспект значения. Отсюда логичнее представить концепт не как большой тематический словарь, а, скорее, как набор высказываний о явлении. С этой точки зрения при традиционном описании концептов группы (культурной общности, нации) всегда выигрышно смотрится банк паремиологических единиц.

Парадоксы, представляющие собой высказывания полной структурой, также, на наш взгляд, можно отнести к концепт-репрезентантам, причем, как правило, авторские парадоксы отражают национальную специфику: *A diary is the last place to go if you wish to seek the truth about a person* [Durrell

Электронный ресурс:

Код доступа:

<http://centretruths.co.uk/fahdtu/BALTHAZAR.htm>]; *When two people are under the influence of the most violent, most insane, most delusive, and most transient of passions, they are required to swear that they will remain in that excited, abnormal, and exhausting condition continuously until death do them part* [Show

Электронный ресурс:

Код доступа:

<http://www.gutenberg.org/dirs/etext04/gtgmd10.txt>]. *When one is in love, one always begins by deceiving one's self, and one always ends by deceiving others. That is what the world calls romance* [Wilde 1979: 140]

Выделение метафор и любых других образных средств как репрезентантов концепта также можно свести к высказыванию. Так, метафора “violet wells of passion” (о глазах, Wilde 1979) трансформируется в предложение “Her eyes are like violet wells of passion”. Но даже этот пример показывает нам, что знание микроконтекста необходимо. Если мы не знаем, о чьих: мужских или женских глазах идет речь, и восстанавливаем метафору до высказывания *The eyes are like violet wells of passion*, адекватное использование данной метафоры для представления концепта EYES маловероятно. Гендерный аспект достаточно важен, поскольку влияет на особенности сочетаемости лексических единиц. Некоторые метафоры невозможно вычленировать из высказывания, поскольку они соответствуют предикативной основе предложения: *Music had stirred him like that*. Тем не менее вопрос о возможности включения авторских метафор в карту концепта остается открытым. Можно ли считать, что авторские метафоры действительно входят в банк значений концепта-инварианта, концепта группы, общества или нации или же целесообразнее включать их в концепт-структуру автора произведения как индивида или же в описание концептосферы того или

иного художественного текста? Мы полагаем, что можно привести доводы в защиту любого из этих пунктов.

Значение идиом, вербализирующих тот или иной концепт, также актуализируется в контексте. Вне контекста не всегда можно определить идиому. Сочетание *blackbook* может означать как *книгу в обложке черного цвета*, так и идиому *черный список*: *I shall hand him my little **blackbook** and say, "Ere you are, Mate"* [Carey: Электронный ресурс: Код доступа: <http://bnc.bl.uk/saraWeb.php?qy=black+book&mysubmit=Go/>]
*I am in Lady Agatha's **blackbooks** at present* [Wilde 1979: 96].

Таким образом, на сегодняшний день можно выделить несколько проблем, назревших в когнитивной лингвистике. Методика анализа концепта социальной группы разработана наиболее подробно, однако собрание тематически объединенных лексических единиц не раскрывает в полной мере структуры концепта данного типа. Необходимо разработать методику анализа концепта индивида, учитывающую психологические особенности восприятия и интериоризации информации, а также методику концепт-анализа художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carey, G. I believe. London: SPCK, 1991 // <http://bnc.bl.uk/saraWeb.php?qy=black+book&mysubmit=Go>
2. Durrell, L. Balthazar // <http://centrtruths.co.uk/fahdtu/BALTHAZAR.htm>
3. Show, B. Getting Married // <http://www.gutenberg.org/dirs/etext04/gtgmd10.txt>
4. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray // Selections From Oscar Wilde. – Vol.1, 1979. – pp. 77 – 346
5. Васильев В.П. Концепт «дождь» и особенности его организации // Мир человека и мир языка.– Кемерово: Графика, 2003. Вып.2. С.184-229
6. Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство. М.: МАКС Пресс, 2002. 377 с.
7. Выготский Л.С. Мысль и слово // Код доступа: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1569.html>
8. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Дис. ...д-ра филол.наук. Волгоград, 2004. 323 с.

УКРАИНСКАЯ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВАЯ СКАЗКА КАК ОТОБРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Мельник Ниалья Георгиевна

(Кривой Рог, Украина)

Проблема определения особенностей национальной ментальности – одна из ключевых в современной науке. Она достаточно сложна и многогранна. Только в результате глубокого исследования с точки зрения философии, психологии, социологии, лингвистики, фольклористики можно целостно осмыслить понятие «ментальность».

В философии проблема ментальности рассматривалась в работах О.Шпенглера, Н. Бердяева, В. Козлова, В. Генинга, Ю. Бромлея, Л. Гумилева.

Автор пособия по этнопсихологии А. С. Баронин характеризует ментальность как «социально-психологическую характеристику духовного мира человека или социальной общности, эпохи или этнокультуры» [2, с. 253].

По мнению В. Храмовой, именно ментальность определяет поведение человека, социальной группы общества, вследствие чего субъективный «срез» социальной динамики органично входит в объективный исторический процесс [23, с. 4]. Исследовательница обращает особое внимание на то, что психоповеденческие архетипы модифицируются в ходе исторического процесса, но, несмотря на это, сохраняется определенный инвариант, который реализуется благодаря общей языковой, культурной и морально-этической основе. В.Храмова называет его «духом нации», «душой народа» [23, с. 8-9].

В свое время Н. Костомаров сделал попытку выяснить, что же лежит в основе различия народностей и пришёл к такому выводу: «Духовный состав, степень чувства, его приемы или склад ума, направление воли, взгляд на жизнь духовную и общественную, все, что образует нрав и характер народов, – это сокровенные, внутренние причины, его особенности, сообщающие дыхание жизни и целостности его телу» [12, с. 95].

Современные ученые абсолютно справедливо говорят о том, что сегодня «чистого» в антропологическом смысле украинца, как и россиянина, очевидно, нет и быть не может, поскольку восточноевропейская территория издавна напоминала бурлящий этнический котёл. Также следует учитывать последствия советского периода – от однозначно негативных, таких, как сокращение населения (геноцид, политические репрессии, войны), до понятных в общечеловеческом плане – смешанные браки как результат пребывания в «семье братских народов». В последнее время, в условиях глобализации, к этому добавляются браки с уроженцами разных стран далекого зарубежья, которые всё больше стирают грань между понятиями «украинец» и «житель Украины» [20, с. 304].

Но все же справедливой будет мысль о том, что региональные особенности «коренных украинцев» – как антропологические, так и психологические – достаточно значительны. Более того, каждый регион Украины отличается своей ментальностью. Современный исследователь проблем ментальности Н. Ващенко трактует этническую ментальность как набор стереотипов мышления представителей определенного этноса [4, с. 50].

К вопросам специфики украинской ментальности, проблемам определения ее культурно-исторических и психологических корней обращались в своих работах В. Антонович, Д. Багалий, Г. Ващенко, М. Грушевский, Д. Донцов, М. Драгоманов, О. Ефименко, Н. Костомаров, А. Кульчицкий, Ю. Липа, В. Липинский, И. Огиенко, Д. Чижевский, Н. Шлемкевич, В. Янив и другие. Сегодня разработку этой концепции продолжают А. Бычко, И. Бычко, В. Горский, Р. Додонов, С. Крымский, В. Малахов, М. Мокляк, А. Нельга, Ю. Римаренко, В. Храмова, В. Шинкарук и другие ученые.

Хотя украинская ментальность формировалась и развивалась во взаимодействии с ментальностями народов России, Литвы, Польши и других этносов, все же есть ряд приоритетных черт, которые характеризуют именно ее украинский вариант. Это прежде всего отношение к Родине-матери, своим

культурно-историческим ценностям, толерантность по отношению к другим культурам и религиям, свободолюбие, стремление к «чистоте крови», эмоциональность, хозяйственность, трудолюбие, характерный индивидуализм, демократизм, уважение к отдельному индивиду и его свободе, острое неприятие деспотизма и абсолютной монархической власти. Именно такое видение черт украинской ментальности демонстрируется в работах И. Лисяк-Рудницкого, Е. Маланюка, И. Мирчука, Н. Шлемкевича, Д. Чижевского, В. Янива и др. Исследователи ментальности украинского народа Н. Костомаров, И. Нечуй-Левицкий, В. Липинский, Е. Онацкий, А. Кульчицкий, Б. Цимбалистый, Н. Шлемкевич, В. Дорошенко, Я. Ярема, С. Ярмусь, В. Янив, П. Юркевич, В. Храмова и др. в свою очередь считают, что духовный мир украинцев отличается эмоционально-чувственным характером, кордоцентризмом и характеризуется дуалистической целостностью несознательного и надсознательного, иррационального и разумного, чувств и воли.

Наиболее полно, по нашему мнению, этническая ментальность отображается в устном народном творчестве. Г. И. Мальцев указывает на то, что именно фольклор «сосредотачивает в себе существенную часть ментальной жизни общества, группы, семьи, во всяком случае ту её часть, которая связана с функционирующими институтами, с ситуациями и действиями, повторяющимися регулярно, устойчивыми, отработанными опытом, требующими вербального закрепления» [15, с. 69].

Современные политические, исторические, психологические трансформации украинской общественной жизни призывают по-новому осмыслить бытие человека, его современное и будущее, определить стратегию дальнейшего развития страны. Логичным в этом смысле является обращение к народному творчеству, которое концентрирует в себе вековую мудрость, а именно – к сказочному эпосу.

В процессе исследования черт украинской национальной ментальности, ее трансформаций, мы прежде всего обращаемся к сказке, а именно к ее

социально-бытовой разновидности. Сказочный текст понимается нами как текст паремический, поскольку он, хотя и с определенными вариациями, неоднократно повторяется в устной традиции, а также характеризуется завершенностью мысли и коммуникативной достаточностью.

Сказка, которая всегда являлась неписанным учебником жизни, воспитывала многие поколения украинцев в среде национальной культурной стихии, в системе традиционных ценностей.

Именно к сказке обращались в своих фольклористических исследованиях И. Франко, Ф. Колесса, Л. Дунаевская, А. Брицына, Н.Дмитренко, И. Хланта, другие ученые, которые обогатили науку целостными концепциями, а также отдельными наблюдениями в данном направлении.

Социально-бытовые сказки украинского народа занимают значительное место в его фольклорном наследии. Специфической чертой этих произведений есть то, что они связаны с общественной жизнью народа, концентрируют в себе традиционные взгляды на разные социальные явления и рассказывают о жизни представителей различных социальных групп.

Исследовательница украинской народной сказки Л. Дунаевская подчеркивает, что конфликт социально-бытовых произведений возникает в сфере семейных или социальных отношений между добротворцами и злотворцами, которые в более ранних сказках реализуются в зооморфных образах Доли и Недоли, Счастья и Беды, Горя, Злыдней и т. д. Также Л.Дунаевская условно классифицирует сказки по характеру главного конфликта на дидактические (в них отображаются представления трудящихся о зависимости их жизни от доли, счастья, злыдней); семейно-антагонистические (о старшем и младшем братьях, падчерице и ее мачехе), юмористические (о ленивых людях, дураках, о веселых похождениях солдат и цыган), сатирические (антицарские, антипанские, антипоповские) [9, с. 138-139].

Изменения в национальной ментальности, по нашему мнению, наиболее ярко отображаются именно в дидактических сказках, поскольку именно они

зафиксировали наиболее тонкие изменения в обществе, формирование новых социальных групп, их доминирующие жизненные настроения, характерные особенности мироощущения, систему моральных норм и ценностей. Л. Дунаевская подчеркивает: «Дидактические сказки возникли в процессе становления классовых отношений феодального строя. Они зафиксировали представления трудящихся о богатстве как одном из главных факторов привилегированного положения человека в обществе, о счастье, доле, смерти, как антропоморфных существах, от которых зависит жизнь каждого человека. Сказки этой группы дают своеобразные установки – как избежать смерти, беды, злыдней. Изменить жизнь можно только благодаря отношениям с персонифицированными существами – Счастьем, Долей, Кривдой и т. д. [9, с. 140].

Социально-бытовые сказки, сюжеты которых взяты из реальной жизни, сосредоточены на морально-этических проблемах. Одними из наиболее ярких произведений социально-бытового сказочного эпоса являются произведения о богатых и бедных. В них осуждается социально-психологический тип человека, который больше всего ценит материальное, оставляя без внимания духовные и семейные ценности. Народ осуждает жестокость (старост, войтов, писарей, нотариусов, жандармов). Но наиболее страшной является ситуация, по мнению народа, когда близкий человек (брат, сестра, отец) снимают с бедного последнюю рубашку, стараются обогатиться за счет него, заставляют тяжело работать за низкую оплату, унижают.

Л. Дунаевская также обращает внимание на образ дурака в сказке и выделяет такие его идейно-художественные функции: «Интересен в сказочном репертуаре образ дурака-шута. В действиях персонажа прослеживается ярко выраженная амбивалентность – сказка высмеивает не самого дурака, а нормальных людей, которые его окружают, с их трезвым отношением к жизни, практичностью. Герой, который поступает своеобразно, не так, как все, – представитель родовой культуры, в новых социальных условиях он не

воспринимается серьёзно. Именно поэтому, делая акцент на умении предсказывать, поздняя сказка награждает его в соответствии с представлениями нового общества о счастье: сначала золотом и серебром, отобранным у попа, купца, чиновника и т. д. Ирония и смех, предназначенные для дурака, оказываются безосновательными и во многих поздних сказках адресуются уже его старшим братьям. Юмор новеллистической сказки... часто перерастает в острую сатиру, которая показывает глубокое понимание народом несправедливости общества. Сказка, хоть неуверенно, но предлагает свое представление о высоком положении человека в обществе, где бы ценились в первую очередь честность, ум, трудолюбие, человеческое достоинство» [9, с. 151–152].

Как правило, в таких произведениях бедный человек побеждает сложные обстоятельства и строит себе достойную жизнь. Таким образом, народ демонстрирует свое представление о нормальном порядке вещей, об идеальном, о справедливости.

Часто выходцы из противоположных социальных групп изображены одновременно (в одном произведении), а с помощью антитезы раскрываются позитивные черты одного персонажа и негативные – другого. Народ в таких сказках демонстрирует свое отношение к общественным недостаткам и социальному злу. Как правило, в таких произведениях бедные люди оказываются умнее, порядочнее, честнее, богатых.

Значительное место в сказках занимает изображение несправедливого суда, высмеивание тупости, жадности судей, их корыстолюбия, взяточничества, бюрократизма, гордыни и неуважения к простым людям («Мудрая девушка-семилетка» («Семилеточка»), «О человеке, который служил за разум»).

Во многих сказочных произведениях о богатых людях ключевой является мысль о том, что стремление к большим деньгам всегда приводит к моральному убожеству, часто даже к преступлению. Жадный человек в погоне

за материальными ценностями теряет человеческий облик и никогда не бывает счастлив.

Иногда сказочные произведения социально-бытовой направленности вмещают небольшой морально-этический вывод, который является обобщением главной идеи.

В сказке «Правда и Кривда» также побеждает справедливость: «Прив'язали ворони на шию Кривді мотуз і підтягли вгору. Потім взяли таблицю й написали: «Хто лихою дорогою ходить, на такій і пропадає!» [18, с. 367]

Среди социально-бытовых сказок есть группа произведений, которая декларирует идею человека как наивысшую меру всех ценностей. Просто и доступно народ доказывает, что наиболее важными являются открытые доверительные человеческие отношения, умение закрыть глаза на бытовые мелочи и увидеть самое главное. Одним из таких произведений является сказка «Калиточка» («Кошелёчек»), в которой жена прощает своего непрактичного мужа и готова разделить с ним все трудности жизни. Она благодарна Богу за то, что муж вернулся живым с «заработков» и принимает его таким, какой он есть. В произведениях «Мудрая девушка», «Семилеточка» отображена идея мудрости народа. Образ простой девушки близок к идеалу: она умна, воспитанна, остроумна. Выполняя приказ пана прибыть «не пешей, не верхом; не одетой, не голой; не с подарком, не без подарка» девушка идет, став одной ногой на козу, одетая в рыбацкую сетку, дарит птицу, которая улетает из руки. Так она проявляет свою изобретательность. Именно такой изображена и умная женщина, которой пан, прогоняя из дома, разрешает взять то, что для нее дороже всего, и она выносит его, сонного, на плечах.

Достаточно распространены образы умного селянина, которому удастся перехитрить вельмож («Как селянин доил козлов», «Умный бедняк и багач-обжора», «Отроумная шутка»); хитрого солдата, который, чтобы проучить взяточников, просит у пана как награду сто палок, которыми «наделяет»

дозорных («Награда»), или просит у царя старую кульбаку от седла дарственным письмом, а потом забирает у пана поместье с названием "Старая Кульбака" («Как солдат царя обманул»).

Сюжет многочисленных социально-бытовых сказок строится на конфликте между наемным работником и хозяином. Эта группа сказок имеет значительное количество вариативных изменений, замещений отдельных эпизодов. Работник в них всегда оказывается быстрее хозяина. Он сразу съедает завтрак, обед и ужин и ложится спать, потому что после ужина уже никто не работает; делает вид, что он косит, поскольку перед этим хозяин сказал делать вид, что они обедают; когда его заставляют работать ночью, потому что «месяц – брат солнца», он, придя за платой, к торбе, в которую хозяин насыпает муку, привязывает мешок и говорит, что «мешок – брат торбы».

Очень распространенными в украинской устной словесности являются сказки, центральный образ которых – жулик. Часто это образ дурака, которому всегда везет. Он, например, продает панам телегу, которая будто сама едет, горшок, который как будто сам готовит кашу; палку, что должна «оживлять мертвых» («Об Иване-дураке»). Нередко непревзойденным жуликом в украинских народных сказках является хитрый цыган. Распространены также мотивы о том, как жулик сумел перехитрить такого же вора, как он сам («Сказка о двух жуликах»). Очень редко такая роль отводится женщинам. Они в фольклорных произведениях прибегают к хитрости лишь для того, чтобы защитить себя и свою честь, проучить навязчивых ухажёров, хотя и не без выгоды для себя. («Как жилось царской дочери с сапожником», «Ухаживания попа»).

Эта группа сказок вмещает мотивы и образы, характерные для народной прозы всех восточнославянских народов. Особенно это относится к произведениям о несправедливых судьях («Не всегда по правде и суде судят», «Как цыган был адвокатом»); а также о попах-лгунах, ворах, сребролюбцах, дураках, на которых ярко видно влияние «Декамерона» Боккаччо («Как попу

захотелось золота», «Ненасытный поп», «Как селянин попа медом угощал», «О попе, работнике и псе Муцике», «Поп на исповеди», «Поп-ворожея», «Глупый поп» и др.).

Во многих социально-бытовых сказках отображен христианский взгляд на человеческие отношения («Мудрая баба», «Бедный и богатый», «О бедном богаче»), а героями произведений являются святые.

Кроме традиционных эпитетов, сравнений, паралелизмов в социально-бытовых сказках часто встречаются персонифицированные образы Доли, Злыдней, Беды, Чумы и т. д. Метафоры делают особенно яркими картины и образы-персонажи. Такими являются Слепая Правда («Сказка о Правде и Кривде»), украденое Счастье («Украденое Счастье») и т. п. Также, по мнению Л. Дунаевской, структура новеллистических сказок свидетельствует о том, что в процессе эволюции фольклорного сознания они дифференцировались на основе мифологических волшебных сказок, сохраняя при этом основные «параметры» жанровой формы, наполняя новым содержанием, которое отвечает эстетическим и идеологическим требованиям определенного времени. Консервативность жанровых черт – установка на вымысел, обрядовость рассказываемого (инициальные, медиальные и финальные формулы), мифологемы инициаций, тотемные верования, наиболее характерные для волшебной сказки, в процессе эволюции под влиянием художественной литературы деформировались в рассказы: новеллы, притчи, басни, сказки о животных.

Поэтому сюжетные линии сказок о животных или социально-бытовых на момент их записывания в Украине (начало и середина XIX в.) сохраняют только композиционные элементы.

Моральные основы христианства, влияя на формирование этических требований общества, привили народу понятия о бедности, недоле как знаке благородства, о богатстве, которое приводит к несчастью (сюжеты о бедном и

богатом или о старшем и младшем братьях), о смерти, посланной Богом, которую в конце концов обманывает изобретательный солдат [9, с. 157–158].

Таким образом, в социально-бытовых сказках осмысливаются отношения между людьми, понятия «богатство» и «бедность», «честность» и «хитрость», «трудолюбие» и «лень», «щедрость» и «жадность», определяются моральные приоритеты, характерные для представителя украинской национальной ментальности.

Счастливым, по мнению народа, может стать только человек, который живет по законам традиционной морали, осознает приоритет духовного над материальным, умеет по-настоящему любить и творить добро.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева С. Б. Сказочный текст и традиционная культура / Светлана Борисовна Адоньева. – СПб. : Изд-во С-Петербург. ун-та, 2000. – 182 с.
2. Баронин А.С. Этническая психология / Анатолий Станиславович Баронин. – К. : Тандем, 2000. – 264 с.
3. Бріцина О. Ю. Українська народна соціально-побутова казка / Олександра Юріївна Бріцина. – К., 1989.
4. Ващенко Н. Я. Етнос и менталитет// Антропоцентризм чи антропофілія? (антропоцентричний аспект психолінгвістичних досліджень) : Тексти доповідей пленарного засідання та тези повідомлень 1-ї міжнародної студентської конференції «Антропоцентричний аспект психолінгвістичних досліджень в онто- та філогенезі» (21–22 квітня 1998 року). – Кривий Ріг : Бібліотечка «Саксагані», МДЦ ЛМКП, 1998. – 168 с.
5. Візниця Ю. В. Національна ментальність та риси її українського виміру / Ю. В. Візниця // Громадянське суспільство та проблеми становлення особистості : Зб. наук. праць [відп. редактор А. С. Лобанова]. – Вип. 4. – Кривий Ріг : Видавничий дім, 2008. – С. 25–32.
6. Денисюк І. Національна специфіка українського фольклору / Іван Денисюк // Слово і час. – 2003. – № 9. – С. 17–23; № 10. – С. 41–49.
7. Дмитренко М. К. Казки на все життя / Микола Костьович Дмитренко // Українські народні казки [Упоряд., передмова Миколи Дмитренка]. – К. : Видавець Микола Дмитренко, 2004. – 384 с.

8. Дунаєвська Л. Ф. Українська народна казка / Лідія Францівна Дунаєвська. – К. : Вища школа, 1987.
9. Дунаєвська Л. Ф. Українська народна проза (легенда, казка). Еволюція епічних традицій / Лідія Францівна Дунаєвська / Дис. ... д-ра філол. наук : 10.01.07 / Київський університет ім. Тараса Шевченка. – К., 1998. – 447 л.
10. Калинова сопілка [Антологія української народної прозової творчості]. – 1998. – С. 34–246.
11. Колесса Ф. Українська усна словесність / Філарет Колесса. – Едмонтон, 1983.– С. 114–136.
12. Костомаров Н. И. Две русские народности / Николай Иванович Костомаров . К. –Х. : Майдан, 1991. – 72 с.
13. Кравченко А. Г. Менталітет як об'єкт соціально-філософського дослідження / Алла Григорівна Кравченко / Автореф. дис... канд. філос. наук : 09.00.03 / Інститут філософії ім. Г. Сковороди НАН України.– К., 2000. – 19 с.
14. Лановик М. Українська усна народна творчість / Мар'яна Лановик, Зоряна Лановик. – К. : Знання-Прес, 2006. – С. 9-21, С. 487–503.
15. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследования по эстетике устнопоэтического канона) / Г. И. Мальцев. – Л., 1989. – С. 63–64.
16. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура: In memoriam / Борис Николаевич Путилов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. – 464 с.
17. Рубан А. О. Світоглядні особливості українського національного характеру (філософсько-антропологічний аналіз) / Алла Олексіївна Рубан / Автореф. дис... канд. філос. наук : 09.00.04 / Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова.– К., 2009. – 20 с.
18. Соціально-побутова казка [Передм. О. Бріциної]. – К. : Дніпро, 1987. – 382 с.
19. Сошніков А.О. Репрезентація української ментальності у соціокультурних синтезах / Андрій Олександрович Сошніков / Автореф. дис... канд. філос. наук: 09.00.04 / Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2000. – 19 с.
20. Стражний О. С. Український менталітет: Ілюзії. Міфи. Реальність / О.С.Стражний. – К. : Книга, 2008. – 368 с., іл.
21. Українські казки. – К.: Т-во «Знання» України, 1992. – 96 с.
22. Українські народні казки [Упоряд. О. С.Яремійчук, передм. М.К.Дмитренка]. – К., 1989.
23. Українська душа [Відпов. ред. В. Храмова]– К. : Фенікс, 1992. – 128 с.

24. Українські народні казки. – Львів: Каменяр, 1978.

25. Хланта І. В. Коштовні перлини Карпат / І. В. Хланта // Казки Карпат: Українські народні казки [Упоряд., вступ. ст., прим. та слов. І. В. Хланти]. – Ужгород: Карпати, 1990. – 418 с., іл.

**ПАРЕМИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ В КОНТЕКСТЕ
ДИСКУРСИВНОЙ ИНТЕНЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА О. МАНДЕЛЬШТАМА)**

Осадчая Мирослава Николаевна

(Старый Оскол, Россия)

Паремии как прецедентные тексты имеют достаточный потенциал для актуализации имплицитного содержания в дискурсивном пространстве. В художественных текстах паремические аллюзии позволяют воплощать многомерные смыслы, не получившие словесного выражения за счёт трансформации исходного текста, но присутствующие в ментальном пространстве коммуникантов. Репрезентации нетривиального авторского образа посредством аллюзии к паремическим текстам позволяют в художественных текстах актуализировать аксиологические смыслы. Кроме того, сами семантические компоненты паремии в художественном дискурсе посредством ассоциативных связей способствуют реализации авторских образов, имплицитно связанных с исходными паремическими текстами. Причём, аллюзивные отсылки к паремическим текстам выявляют те топики дискурса, где интенциональная прагматика автора опирается на «авторитетное» мнение этноязыкового сообщества.

Паремические тексты в дискурсивном пространстве художественного мира О. Мандельштама, как правило, трансформированы, что не исключает при этом из смыслового пространства коннотативные смыслы исходного прецедентного текста. Прецедентный текст функционирует как средство

имплицитного включения в дискурсивное пространство образа, который «достраивается» из общеизвестного исходного паремического текста. Например, в автобиографической прозе «Шум времени» находим трансформацию пословицы: описываемый в тексте персонаж живёт в отдалённом районе, где «откинув всякое щегольство, все дома, **как кошки, серы**» [II: 368]. Легко прочитывается аллюзивная отсылка к тексту пословицы, имеющей варианты: «ночью все кошки чёрны, (серы)» [Михельсон 2006: 528]. Очевидно, что переосмыслено лежащее в основе образа прозрачное в смысловом плане наблюдение о невозможности различения оттенков цвета без достаточной освещённости. А вот вариативность смыслов цветообозначений *черные* или *серые* для дискурсивного пространства Мандельштама значима в ценностном плане. Именно лексический компонент пословицы *серы* актуализирует контекстуальную антитезу «щегольство – серость, посредственность».

Важен и тот момент, что благодаря структуре текста пословицы, в смысловом пространстве имплицитно присутствует и представление о *ночи*, что вырисовывает мрачную обстановку, оценивая и героя, и общество в целом. При этом, как отрицательная характеристика персонажа, прочитывается и прагматический смысл пословицы – ‘оправдание недальновидности’. Оценку героя произведения явно актуализирует аксиологический потенциал паремии. При этом и сам паремический текст в дискурсивной среде приобретает дополнительные смысловые приращения. Это является результатом взаимодействия феномена языкового прецедента с *дискурсивной интенцией* (термин Н.Н. Семененко), под которой понимается «дискурсивная обусловленность смысла, возникающая под влиянием собственно контекста, прагматической установки коммуникантов и когнитивного фона, обусловленного событийной основой дискурса» [Семененко 2011: 335]. Результатом дискурсивной интенции является взаимодействие традиционного

для этнокультуры и индивидуально-авторского, что и способствует появлению нетривиальных смыслов.

Расшифровке уникальных авторских образов способствуют опознаваемые паремические тексты, привносимые в художественный дискурс посредством аллюзии. Жанровая разновидность паремий – примета – в художественном дискурсе функционирует как особый знак прагматического плана. Народные приметы «представляют собой биноминативную семантическую структуру», поскольку номинированы «две ситуации, из которых одна поставлена в зависимость от другой» [Фаттахова 2010: 392]. Соответственно, при функционировании приметы в дискурсе происходит «удваивание» события, включение в дискурсивное пространство и «сюжета, сформировавшего первичный прогноз» [Семененко 2011: 24]. Таким образом, структура и прецедентный статус общеизвестной приметы способствуют когнитивной интеграции неблагоприятного или благополучного прогноза с образом «приметоносителя» [Тонкова 2007: 11].

Например, общеизвестная роль *кометы* как ‘предвестника несчастий’ в европейской культуре, в образности поэтического текста Мандельштама усиливает трагические мотивы. В текстах примет коннотации *кометы* закрепились прочно, способствуя тем самым имплицитному включению в бодрую тональность стихотворного текста и обусловленного приметами мрачного прогноза. Даже когда контекст по структуре не соответствует традиционному построению приметы, аллюзия легко прочитывается:

«Ещё стрижей довольно и касаток,

Ещё комета нас не очумила,

И пишут звездоносно и хвостато

Толковые, лиловые чернила» [III: 97]. В первой строке легко узнаётся аллюзия к народным приметам, предсказывающим неблагоприятные для человека перемены в погоде в связи с исчезновением *стрижей*: [Никитина 2009: 600]. Очевидно, что возможности расшифровки обеспечивают

упоминаемые реалии, взаимосвязанные с предсказаниями, так называемые «приметоносители» – птицы, комета. Примечательно, что в русских летописях *комета* упоминается как «звезда с хвостом» [Власова 2008: 179]. Как раз такое именование этого суеверия и позволяет расшифровать авторские окказиональные наречия в третьей строке «*пишут звездоносно и хвостато*», углубляя смысловое пространство. В когнитивном плане именно устойчивая взаимосвязь динамики в мире природы с неблагоприятным прогнозом приметы и обеспечивает актуализацию слота «Неизбежность» фрейма «Опасность». Репрезентация этих когнитивных структур позволяет предполагать, что Мандельштам осознавал или же предчувствовал опасность написанных им произведений, хотя стихотворение написано до ареста поэта.

Окказиональные преобразования прецедентной основы обусловлены особенностями авторского лингвокреативного мышления. Прагматический потенциал исходного текста в художественном дискурсе реализуется разными способами. В раннем стихотворении Мандельштама, (в достаточно благополучный период его жизни), апелляция к примете легко опознаётся, и эксплицитное указание посредством эпитета *вещие* способствует созданию визуального поэтического образа:

*«Под грозowymi облаками
Несётся клёкот вещей птиц...»
«...И каждый совершил душою,
Как ласточка перед грозою,
Неописуемый полёт»* [1: 53].

Образ ласточки участвует в репрезентации концепта «Испытание». Когнитивным признаком, лежащим в основе сопоставления *ласточки* и *души*, выступает визуальный образ траектории полёта птиц, отмеченный в тексте народной приметы как результат наблюдений за природой: *ласточки и стрижи летают то вверх, то вниз – перед бурей, ветром* [Никитина 2009: 541]. Важен для анализа этого текста и тот факт, что это стихотворение раннего периода творчества Мандельштама,

когда, по мнению исследователей, в его поэзии «сильно выражены принципы, близкие к концепции русского символизма» [Богомолов 1990: 13]. В паремической аллюзии автор как раз актуализирует именно символический образ ласточки как известного «приметоносителя».

Совсем другая смысловая глубина наблюдается в реализации паремических аллюзий в текстах Мандельштама в 1930-е годы. Тексты этого периода включают имплицитные слои информации, паремические аллюзии как знаки прагматического плана как раз позволяют вскрыть многомерное содержание художественного дискурса Мандельштама позднего периода творчества. Показательно, как изменяется дискурсивная аллюзия к образу ласточек. Текст написан, когда Мандельштам случайно с запозданием узнал о самоубийстве в Стокгольме своей прежней возлюбленной, Ольги Ваксель, за десять лет до этого почти разбившей семью Мандельштамов:

«И твёрдые ласточки круглых бровей

Из гроба ко мне прилетели

Сказать, что они отлежались в своей

Холодной стокгольмской постели» [III: 97]. Здесь ласточки помимо метафоризации облика героини воплощают и этнокультурно обусловленную символику, и одновременно как известные «приметоносители» отсылают к тексту приметы: «влетит птица в дом – к смерти больного» [Никитина 2009: 541]. Интересно, что образ птицы представлен в точном соответствии с народными мифологически обусловленными представлениями, в которых ласточка «выступает как посредница между жизнью и смертью, чужим морем и своей землёй» [Никитина 2009: 541]. Пророческие приметы, как правило, соотносят наблюдаемые явления с положительными событиями жизни человека, либо содержат предсказание несчастий. Следовательно, выражают зафиксированную в этноязыковом сообществе взаимосвязь концептов «Опасность» или «Удача» с определённым кругом явлений реального мира. Таким образом, в пределах цитируемого поэтического контекста репрезентация

концептов «Трагедия – Смерть» создаётся именно посредством паремической аллюзии.

Иное воплощение авторского замысла мы видим, когда посредством общеизвестного текста приметы мотивируется коннотация. В стихотворении, посвящённом этой же Ольге Ваксель в 1925 году, у Мандельштама также встречается аллюзивная отсылка к зловещей примете:

*«Разве **кошка**, встрепенувшись,*

***Чёрным** зайцем обернувшись,*

*Вдруг простёгивает **путь**,*

Исчезая где-нибудь...» [II: 55]. Фольклорно-сказочные мотивы оборотней приобретают более трагичный смысл, если в контексте прочитывается аллюзивная отсылка к самому известному предостережению о несчастливом *пути*, который перебегает *черная кошка*. Написан текст в тот момент, когда Мандельштам пытался принять решение уехать вместе с Ольгой Ваксель, бросив жену. Как раз глубинные смыслы этого стихотворения, в тексте которого явно репрезентирован концепт «Угроза», не дают оснований верить мемуарам О. Ваксель о реальности таких планов.

Для прагматического плана дискурса важно то символическое коннотативное содержание значимых образов авторского дискурса, которое именно благодаря аллюзивным связям с паремическими текстами конденсируется имплицитно в дискурсивном пространстве. Благодаря стереотипизации образов в исходных паремических текстах, авторская оценка ситуации опирается на особый статус паремического текста как «народной мудрости», заведомо истинной. При этом, преломляясь в системе авторского дискурсивного сознания, источники аллюзивных отсылок предстают в художественном тексте своеобразно переосмысленными, определяя тем самым соотношение уникального авторского и этнокультурного контекста в дискурсивных номинациях. Таким образом, авторские номинации в художественном тексте функционируют как вторичные знаки, многомерное

«означаемое» которых позволяет выявить когнитивно-прагматический подход к исследованию художественного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова, М.Н. Энциклопедия русских суеверий / М.Н. Власова. – СПб.: «Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 624 с.
2. Михельсон, М.И. Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок / М.И. Михельсон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. – 1119 с.
3. Никитина, Т.Г. Большой словарь примет / Т.Г. Никитина, Е.И.Рогалева, Н.Н. Иванова. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 687 с.
4. Семененко, Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика / Н.Н. Семененко. – Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2011 – 355 с.
5. Тонкова, Е.Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвосинергетики: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е.Е. Тонкова. – Белгород, 2007. – 25 с.
6. Фаттахова, Н.Н. Народные приметы в семантико-прагматическом пространстве русского языка / Н.Н. Фаттахова // Фразеология, познание и культура: сб. докладов 2-ой Междунар. науч. конф.: в 2 т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т.1. – С. 391- 395.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Остроушко Оксана Андреевна

(Кривой Рог, Украина)

Разнообразные социальные, культурные, политические, идеологические изменения, происходящие в современном украинском обществе в связи с мировыми процессами глобализации, образованием общеевропейского и общемирового пространства, выдвигают новые требования к системе образования в общем и к языковому образованию в частности. Особенно важное значение приобретают коммуникативные умения и навыки личности: её способность правильно воспринимать и обрабатывать полученную в процессе

общения информацию, доступно, логично и разнообразно в плане речевого оформления формулировать свои мысли, свободно пользоваться языком в разных ситуациях и т.д. [Остроушко 2007: 60]. Именно поэтому основной целью изучения как родного, так и иностранного языка определено формирование коммуникативной компетенции личности, что предполагает умение коммуникативно целесообразно (значит, соответственно цели и ситуации общения) пользоваться средствами языка во всех видах речевой деятельности. Кроме того, отмечает В. Калинин, выпускник школы сегодня должен владеть современными ценностными ориентирами и опытом творческой деятельности, быть готовым к межличностному и межкультурному сотрудничеству как в своей стране, так и на международном уровне [Калінін 2004: 130].

Современный период развития методики обучения языку характеризуется повышением внимания к кумулятивной (культуроносной) функции языка. Необходимой составляющей коммуникативной компетенции признается социокультурная компетенция, которая состоит из страноведческой и лингвострановедческой компетенции. Достижение главной практической цели обучения языку невозможно без усвоения определённого объёма культурной информации, без ознакомления учащихся с культурой народа, язык которого они изучают, поскольку для успешной коммуникации недостаточно овладеть одинаковыми с собеседником языковыми средствами, необходимо иметь ещё и общие знания о мире [Миролюбов 2001: 12]. Соответственно, возникает проблема научить языку как средству межкультурной коммуникации, как способу познания достижений культуры: «сегодня, – говорит З. Бакум, – на смену знаниецентричной приходит культуросцентричная школа, цель которой заключается в освоении учащимися ценностей культуры... Исходной есть идея гуманизации: признание человека наивысшей ценностью» [Бакум 2008: 194].

Именно эти факторы обусловили выделение отдельной социокультурной содержательной линии обучения родному и иностранному языку: это способ

«овладения национальными и общечеловеческими культурными и духовными ценностями, нормами, которые регулируют отношения между поколениями, полами, нациями, способствуют эстетическому и морально-этическому развитию личности, органическому вхождению ее в социум» [Рідна (українська) мова 2005: 37; Державний стандарт 2004: 13].

Сегодня в методике рассматриваются проблемы сущности социокультурной компетенции, её структуры, подходов, методических оснований (начал), форм и приёмов работы в этом направлении (исследования О. Першуковой, А. Миролубова, П. Мельника, В. Калинина, О. Токменко, О. Коломиновой, Ж. Витлин и др.). Тем не менее, многие проблемы остаются неразрешёнными. Наше внимание направлено на определение роли социокультурного компонента в процессе обучения родному и иностранному языку.

Практическая цель обучения языку является основной. Она предполагает практическое овладение учащимися умений речи на уровне, достаточном для общения на родном или иностранном языке в четырёх видах речевой деятельности [Рідна (українська) мова: 36; Державний стандарт 2004: 10], то есть главная цель – не накопление знаний, а овладение деятельностью.

В основании организации всего процесса обучения как родному, так и иностранному языку лежат общие исходные принципы: язык – главное зеркало и репрезентант культуры; каждый язык и каждая культура своеобразны, неповторимы, уникальны; все языки и культуры равноправны, одинаково ценны; потеря (утрата) какого-либо из языков (соответственно, и культур) – невозполнимая потеря (утрата) для всего человечества; выучить язык невозможно без изучения культуры, поскольку только их природное единство способно обеспечить органичное вхождение личности в социум, реализацию ее возможностей.

Организация обучения языку на основании таких философских принципов требует от учителя не только высокого уровня специальной

профессиональной подготовки, но и высокого общекультурного уровня, глубоких разносторонних знаний истории, традиций, обычаев, особенностей уклада жизни народа, язык которого изучают учащиеся. Работа с текстами, содержащими социокультурную информацию (а именно они являются основным средством реализации социокультурной содержательной линии обучения языку), работа с коммуникативными ситуациями (анализ реальных процессов общения, создание диалогов, деловые игры, моделирование коммуникативных ситуаций и др.) требуют иногда достаточно развёрнутого комментария как относительно отдельных лексем (безэквивалентная, фоновая, символическая лексика), так и относительно общего культурно-исторического фона.

Ведущим мотивом работы в этом направлении следует, на наш взгляд, признать воспитательный: учащийся должен видеть в языке не способ удовлетворения прагматических потребностей, не абстрактный инструмент, обеспечивающий обмен информацией, а сложный многогранный механизм, образующий основание существования любого общества (шире – народа, нации) как такового. Что касается иностранного языка, О. Першукова отмечает: «новый социальный заказ общества сегодня состоит в том, чтобы научить иностранному языку как средству межкультурной коммуникации, как способу познания достижений отечественной, европейской и общечеловеческой культуры, подготовить личность учащегося к толерантному восприятию чужой культуры и общечеловеческих ценностей, признанию равноправия и равноценности культур, к эмпатии и осознанию условностей национальных стереотипов и предрассудков» [Першукова 2003: 155]. Понятно, что основанием таких установок является необходимость преодолеть один из самых древних культурных стереотипов – противопоставление «свой» – «чужой»: восприятие своего как доброго, позитивного, благоприятного и восприятие чужого, другого как неизвестного, потому опасного, враждебного, злого.

Представляется, что намеченные общие установки необходимо корректировать с учётом сложившихся в силу разных обстоятельств стереотипов общественного сознания. Что касается Украины, особенно её восточной и южной части, принимая во внимание сформированный в течение длительного времени «комплекс меньшего брата», представления об украинской культуре и языке как второсортных, бесперспективных, «низшего качества», должны признать необходимым формировать у учащихся прежде всего позитивный образ всего украинского, родного. Учитель должен направлять свои усилия на то, чтобы познакомить учащихся с наивысшими достижениями украинства, представить многогранность украинской культуры, особенно современной, показать взаимосвязи украинской и других культур, определить место родной культуры в мировой. Это требует прежде всего глубоко продуманного выбора текстов культурологического направления на уроках родного языка. Должен быть соответственный акцент и на уроках иностранного языка: учащиеся должны научиться представлять родную культуру, рассказывать о ней иностранцам, понимать культурные различия народов, языки которых они изучают, то есть учащиеся должны учиться быть культурными посредниками.

Несомненно, задача перед учителем стоит непростая: работа должна быть направлена на воспитание национального самосознания, самоуважения, а также глубокого уважения и толерантного отношения к другим культурам. Следует стремиться к тому, чтобы учащиеся понимали: мировая культура состоит из лучших образцов национальных культур, культуры безнациональной и безъязыковой нет да и в принципе быть не может. Знание и понимание культурных особенностей разных народов способствует взаимоуважению, взаимопониманию, эффективному взаимодействию.

Ещё один момент, требующий внимания учителя-языковеда, – это часовая проекция культурологических тем. Знакомство с историческими событиями, известными личностями прошлого, древними обрядами, обычаями,

традициями должно коррелировать с рассмотрением событий, явлений и личностей современной культуры. Уроки иностранного языка, особенно в старшей школе, предполагают, скажем, конструирование диалогов, проведение дискуссий на разные темы, касающиеся современной жизни молодёжи в стране, язык которой изучают (например, молодёжная субкультура, молодёжь и спорт, современный досуг и под.). Этого, на наш взгляд, немного не хватает урокам родного украинского языка, чья социокультурная составляющая ориентирована главным образом на прошлое, на историю. Нам представляется целесообразным привлечение подобной практики и в процесс преподавания родного языка. Понятно, нельзя весь урок свести к дискуссии, даже если тема важна и актуальна для личности подростка, например: современная молодёжная культура, современная музыка, современная мод, наука и я, какая профессия престижна и под. Определённая тема может стать ключевой для серии занятий, на каждом из которых формулируется тезис, аргумент как элемент текста-мозаики, который должен стать конечным результатом работы. В пределах реализации определённой темы может создаваться проект, презентация, спектакль, веб-страница (если задействованы компьютерные технологии), рекламный проспект и др., что может быть представлено на итоговом уроке обобщения и систематизации знаний. Быть систематическим и последовательным в работе поможет приём коллажа.

Подготовка и проведения нетрадиционных интегрированных уроков родного и иностранного языка – например, семинара переводчиков, виртуального путешествия, праздника-карнавала и под. – предоставляют возможность чётко и ярко выявить сходные и отличительные черты двух – родной и иностранной – культур, воспитывают самоуважение и уважение к другому, учат быть внимательным и толерантным в общении. Последнее особенно важно: социокультурная компетенция – необходимая составляющая коммуникативной компетенции личности. Поэтому любая информация социокультурного содержания должна подаваться сквозь призму

коммуникативной направленности: каким образом культурные отличия проявляются в процессе общения, влияют на особенности отношений коммуникантом, на речевую реализацию социальных ролей, на выбор стандартных речевых клише в типичных коммуникативных ситуациях и т.д.

Учитель должен осознавать, что реализация социокультурной составляющей обучения языку – это не только работа с содержанием текста, не только повышение общего культурного уровня учащихся, это ещё и постоянное внимание к форме – языковому (речевому) оформлению, поскольку социокультурная компетенция как свои элементы содержит страноведческую и лингвострановедческую компетенции. Это предполагает работу с безэквивалентной и фоновой лексикой, словами-символами, фразеологическим и паремиологическим фондами языка. Ясно, текст культурологической направленности будет содержать подобные элементы, требующие дополнительного комментирования. Особенно важным представляется этот аспект для художественных текстов, в которых глубинный смысл основывается на актуализации ассоциативных (эпидигматических) связей слов. Имеем в виду, в частности, использование авторами лексем, обозначающих традиционную национальную символику (растительную, животную, цветовую и т.п.), фразеологизмов, паремий, ссылок на прецедентные тексты.

В общем, работа по реализации социокультурной составляющей обучения языку должна быть систематической, последовательной, поэтапной, должна согласовываться с интересами детей, учитывать возрастные и индивидуальные особенности учащихся. Также следует, на наш взгляд, в определённой степени согласовывать, координировать социокультурную тематику уроков родного и иностранного языков.

Таким образом, социокультурный компонент обучения языку – как родному, так и иностранному – должен быть направлен на формирование у учащихся целостного представления о богатстве, полноте и неповторимости культуры народа, язык которого они изучают, на воспитание национальной

гордости, самоуваження, уваження к другой культуре, толерантного отношения к ней и её представителям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакум З. П. Теоретико-методичні засади навчання фонетики української мови в гімназії : [монографія]/ З. П. Бакум. – Кривий Ріг : Видавничий дім, 2008. – 338 с.
2. Державний стандарт базової і повної загальної середньої освіти (Іноземні мови) // Іноземні мови в навчальних закладах. – 2004. – № 1. – С. 10–19.
3. Калінін В. Кризь призму соціокультурного контексту (Формування соціокультурної компетенції учнів загальноосвітніх навчальних закладів : шляхи розв’язання проблем учителем) / В. Калінін// Іноземні мови в навчальних закладах. – 2004. – № 1. – С. 130–135.
4. Миролубов А. А. Культуроведческая направленность в обучении иностранным языкам / А. А. Миролубов// Иностранные языки в школе. – 2001. – № 5. –С. 11–14.
5. Остроушко О. Стереотипний образ української мови в процесі реалізації соціокультурної змістової лінії навчання мови / О. А. Остроушко// Мандрівець. – 2007. – № 4. – С. 60–64.
6. Першукова О. Концептуальна модель соціокультурної складової змісту навчання іноземних мов в європейських країнах / О. Першукова// Педагогіка і психологія. – 2003. – № 3-4. – С. 155–161.
7. Рідна (українська) мова. Програма для шкіл з українською мовою навчання. 5 клас 12-річної школи / Скуратівський Л. В., Шелехова Г. Т., Тихоша В. І., Корольчук А. М., Новосолова В. І., Остаф Я. І. // Дивослово. – 2005. – № 5. – С. 36–46.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ФУНКЦИИ «ПОТЕРТЫХ КОВРОВ» В РОМАНЕ М.БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» (АТРИБУТЫ ДОМАШНЕГО ИНТЕРЬЕРА СЕМЬИ ТУРБИНЫХ)

Панко Инга

(Сегед, Венгрия)

Один из лейтмотивов литературы XIX–XX вв. – это вещь, сродни человеку, как бы сросшаяся с его жизнью, домом, повседневностью. В романе Новалиса говорится о том, что домашняя утварь и пользование ею сулят душе человека чистую радость, что они способны «поднимать душу над обыденной

жизнью», возвышать потребности человека. Мир вещей – сфера деятельности и обитания людей. Вещь напрямую связана с их поведением, сознанием и составляет необходимый компонент культуры. В «Белой гвардии» М.А. Булгакова (изразцовая печь, испещренная записями, «бронзовая лампа под абажуром», без которых непредставим турбинский дом) вещи как бы источают поэзию семьи и любви, уюта, душевной оседлости, а одновременно – высокой одухотворенности [Хализев <http...>] Атрибуты домашнего интерьера в романе «Белая гвардия» важны, потому что не только указывают на культурные интересы семьи Турбиных, но также символизируют нравственные и семейные ценности. Сохранив их, семья приближается к духовности и начинает мыслить духовными понятиями. За последнее время в литературе появилось значительное количество трудов, статей, научных исследований, которые рассматривают роль предметов домашнего интерьера в творчестве М. Булгакова: М. Каганская, Е. Яблоков, Б. Соколов, М. Петровский, Н. Порякова и др.

М.О. Чудакова отмечает, что для М. Булгакова предметы домашней обстановки – «это Вещи с большой буквы, и они легко трансформируются в вещи литературные. Это – часть нормы, без которой немыслима жизнь, отсутствие которых – помеха творчеству» [Чудакова 1988: 274]. В своей московской жизни М. Булгаков старался перенести уют и тепло киевского дома в свои квартиры. В письмах к близким он непременно сообщает о новых приобретениях в квартиру: «...кроме того, я купил гарнитур мебели шелковый вполне приличный. Она уже стоит у меня в комнате. Что будет дальше, я не знаю – моя болезнь (ревматизм) очень угнетает меня. Но если я не издохну как собака – мне очень не хотелось бы помереть теперь, – я куплю еще ковер» [Земская 1984: 202].

В романе «Белая гвардия» детали домашней обстановки олицетворяют жизненную норму и семейные традиции, они как бы принимают участие в событиях, происходящих в доме Турбиных, и придают семье необходимую

силу духа выдержать испытание новым временем. Семья Турбиных потрясена историческими и житейскими переменами: умирает мать Турбиных, из дома убегает Тальберг, на подступах к Городу петлюровцы, которые появились так внезапно и неожиданно, что единственная реакция на происходящие события – окружить себя любимыми предметами домашнего интерьера. Несмотря на стихию, разгулявшуюся на улицах Города, в доме Турбиных тепло и уютно, так как повседневная жизнь семьи изобилует «старыми верными вещами»: «Вот этот изразец, и мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шишечками, потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле...» (Булгаков 1988: 17-18).

«Потёртые ковры» Турбиных с изображением Людовика XIV и Алексея Михайловича и книга о Петре I: «Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский плотник»» (Булгаков 1988: 17) указывают на монархистские взгляды семьи, ведь и атрибуты домашней обстановки повлияли на духовное развитие братьев. Не случайно Алексей Турбин считает себя монархистом: «Я, – вдруг бухнул Турбин, дернув щекой, – к сожалению, не социалист, а... монархист. И даже должен сказать, не могу выносить самого слова «социалист»» (Булгаков 1988: 84) В доме Турбиных Империю и Петра представляет «Саардамский плотник»... лампа с зеленым абажуром, «разноцветный Валентин», «Фаус», который, как «Саардамский плотник», – «совершенно бессмертен» - все это детали одного и того же интерьера – интерьера Империи. Подобному тому, как революция и гражданская война, по Булгакову, – это символ хаоса, псевдоним апокалипсиса, так Империя у него Дом, *domus*– место человека в созданной и обжитой им вселенной [Каганская 2011: 135].

Ковры наглядно изображают монархию в доме Турбиных, которая является символическим олицетворением семейных традиций и культурных

достояний. Роль ковров амбивалентна. С одной стороны, они выполняют практически-жизельскую функцию для декорирования и утепления дома, с другой стороны, представляют абсолютную монархию: Алексей Михайлович и Людовик XIV с высоты своего царского сана наблюдают за событиями, происходящими в доме Турбиных. Один из «потёртых ковров» в доме Турбиных изображает «Алексея Михайловича с соколом на руке». Сокол не случаен в романе, для древнерусского человека он был воплощением красоты и удали, имущественным достоянием и культурной ценностью [«Сокол» [http...](#)], а «Алексей Михайлович с соколом на руке» является символом власти, то есть царским олицетворением культурных и семейных достояний. Кроме того ковер указывает на увлечение царя охотой, ведь «тишайший царь» Алексей Михайлович был страстным поклонником соколиной охоты [«Красною...» [http...](#)]. Если «...улетит встревоженный сокол с белой руковицы...» (Булгаков 1988: 18), это может привести к жизненной дезориентации целого поколения и к потере памяти о культурных и семейных ценностях. Миссия Турбиных – стать на защиту «старых верных вещей», чтобы предотвратить забвение целой эпохи и духовного апокалипсиса поколений.

Французская тема появляется в романе изображением на другом ковре семьи Турбиных Короля-Солнца: «...с Людовиком XIV, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду...» (Булгаков 1988: 18) Людовик XIV принадлежит к числу королей-долгожителей, его правление продолжалось 54 года и вошло в учебники всех стран под названием «золотой век», а он сам как «король-солнце» [Борисов 1991] Французская комедия исполняла на сцене пьесы Корнеля, Расина и в особенности Мольера, который был любимым королевским драматургом [Рыжов 1999]. Воплощением его амбициозных замыслов стали дворец, строительство которого началось в 1664-м г. Дворцовый комплекс стал символом абсолютистской монархии [История Франции...]. Вероятно, на ковре семьи Турбиных изображен праздник, который даёт Людовик XIV в 1664 году под названием «Наслаждение волшебного

острова» [Kathleen Wine 2001: 78] Ковёр, изображающий Короля-Солнце на берегу «шёлкового озера» наглядно представляет пушкинскую тему «пира во время чумы». Несмотря на события, происходящие в Городе и в доме Турбиных, Король-Солнце призывает к смеху, любви и райским наслаждениям: «В голове у Елены механически прыгал и стучал Николкин марш сквозь стены и дверь, наглухо завешенную Людовиком XIV. Людовик смеялся, откинув руку с тростью, увитой лентами» (Булгаков 1988: 262).

Исследователь Е. Яблоков в своей книге «Роман Михаила Булгакова «Белая гвардия»» отмечает, что потёртый ковер «на стене в турбинской квартире «с Людвигом XIV, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду», – деталь, также намекающая на близкий разгул стихии; Король-Солнце прославился афоризмом «После нас хоть потоп» ...» [Яблоков 1997: 20] Как известно, Людовик XIV прославился следующими сентенциями: «Государство – это я! Мне было бы легче примирить всю Европу, чем нескольких женщин» [<http://www>]. Афоризм «После нас хоть потоп» принадлежит Людовику XV, преемнику Людовика XIV, который, по мнению некоторых историков, промотал огромные средства на прихоти своих метресс, совсем не занимаясь государственными делами. А если верить приписываемым Людовику сентенциям: «На мой век хватит», «После нас – хоть потоп», то окажется, что он ещё и цинично оправдывал подобный образ жизни [Блуменау 2000:62].

«Потёртыми коврами» в романе представлена история в доме Турбиных, которая крепко связана с семейными традициями, с памятью, культурой, а сама память о вещах необходима, так как используется для запоминания разнообразных средств, большей частью представленных в виде предметов материальной и духовной культуры [Немов 2003] Маленькое королевство Турбиных начинает слабеть, наступает кризис социальный и духовный, и только «старые верные вещи», которые растили «...Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку» (Булгаков 1988: 17) могут спасти Турбиных и им подобных от непредотвратимых перемен,

поэтому Турбины встали на защиту крепости культуры и семейных ценностей, как «прекрасные галлы Людовика XIV».

М. Булгаков через язык вещей указывает на привязанность семьи к прошлому, потому что «вещи кем-то сделаны, кому-то принадлежат, вызывают к себе определенное отношение, становятся источником впечатлений, переживаний, раздумий» [Хализев [http](http://)] В булгаковском понимании дом нельзя представить без этих вещей, так как они равнозначны понятиям культуры, нравственности, семьи. Вещи, находящиеся в доме, – это метафизическое проявление сущности жителей этого дома, которые раскрывают их внутренний мир и являются для них жизненным компасом, осуществляющим связь с прошлым и историей.

М. Булгаков в своем романе реабилитирует культурные и семейные достояния, акцентируя, что при наступлении исторических кризисов память должна быть способна делать выбор между ценностями и не-ценностями. Вещи домашнего интерьера Турбиных значимы с точки зрения сохранения традиционных жизненных норм, а в булгаковском романе «вещь перерастает свою «вещность» и начинает жить, действовать, «веществовать» в духовном пространстве» [Хализев [http](http://)]

Данное исследование даёт нам право предположить, что стоит пересмотреть функцию предметов домашнего интерьера в романе М. Булгакова, что в перспективе может привести к открытию новых, пока еще не исследованных булгаковских ценностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борисов Ю.Б.: Три портрета времен Людовика XIV , Новая и новейшая история № 1, 1991 г. <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/3BIO.HTM>
2. Блуменау С.Ф.: Исторические портреты. Людовик XV, Вопросы истории, № 9, 2000, <http://e-libra.ru/read/327841-lyudovik-xv.html>
3. Булгаков М. Белая гвардия Мастер и Маргарита. Минск: Ураджай, 1988.

4. Земская Е.: Материалы к творческой биографии Михаила Булгакова, Вопросы литературы № 11, 1984
5. История Франции: Правление Людовика XIV.
http://delarina.info/encyclopaedia/history/history_france_8/
6. Каганская М.: Шутовский хоровод, Избранное 1977-2011, том I. Salamandra P.V.V. 2011.
7. «Красною охотой соколиною». <http://www.zoroastrian.ru/node/1893>
8. Немов Р.С.: Психология Общие основы психологии. Москва, Гуманитарный, 2003, <http://studcollection.ru/kyrsovaya/9091.html>
9. Рыжов К.: Все монархи мира. Западная Европа, Москва Вече, 1999,
<http://lib.ru/DIC/MONARHI/monarhi2.txt>
10. Сокол. <http://mar4586.narod.ru/animals/birds/falcon.html>
11. Хализев В.Е.: Теория литературы,
http://royallib.ru/book/halizev_v/teoriya_literaturi.html
12. Цитаты Людовика XIV http://www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index.php?title=%D0%9B%D1%8E%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BA_XIV
13. Чудакова М.: Жизнеописание Михаила Булгакова, Москва: Книга, 1988.
14. Яблоков Е.А.: Роман Михаила Булгакова «Белая гвардия». Москва: Языки русской культуры, 1997.
15. Kathleen Wine: Honored Guests: Wife and Mistress in “Les plaisirs de l’île enchantée”, Dalhousie University, Dalhousie French Studies Vol. 56, 2001.

ПАРЕМИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ

Свистельникова Светлана Александровна

(Сарый Оскол, Россия)

Демократизация российского общества влечет за собой демократизацию СМИ и языка массовой коммуникации: изменяются культурно-речевые нормы, появляется новое поколение авторов, смело отступающее от установленных канонов, а вместе с этим, формируется языковой вкус эпохи.

В изданиях СМИ XXI века ощущается борьба за читателя, «перетягивание» его на свою сторону любыми способами и средствами. На основании этого можно заключить, что основными признаками современного газетного текста являются усиление эмоционально-оценочного потенциала, стилистическое разнообразие, преобладание и превалирование личностного начала, жанровая размытость, раскрепощённость, граничащая с вседозволенностью, а также стремление к индивидуальному стилю.

Согласимся с мнением Е.В. Покровской, которая считает, что «одним из основных признаков современного газетного текста, определяющим его прагматическую направленность, является его способность быть востребованным, хорошо продаваемым – а, значит, с преобладанием негативной информации, сообщений-сенсаций» [Покровская 2006: 69]. В связи с этим, в языке современной публицистики, в том числе и в оппозиционной газете, всё чаще и чаще встречаются различного рода цитаты, а также реминисценции этих текстов.

Для нас реминисценция – это способ актуализации прецедентного текста в тексте СМИ.

Изучение языкового материала газеты «Слово коммуниста» показывает, что экспрессивный компонент прецедентного текста не только усиливает восприятие информации за счет выражения оценочного и эмоционального отношения адресата к выражаемому, но и добавляет в содержание некую необычность за счёт особых средств, увеличивает изобразительность текстов СМИ.

Как показал анализ, достаточно большой популярностью в текстах газеты «Слово коммуниста» пользуются **реминисценции, образованные на базе паремии**. Широкое использование образов пословиц и поговорок в политической речи делает её (речь) близкой и доступной простому народу, более образной. Благодаря динамичности своей структуры паремии позволяют в одном изречении передать смысл целого текста.

Народ пробуждается, <...> понимая, что решать свою судьбу надо самим <...>. Хорошо бы это понять и лидерам «независимых» профсоюзов. И чем скорее, тем лучше. Партнёрство с властью, способной на антинародные действия, к добру не приведёт(Ск 2004, №25). Потому что корни этой власти не в народе, а в рыночной «экономике». И пока это будет так, добра ждать не приходится (Ск 2004, №37). Сравни: «От добра добра не ищут». Нам кажется, что исследуемые реминисценции образованы на базе однозвучной паремии. В обоих примерах реминисценций произошло контекстуально-ситуативное структурно-семантическое преобразование прецедентных текстов с заменой сочетания слов, которые не имеют в лексическом значении ничего общего с заменёнными.

*Правильно один из радиослушателей при обсуждении проблем благоустройства города Белгорода заметил, что изба красна не углами, а красна пирогами. А если и избы у многих нет, то тут уж не до пирогов (Ск 2004, №47). Сравни: «Изба красна углами, а обед – пирогами». В данном примере произошло семантическое преобразование: изменение компонента прецедентного текста – появление отрицательной частицы *не* вместо утвердительного словосочетания в исходном варианте. Помимо этого, произошло усечение первоначальной паремии: один из её компонентов – *обед*, утерян вообще.*

*И вот в этой обстановке наш президент, его подручные в центре и на местах призывают нас к согласию, единству действий в борьбе с бедностью, терроризмом, коррупцией. Здорово придумали! Их же салом нам по мусалам(Ск 2004), №43). Сравни: *Тем же салом, да по тем же ранам* (русская пословица). В приведённом примере произошло контекстуально-ситуативное структурно-семантическое преобразование: исходные компоненты паремии заменены сочетанием слов, которые не имеют ничего общего с заменёнными.*

Если дело так пойдёт дальше, то от ТСЖ в Белгороде останутся «рожки да ножки». Зато будет торжествовать «демократическая» власть,

для которой законы – что дышло (Ск 2005, №30). Сравни: «Закон – дышло: куда хочешь, туда и воротишь». В указанной реминисценции произошло усечение компонентного состава исходной паремии: от первоначального варианта осталась лишь первая часть (законы – что дышло), вторая же отсутствует вовсе.

ЛДПР нужны деньги на выборы, а «Интеко» нужен реванш во взаимоотношениях с белгородскими чиновниками. Вот они и спелись, эти, если можно так сказать, «два сапога – пара» (Ск 2005, №39). Сравни: «Два сапога – пара» (поговорка). Данная поговорка используется полностью, как задано изначальным вариантом. Каких-либо преобразований здесь нет.

Мы, если надо, сутками будем пикетировать здание, где вы окопались, но вам ваш вандализм не пройдёт. Он еще аукнется на предстоящих выборах (Ск 2005, №32). Сравни: «Как аукнешь, так и откликнется» (русская пословица). В приведённой реминисценции на первоначальную паремию указывает лишь слово *аукнется*. Поэтому, в данном случае исходные компоненты заменены сочетанием слов, которые не имеют в лексическом значении ничего общего с заменёнными, то есть налицо контекстуально-ситуативное структурно-семантическое преобразование.

Проведенный анализ реминисценций газеты «Слово коммуниста» подтверждает высказанную ранее мысль о том, что источники подобного явления достаточно разнообразны. Кроме того, присутствие реминисценций в тексте свидетельствует об общекультурном уровне автора того или иного высказывания, в котором они выступают в качестве маркеров его социальной позиции, а так же служат «условием идеологического взаимопонимания и критерием социальной идентификации» [Гриценко 2009: 14]. В целом присутствие текстовых реминисценций на страницах печатного издания увеличивают его прагматику, повышается иллокутивная сила высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриценко, Л.М. Языковая игра как способ реализации прецедентного текста в чат-коммуникации [Текст] / Л.М. Гриценко // Вестник ТГУ. – 2009. – №318. – С.14-17.
2. Покровская, Е.В. Газета в современной культурно-речевой ситуации [Текст] / Е.В. Покровская // Русская речь. – 2006. – №5. – С.69-74.

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА ПАРЕМИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ПРОВОДНИК НАЦИОНАЛЬНО СПЕЦИФИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА СЕМАНТИКИ

Семененко Наталья Николаевна

(Россия, Старый Оскол)

Народные афоризмы (паремии) – это не только семиотический способ репрезентации, форма существования и хранения элементов культуры, но и языковое средство познания, когниции, способствующей расширению ценностно-смыслового горизонта человеческой культуры. Культурная маркированность знания, запечатлённого в паремиях, базируется на том, что они, выражая представления народа о типовых жизненных ситуациях, отражают те правила, нормы и стереотипы мышления, в которых закодирована определенная культура.

Паремии особенно эффективно и ярко отражают те области человеческого бытия и сознания, которые связаны

- с осознанием человеком его собственной сущности, закономерностей человеческого бытия,
- с восприятием законов социума и осмыслением его традиций;
- с осмыслением важнейших для человека и общества ценностных категорий;
- паремии занимают особое место в языковой картине мира, поскольку они наиболее образно, аргументировано и лаконично позволяют

выразить целый комплекс культурных смыслов, связанных с феноменом человека, человеческого сознания и человеческого общества.

Причина особой роли паремий в выражении таких значимых для национальной культуры категорий заключается, прежде всего, в богатом семантическом потенциале народных афоризмов и объясняется рядом функционально-семантических особенностей, раскрывающих свойства паремий как языковых знаков особой природы.

Специфика отдельных видов паремий в обработке культурно значимой информации обусловлена, прежде всего, их ведущей когнитивно-прагматической функцией. У **пословиц** это – выражение стереотипной сентенции:

Не бросай золу на дорогу, а носи в огород понемногу ('используй малое/незначительное, чтобы получить выгоду');

Век сжить – не лукошко сшить ('не жди всего и сразу');

Коли тут житья нет, так жди перевода на другой свет ('не жалуйся на то, что нельзя исправить').

Приметы с их базовой (1) прогностической функцией выражают стереотипный прогноз ситуации-следствия, обусловленной ситуацией-условием:

Ведьма снится к неожиданности ('жди непредвиденных событий');

Преследовать вора во сне к ссоре ('будь готов к конфликту/старайся избежать конфликта');

Комары в ноябре – быть мягкой зиме ('готовься к теплой зиме').

Приметы с базовой (2) дидактической функцией выражают стереотипный прогноз-рекомендацию:

Если человек помогает кузнецу, качая мехи, когда тот кует подковы, человека ожидает счастье, крепкое здоровье ('предвосхищай ситуацию удачи – помогай кузнецу');

Если разбросать по комнате белый клевер – это предохранит вас от сглаза и порчи (‘используй белый клевер для защиты’).

Загадки с их образно-логической функцией выражают взаимообусловленность свойств и категорий культурного или натурального комплекса (фрейма культуры/природы):

В поле-поляне били барана; Ни крови, ни руды, а место знатно
(Жниво)(‘жатва’ > ‘сжатые колосья’ = ‘не живые’, ‘не из-под земли’, ‘ценный/дорогой’);

Портные мастера, Что шьют вязовыми булавами (Разбойники)
(‘разбой’ > ‘разбойники’ = ‘режут’, ‘оружие’);

Сито вито, кругловито; Кто ни взглянет – тот заплачет
(Солнце)(‘солнце’ > ‘вызывает слёзы’, ‘круглое’).

Поговорки с их комплексной номинативно-образной и орнаментальной функцией выражают экспрессивно-оценочную экспликацию образа:

Отрублены руки по локоть (‘крайне неумелый’);

Нос не туда затесан (‘ничтожный человек’);

Гонять собак (‘бездельник’);

Из одного меха две завойки выкраивает (‘крайняя скупость’);

Такое житьё, что умирать не хочется (‘тяжёлая жизнь’)

Поговорки с признаками обобщенного значения и дидактической функцией выражают неразвёрнутую рекомендацию (т.к. не выражено до конца умозаключение, как в пословице):

Не первый снег на голову (‘большой жизненный опыт – цени’);

За десять километров киселя хлебать (‘очень далеко – нет смысла идти’);

Не новгородский дворянин, и сам сходишь (‘незначительный человек – можно пренебречь’).

Таким образом, выступая в качестве своеобразного по своей функционально-семантической природе средства выражения культурно

значимой информации, паремии обнаруживают как общие, так и специфические видовые свойства. Кроме того, выступая в качестве объекта когнитивно-прагматического описания, пословицы, поговорки, загадки и приметы обнаруживают глубинную связь функционально-речевой и когнитивной обусловленностей особенностей семантики.

Один критерий культурной значимости паремий – фреймовая природа их семантики. **Фреймовая природа паремий** обусловлена их способностью отражать обобщённые ситуации, которые служат своеобразными «протодесигнатами» пословиц, примет и загадок. При этом, репрезентируя определенный фрагмент фрейма (как правило, в его интегративном взаимодействии с другими когнитивными структурами), паремии, в особенности **пословицы и поговорки**, выполняют роль не только периферийных, но и более значимых вербализаторов. Это объясняется способностью паремий изначально выражать умозаключения, основываясь на интегративной природе их когнитивных моделей, опирающихся на взаимодействие различных фреймовых структур. Подобная репрезентация даёт «объёмный» эффект, при котором фреймовая структура предстаёт не только в своих отдельных фрагментах, но и в оппозиционных связях с другими когнитивными структурами. Например, пословица *Никто не знает, что его ожидает* имеет в своей смысловой основе следующую когнитивную модель: взаимодействие слота «Непредсказуемость» фрейма «Жизнь» и фрейма «Судьба» через его слот «Судьба счастливая/несчастливая».

Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, фреймовый подход является не столько формальным, сколько лингвокультурологическим, поскольку позволяет приблизиться к «этнографической семантике» языковых единиц. Само же использование фреймовой методики в исследовании единиц вторичной номинации напоминает, скорее, работу антрополога, вживающегося в чужую культуру и выясняющего, каким образом, с помощью каких языковых средств

те или иные категории опыта объективированы данной единицей (Алефиренко 2008:116).

Фреймовая семантика паремий создаёт множество предпосылок для репрезентации когнитивных моделей как следствия концептуальной интеграции – процесса, в котором базовые для смысловой структуры паремии слоты фрейма вступают во взаимодействие со слотами других фреймов, а также с отдельными концептами, напрямую в тексте паремий не репрезентированных. Например, в тематической парадигме пословиц, репрезентирующих когнитивную модель, основанную на взаимодействии слотов «Талант» и «Расторопность» фрейма «Ум», у паремий обнаруживаются различные способы концептуальной интеграции. В пословице *Давал Бог клад, да не умели взять* (рус.) наряду с указанными слотами репрезентированы концепты «Умение» (лексические маркеры – *умели взять*) и «Удача» (лексический маркер – *клад*), отсюда – прагматический смысл высказывания – «Без умения не спасут ни ум, ни везенье». В пословицах *Даже на вора десять лет надо учиться* (яп.) и *Далек от знания тот, кто зазнается* (перс.) наблюдается интеграция концептов «Ремесло», «Мастерство» и слота «Работа» фрейма «Учеба».

Подобный аспект рассмотрения текстов пословиц наиболее показателен именно при изучении культурной универсальности последних. Следует отметить, что наиболее универсально в плане прочтения прагматических установок культуры выглядят паремии, описывающие характер человека. К примеру, интернациональная тематическая группа пословиц и поговорок, характеризующих высокую приспособленность к жизни наглого и находчивого человека:

В глаза и Бога боится, и людей боится; а за глаза – никого не боится (рус.);

В царском дворе поест, в мечеть спать идет (бенг.);

Встретит человека – говорит как человек, встретит черта – говорит как черт (кит.);

Вьется и ужом и жабою (рус.);

Быстрый в славе – при дворе, быстрый в выгоде – на базаре (кит.);

Брось его в море – вынырнет с рыбой в зубах.

Конгломерат культурной специфичности и культурной универсальности паремий хорошо виден и при сопоставлении **загадок** с общей разгадкой в различных языках, например:

Шел-шел медведь и повесился (Пуговица) – алтайская;

Маленький Данилка в петельку удавился,

Безделица в петлю попала (Пуговка);

Филька повадился к девке (Застежка) – русские.

Таким образом, **паремическая репрезентация фреймовых структур** характеризуется высокой степенью прагматической значимости высказывания, неизбежно трактуемой как этнокультурная ценность.

ИНТЕГРАЦИЯ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ КАК ПУТЬ К ДЕМЕТАФОРИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДЕФИНИЦИЙ

Степанченко Иван Иванович

(Харьков, Украина)

Метафорические дефиниции, видимо, наиболее частотны в случаях, когда объект анализа носит идеальный, моделируемый характер. К числу таких объектов, безусловно, относится язык. Поэтому обращение к метафоре при попытке определить то или иное лингвистическое понятие – явление нередкое и в научном познании мира рядом ученых признается вполне обоснованным и правомерным [Кузьмина 2006]. Онтологический статус языка во многом определяется методологическими установками той парадигмы, в рамках которой он рассматривается. Представляется, что достаточно задать исходные параметры (аксиомы) в соответствии с принятой методологией и избежать

внутренних противоречий в построении модели, чтобы такая модель могла быть положена в основу исследования. При этом вопрос о соответствии исходных параметров свойствам моделируемого объекта часто считается некорректным, поскольку объект носит идеальный характер: «Каждая лингвистическая парадигма – структурная, функциональная, коммуникативная, когнитивная и др. – объясняет устройство языка через свои специфические модели» [Гришаева 2011: 26]. С этой точки зрения метафорическая модель имеет не меньшую познавательную ценность, чем неметафорическая. Правда, в случае построения метафорических моделей возникает опасность развивать науку не как средство познания мира, в том числе и мира человеческого мышления, а как средство построения множества внутренне не связанных друг с другом моделей, достаточно далеких от объекта познания.

Установление связи между познанным и непознанным явлениями, указание на сходство между ними, видимо, лишь начальная ступень процесса познания. Более глубокое проникновение в сущность, скрываемую за явлением, как правило, означает включение предмета в разнообразные связи с множеством других явлений. Чаще всего метафорический характер дефиниции свидетельствует о недостаточной изученности явления.

Является ли деме́тафоризация метафорических дефиниций ответом на вопрос «А как это на самом деле?»? По всей видимости, нет. И в этом смысле можно согласиться с высказыванием А.Ф. Лосева: «Когда «наука» разрушает «миф», то это значит только то, что *одна мифология борется с другой мифологией*» [Лосев 1994: 21]. Однако каждый факт деме́тафоризации (демифологизации) в то же время есть приближение к реально существующему, хотя и носящему идеальный характер объекту. Степень такого приближения определяется степенью изученности, познанности объекта не только лингвистикой, но и смежными науками. Происходящая в современной лингвистике смена научных парадигм, развитие антропоцентризма, стремящегося к глобализации, интегрированию научных исследований,

объектом которых является человек, позволяет демегафоризировать некоторые дефиниции.

Данная статья преследует цель рассмотреть несколько устоявшихся однопорядковых метафорических дефиниций, которые носят глобальный, методологический характер: *слово выражает определенное значение, предложение выражает смысл, текст передает содержание, язык формирует картину мира человека*. Однопорядковость отмеченных дефиниций связана с одним и тем же фактором – включением слова в ряд антропоморфных явлений, приписыванием языку свойств, присущих живому существу. Утверждая, что *в слове заключено определенное значение*, мы забываем, что это утверждение метафорично, осмысливаем его буквально, считая, что значение локализовано в буквенно-звуковой форме, заключено в ней. Не рассматривая вопроса о том, что представляет собой лексическое значение, насколько справедливо отождествление значения с понятием и т.п., отметим его такой бесспорный признак, как идеальный, мыслительный характер. Мысль, будучи функцией мыслящего мозга, не может быть выведена за его пределы. Мысль по природе своей – процесс, протекающий в коре головного мозга. «Значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс» [Леонтьев 1971: 8]. «Соединение» материи слова (буквенно-звуковой формы) и мыслительного процесса вне человека невозможно. Слово «произрастает смыслами» только в сознании человека: отражение формы слова (вербальный образ) включается в мыслительные динамические структуры наряду с другими вербальными образами и образами явлений действительности («предметными» образами). В основе рассматриваемой метафоры лежит характерное, по словам Б.М. Гаспарова, как для структурализма, так и для предшествующего ему позитивизма непонимание того, что «что “истинная сущность” предмета не существует “в себе и для себя”, но неотделима от позиции субъекта по отношению к этому предмету и изменяется вместе с этой позицией» [Гаспаров 1996: 28].

На первый взгляд, сказанное очевидно и признается даже авторами исследований, весьма далеких от идей антропоцентризма. Так, В.М. Солнцев в книге «Язык как системно-структурное образование» отмечал: «Представлялось важным разъяснить метафоричность таких терминов, как «сообщение», «передача» мысли. Мысль не передается в прямом смысле, она с помощью чувственно воспринимаемых языковых знаков, произведенных говорящим, лишь возбуждается и формируется в голове слушающего» [Солнцев 1977. 4]. Однако, когда рассматриваются более протяженные единицы (предложение, текст), метафора о «заложенности» идеального содержания в материальную форму, об их связи вне воспринимающего и создающего речевые единицы субъектов возникает вновь. Ярким примером такой дефиниции является одно из определений предложения, до недавнего времени бытовавшее и в школьной, и в вузовской грамматике: «Предложение – это слово или группа слов, выражающих относительно законченную мысль». Его метафоричность не позволяет понять сути явления. Действительно, что такое мысль? Что является показателем ее законченности (абсолютной или относительной)? И, наконец: каким образом написанное или звучащее предложение вообще способно выражать мысли подобно человеку? Такое определение учащиеся в лучшем случае могли механически зазубрить, поскольку понять его невозможно.

Наибольшие возражения обычно вызывает тезис о том, что содержание буквально не заложено в тексте. Под содержанием, как правило, подразумеваются образы, понятия, эмоции, т.е. деятельность мозга. Вопрос о том, где и как локализована связь идеального содержания с материальной формой (буквами и звуками), в этой метафорической дефиниции не ставится. Метафора «воспринимать содержание текста», т.е. буквально извлекать его из буквенно-звуковой формы, – проявление уже называвшейся ранее антропоморфности текста, ибо деятельность мозга (содержание текста) неотделима от самого мозга подобно тому, как ходьба неотделима от ног (пример Э. Ильенкова). Попытка в

процессе анализа текста дать ответ на вопрос, «что хотел сказать автор», предпринимается в большей части исследований по языку художественных произведений. Эта метафора, как отмечает А.А. Залевская, была деметафоризирована психолингвистами («вне акта восприятия текст представляет собой мертвую цепочку графем» [Залевская 1987. 24]).

Наиболее распространенной метафорой является утверждение: *в материальной форме текста закодировано определенное содержание средствами языка*. В основе метафоры лежит тот факт, что, несмотря на индивидуальные различия в восприятии, текст, например о кислороде, не может восприниматься как текст об отдыхе в Крыму. Термин «кодирование» обозначает «перевод» информации из одной системы обозначающих в другую. Буквально кодирование возможно лишь при условии жесткой поэлементной связи единиц одного и другого кода. Если говорить о мышлении (в широком смысле) и о словах, то жесткой однозначной связи между ними нет. Прочитанное или услышанное слово возбуждает, генерирует в сознании воспринимающего мысли, образы и эмоции, которые были заложены в его, воспринимающего, памяти, связаны с его опытом. В сущности, содержание любого текста существует лишь во множестве индивидуальных актов восприятия. При этом степень стабильности и вариативности содержания определяется, во-первых, степенью сходства и различий в опыте разных воспринимающих, во-вторых, степенью сложности организации буквенно-звуковой формы текста. Анализ теории кодирования в концепции И.В. Арнольд см. в [Правдин, Степанченко 2004].

Деметафоризация рассматриваемых дефиниций возможна при привлечении данных смежных наук. В филологии значительная часть определений противоречит данным психологии и философии. Этот разрыв приводит к приблизительности, метафоричности ряда лингвистических дефиниций и, в конечном счете, не идет на пользу развитию филологии. Преодолеть этот разрыв позволит лишь согласование методологических

установок разных наук в рамках единой интегрированной научной парадигмы. Видимо, в этом заключается одна из задач зарождающегося антропоцентризма в лингвистике.

Прямым следствием имплицитного признания антропоморфности текста является определение *языковой картины мира как представлений о мире, «навязанных» человеку языком*: «понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) что картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира») и 2) что каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки» [Языковая... www]. Не «передавая» в буквальном смысле содержания, язык не может «формировать», «навязывать» человеку представления о мире, концептуализировать мир. Свойства, приписываемые языку, гораздо точнее отнести к сфере национальной культуры, национальных свойств мышления и т.п., рассматривая язык как вторичное по отношению к мышлению и миру явление, подробнее см. в [Степанченко 2011].

Таким образом, метафоризация ряда лингвистических дефиниций является следствием отсутствия согласованности методологических посылок лингвистики и ряда смежных с нею наук. Развитие антропоцентрической парадигмы в современном языкознании, провозглашение курса на интеграцию наук о человеке, на превращение науки о языке в раздел человековедения пока в полной мере не решило эту задачу. Обращение к проблеме деме́тафоризации лингвистических дефиниций еще раз подтверждает актуальность разработки методологических основ лингвистических исследований как важного аспекта методологии интегрированной науки о человеке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996.

2. Гришаева Л.И. Теория языка. – Воронеж, 2011.
3. Залевская А.А. Понимание текста как актуальная психолингвистическая проблема // Литературный текст: проблемы и методы исследования. – Калинин: Изд-во Калининск. ун-та, 1987.
4. Кузьмина М.А. Метафора как элемент методологии современного научного познания // Социологические исследования. – 2006. – № 2.
5. Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971.6. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность – М.: Мысль, 1994.
7. Правдин М.Н., Степанченко И.И. Текст в акте коммуникации: к проблеме кодирования содержания // Русская филология. Украинский вестник. – Харьков, 2004. – № 1-2 (25).
8. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: «Наука», 1977.
8. Степанченко И.И. О языковой картине мира: к проблеме демегафоризации дефиниций в лингвистике // Русская филология. Вестник ХНПУ. – Харьков, 2011, № 1-2.
9. Языковая картина мира. – «Кругосвет» ®.Энциклопедия, 2001 [Электронный ресурс]. Адрес доступа: www.rol.ru

СИМВОЛИКА ДОМА В СОСТАВЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Токарев Григорий Валериевич

(Тула, Россия)

Паремия может быть представлена в виде текста культуры, заключающего особые культурно маркированные единицы – квазисимволы. Термин *квазисимвол* был предложен В.Н. Телия в работе «Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты». Квазисимвол следует отнести к числу лингвокультурологических средств, ёмко выражающих культурную информацию. Это наиболее напряжённые в культурном отношении языковые структуры, которые выражают национальную специфику языка. Квазисимвол – единица лингвокультурного уровня. Под квазисимволом понимают языковую единицу, которая указывает не на референт (обозначенный предмет), а на какую-либо идею [Телия В.Н., 1996: 245]. Уточняя данное определение, отметим, что квазисимвол является

элементом лингвокультуры, который репрезентирует представления с опорой на средства естественного языка.

Квазисимволы являются устойчивыми координатами, константами данного лингвокультурного пространства. При всей динамичности культурного процесса они остаются наиболее стабильной частью лингвокультуры.

Важно различать символы материальной культуры и квазисимволы. Главное отличие состоит в том, что первые выражены средствами цвета, формы, звука и т.п. Вторые – средствами естественного языка. Идеи, подлежащие символизации, могут быть выражены средствами языка культуры и средствами естественного языка. В этом случае мы наблюдаем дублирование разных кодов. Но репрезентация идей может и не совпадать. Квазисимволы могут не иметь корреляции с символами. И наоборот.

Квазисимволы могут быть репрезентированы абсолютно, цельнооформленной вербальной единицей, и неабсолютно, раздельнооформленными единицами – паремиями и фразеологизмами.

Одним из объектов культуры, с которым связаны символические представления, является дом. Рассмотрим особенности его символики.

Квазисимвол *дом* репрезентирует семы 'дела', 'хозяйство', 'совместность проживания', 'традиции', 'привязанность', 'защита', 'близкие люди'. *Дом невелик, да лежать не велит. Домом жить, обо всем тужить. Дом яма, никогда не наполнишь. Дом вести, не лапти плести (не задом трясти, не плясать). Свой дом не чужой: из него не уйдешь.*

Границей между своим и чужим пространством является порог. С порогом были связаны разнообразные представления, отражённые в приметах. Через порог нельзя здороваться, что-либо передавать. Считается, что это спровоцирует ссору. Нельзя стоять на пороге. Это могло сулить разлуку. Обычно за порог закладывали молитвы и обереги. Те же идеи выражены и вербальным способом. *Он язык за порогом оставил. Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет. Вот тебе Бог, а вот тебе порог.*

Близкие значения имеет символ *окно*. Существовало гадание: что услышишь под окном, того и жди. По ту сторону окна было чужое пространство, бедность, поскольку под окном обычно стояли попрошайки. *Грызть окна* ‘просить подаяния’, *будешь ты у меня под окном стоять* ‘скоро обнищаешь’.

В пространстве избы существовал, во-первых, старший, передний, красный, образной, святой угол; во-вторых, бабий, куть, жернов угол; в-третьих, стряпной, печной угол; в-четвёртых, задний или дверной, коник. Наиболее важную символическую функцию выполнял передний, или красный угол. В него нельзя было ставить грязные вещи. По нему могли предсказывать будущее. Так, если он издавал треск, это было плохим знаком. В естественном языке угол стал символом пристанища.

Вербальную символизацию получила печь. Данный символ развил такие значения, как ‘тепло’, ‘пропитание’, ‘бездействие’, ‘лень’: *печь нам мать родная; словно у печки погрелся; хлебом не корми, только с печи не гони; сижу подле печи да грею плечи; лежи на печи да ешь калачи*.

Представления, связанные с трубой, нашли только вербальную презентацию. Труба – выход в чужой мир, безвозвратная утрата: *вылететь в трубу*.

Как видим, на формирование значения символа большое внимание оказывали наблюдения за предметом, общие представления о пространстве. Символика дома отражает архетипическую оппозицию «свой vs. чужой». Пространство устойчивого выражения становится удобной формой существования вербального символа культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 284 с.
2. Токарев Г.В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры / Г.В. Токарев. – Тула, 2013. 95 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОННОТАЦИИ ГЛУХИХ [т], [т:], [т'], [т':] В УКРАИНСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ XX-XXI СТ.

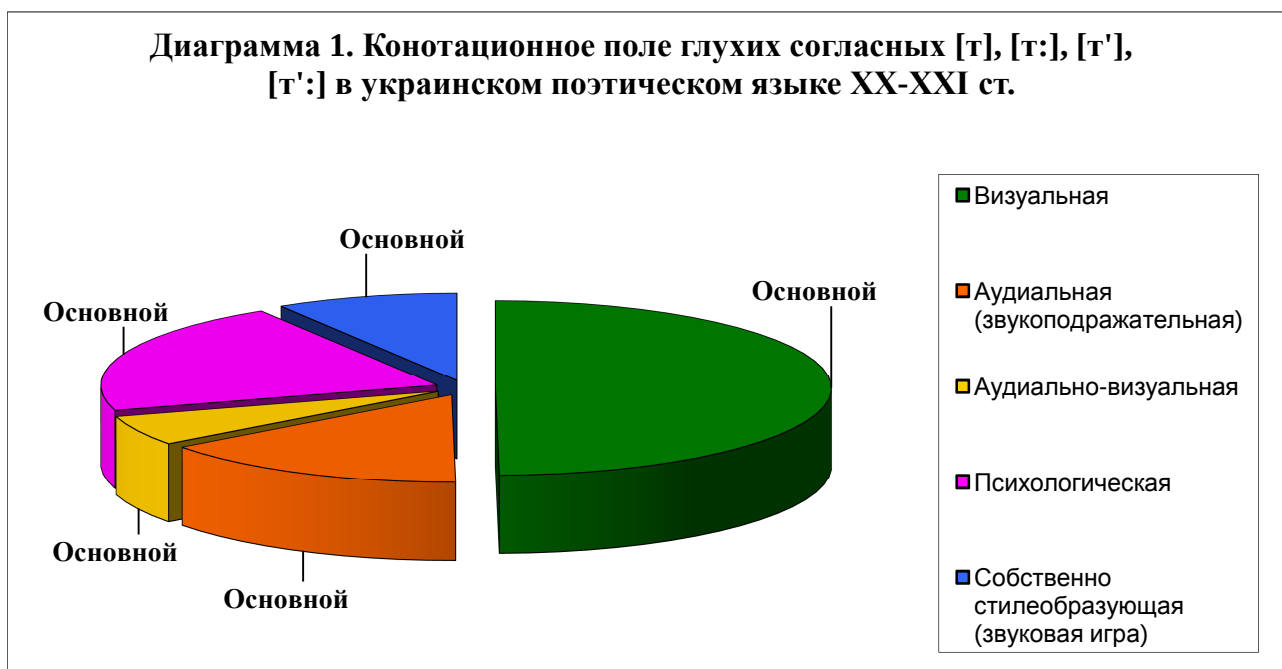
Украинец Людмила Фёдоровна

(Полтава, Украина)

Природа порождения коннотации фонетическими средствами в украинском поэтическом языке XX-XXI ст. приобретает все более интенсивную форму объективации как культурологический феномен, который создает не только ассоциативно-образный, но и “культурно-исторический фон слова, выражая национальную специфику языка” [УМ: 248]. Фонетическая коннотация в контексте понимания имплицитных вербальных структур как очень сложных прагматических и семантических моделей является своеобразным аксиологическим концептом, ведь “слова с собственно коннотативным содержанием нельзя подчинить только стилистической проблематике, потому что они всегда апеллируют к определенному опыту человека, возникающему в результате его воспитания культурой” [Верещагин, Костомаров, 1976: 78-79]. Определяя синергетические истоки кодирования культурно-исторического опыта системой языка и системой мышления, известный исследователь становления когнитивно-семиологической теории слова в рамках взаимодействия когнитивно-дискурсивной лингвистики и лингвокультурологии Н. Алефиренко подчеркивает: “Культурные концепты по природе своей антропоцентричны и в силу этого оказываются насыщенными культуроносными коннотациями” [Алефиренко, 2006: 12]. Действительно, в украинском поэтическом языке XX-XXI ст. коннотационный потенциал шумных согласных, в частности глухих [т], [т:], [т'], [т':], – релевантное средство выражения семантико-прагматичного компонента аксиологической картины мира. Этому способствует не только статус “самой высокой частоты употребления” [Чередниченко, 1962: 141], но и характер эксплозивного сегмента небемольных [т], [т:], [т'], [т':], которые интерпретируют

коммуникативно-информационное содержание поэтического дискурса по законам мотивации “субъективного настроения”, определяя в итоге суггестивное влияние языка на социум. Полифония такого диффузного континуума в эволюционной динамике поэтического дискурса (независимо от его жанровых особенностей) предопределила коннотационную стратегию звукописи прежде всего как один из способов коррекции эмоционального состояния говорящего. Акцентируя внимание на психолингвистических аспектах проблемы, В. Телия отмечает корреляцию между изучением коннотации и понятием ассоциации, а также с “эмоциональной организацией речи, отчасти – с культурно-национальным ее аспектом, рассматриваемым в связи с особенностями восприятия речи” [Телия, 1986: 3]. Зачастую ассоциативно значимыми оказываются не столько акустические, сколько артикуляционные стандарты актуализации этих консонансов, ведь поэтическая речь воспринималась “тугой” и “тяжелой” не в последнюю очередь “благодаря повторению буквы Т” [Радищев, 1952: 177]. Поэтому даже в 80-х гг. XX ст. лингвисты подчеркивают скопление “жестких и тупых, беспорядочно громоздящихся согласных звуков (особенно назойливо стучит т)” [Петровский, 1981: 61]. В славистике такую “наглядность стихотворения”, тем не менее, традиционно рассматривали в аспекте ассоциативной интерпретации - как художественный способ “выражения трудности всего действия” [Радищев, 1952: 177]. Со временем прагматические перспективы согласных [т], [т:], [т'], [т':] претерпели существенную трансформацию: если в XVIII-XX ст. акустическая матрица звукобуквенного образа позиционировала непривлекательное, “тупе” произношение, лишенное “сладости” [Ломоносов, 1952: 241], то в XXI ст. реконструкция эстетически мотивированного образа уже подчинена “нежной” акустике [т']-полифонии, и на протяжении длительного периода “такая семантика звука <...> остается неизменной” [Крисанова, 2001: 115]. Коннотационный потенциал украинских глухих [т], [т:], [т'], [т':] зависит, несомненно, от артикуляционно-акустических параметров,

ведь дизонтогенность как имманентная черта существенно влияет на адаптацию этих согласных: твердый [т] -*большой, сильный, темный, твердый* – вызывает в целом неприятные ассоциации, тогда как палатальный [т'] -*теплый, мягкий, слабый и светлый*- претендует на положительно маркированные символические характеристики [Левицкий, 1973: 52]. В украинском поэтическом языке XX-XXI ст. ассоциативное поле звукобуквенного символа *т* → [т], [т:]-[т'], [т':] на основании 28 ассоциаций (результат эксперимента, в котором принимали участие 182 студенты и магистранты Полтавского национального педагогического университета им. В. Г. Короленко) позволяет смоделировать пять типов коннотаций – *визуальную, психологическую, аудиальную, собственно стилеобразующую, аудиально-визуальную*.

Визуальной коннотации принадлежит 49,82% коннотационного поля глухих [т], [т:], [т'], [т':] (Диаграмма 1). Это невербальная объективация “сгущенной изобразительности” [Клочек, 1986: 145], естественно, зависит от иррационального восприятия звукописи поэтической речи: *в нітьмі таємне світло сонцем розлило, Тайники, стежки системи сяйвом залило, Освітило перші теми І майбутні теореми і старе русло...* (В. Кобылянский). Концепция отображения интенционального мышления украинцев под влиянием *т*-

полифонии звуковой материи поэтического дискурса детерминирует художественную персонификацию образа *тень*, активизируя звукопись как один из способов формирования эмоциональной реакции респондентов: *Ти тільки сон, Перебіжна тінь.... Ти тільки тінь скорботна* (Д. Загул). В сущности, ассоциативное моделирование т-звучания имеет для авторов, подверженных актуализации “музыкального праоснования мироздания” [Лавріненко, 2007: 19], статус фоностилистической категории эмоциональной информативности: *Тлін все, тінь, півтон* (П. Тичина). В рамках синестезии - феномена апперцепции *света* и *тени*- аллитерация [т], [т:], [т'], [т':] – это своеобразный экспонент сконденсированной на принципах символизма образной суггестии: *І тінь моя, мов тінь титана, Лягла <...>*(П. Тычина). Этот ярко выраженный фотизм т-континуума актуализирует дополнительную семантизацию дискурсивного варианта поэтического языка, хотя и без изысканного метафорического акцентирования: *Чи то дух, чи то тінь, Тінь безмовна, тупа? Ні, то сторож-солдат За поетом ступа* (Б. Лепкий). Даже экспериментальная версификация модернистов не избежала зависимости от коннотационного потенциала глухих [т], [т:], [т'], [т':]: *Тіні такі тонкі* (М. Семенко). Ассоциации акустического импульса инициируют адекватные художественные образы, среди которых *вечер*- результат превалирования *тени* над *светом*. В этом случае глухие согласные способны репрезентировать в поэтическом языке “национальные источники, сосредоточенные в «философии сердца»” [ЛСД: 623]: *Тільки тобою білий святиться світ, Тільки тобою повняться брості віт* (В. Стус). Формируя имманентные признаки окружающей среды, артикуляционное напряжение этих фонетических единиц является выразительным экспонентом ассоциативно мотивированного контекста даже в поэтическом языке, интерпретация художественных смыслов которого значительно меньше подчинена звукописи, чем традиционному денотативно-референтному потенциалу розговорно-бытового дискурса: *Небо <...> Дрантя спустило на темні бори* (В. Симоненко). Эстетическая

актуализация полифонии языковой картины мира со всеми возможными контрастами зрительно-слуховых впечатлений - это результат **аудиально-визуальной коннотации** (5,54%), которая моделирует художественный образ на грани света и тени: *Там, де втомно в темінь тоне<...> Хтось невтомним дзвоном дзвонить Хтось в чарівнім царстві тонів Відправляє месу* (В. Кобылянский). Гармония звуков как эстетическая категория инициирует сложные, но, бесспорно, прекрасные по своей природе ассоциации, которым в украинском поэтическом дискурсе свойственна полимодальность: *Сміється й світ мій... Танутьміні* (Н. Винграновский). Высокая степень коннотации **т**-континуума (палатальный [т'] декларирует эмоциональные приоритеты мягкой речи) локализирует субъективные интенции респондентов в рамках поэтического образа, чувственная конкретика которого возрастает до уровня эстетического символа. Следовательно, концентрация эксплозивного сегмента аллофонов [т], [т:], [т'], [т':] формирует эмоционально-экспрессивную тональность поэтического языка при условии синестемических ощущений (С. Воронин). Архитектоника украинского поэтического языка подчинена переосмыслению глухих согласных и в аспекте **аудиальной коннотации**, инициируя звуки колокола - *Тінь там тоне, тінь там десь...* (П. Тычина) - или колокольчиков: *Хай по полю, Золотому полю ляже тінь. Хай схитнеться – Жито усміхнеться: Тінь! Тінь* (П. Тычина). Фонетическая мотивированность лексеми *тінь* согласными [т], [т:], [т'], [т':] – логически целесообразный акустический сегмент **коннотационного звукоподражания** (14,96%) - на фоне ассоциативной парадигмы сонорных [м], [н]-[н'] является импрессией высокой метафорической организации, когда “слово-звук <...> непосредственно выявляет мироощущение поэта” [Родько, 1968: 7]. Прагматическая функция коннотации согласных [т], [т:], [т'], [т':] – позиционировать “гармонию между художественной формой и внутренним содержанием” [Клочек, 1986: 143] – достигает цели: “эмоциональность, которая передается читателю, <...> является результатом суггестивного действия выражений” [Клочек, 1986: 140]. Звуковая

гармония благодаря коннотационным свойствам анализированных глухих экспонирует национальные особенности украинского поэтического языка XX ст. как “нечто непостижимое, как таинство, как чародейство” [Там же]: *За травами у срібнім верховітті Замерехтіла в тінях темна хата; Темнавий вітер, темні губи і темні трави травня* (Н. Винграновский). Коннотационный потенциал **т**-континуума позволяет, за словами В. Моренца, создать “художественный мир, законом для которого является красота” [Моренець, 1995: 124]. Взрывной акустический сегмент глухих согласных традиционно инициирует звукоподражательную коннотацию соответствующего шумового диапазона, а периодичность этих консонантов в структурно однотипных лексемах формирует ритмический элемент *-стук*: *А гілочка в шибку – Стукає, стукає... То тихо, то дужче, То так, аж лякаюся. То далі, то ближче, То – серця торкається* (Т. Чубач). Ассоциации, связанные с тишиной (*тихо, туго вітер кленоклонив день* (П. Тычина), - национальная закономерность актуализации артикуляционно-акустических параметров глухих [т], [т:], [т'], [т':]. Чаще всего **аудиальная коннотация** является маркером впечатлений, среди которых превалирует *вибрация голоса колокола, стук ветви в окно* и т.д.

Психологическая коннотация- это эффективный способ активизации суггестивного потенциала украинского поэтического языка; позиционирует статус ядерного (20,91%) структурного компонента фонетической коннотации [т], [т:], [т'], [т':]. Доминирование **т**-континуума определяет эмоциональное состояние, ассоциативными составляющими которого есть *терпение, усталость, протест*. “Скрытые семы” (Р. Гинзбург) глухих согласных характеризуют художественный стиль символистов (*Вміхи ні крихти,- а скільки терпінь!..*(Д. Загул); *Тисячоліття, мов ті браття, Терпимось ми з давніх днів, Ти терпиш моє дихання, Я терплю твій лютий гнів* (В. Кобылянский), однако в лингвосфере писателей трагической судьбы они приобретают статус психологического концепта: *Терпи, терпи – терпець тебе шліфує Сталить твій дух – ото ж терпи, терпи* (В. Стус). Такая звуковая

архитектоника определяет органически самобытное мироощущение автора, склонного к “философскому углублению самовыражения, герметичной самодостаточности поэтического слова и в то же время к синтезу глубинных традиционных истоков украинского художественного формирования образов с поэтическим языком двадцатого столетия” [Коцюбинська, 1995: 184]. Фоностилистической категорией субъективно-эмоциональной информативности *т*-континуум становится благодаря денотативной фоносеманте *втома*: *Це просто втома. Втома – і смертельна. Це просто стало торч на голові Тобі волосся* (Стус). Артикуляционно-акустический сегмент [т]-[т'] моделирует концептуально информативный образ *максимы психологического напряжения*, которое респонденты актуализировали как *протест*: *Хитайся і злітай, хитайся і лютуй, Троци в трикутничок знайомого причілка* (Н. Бажан). Конотационным свойствам глухих [т]-[т'] иногда не уступают свистящие [с]-[с'], предопределяя ассоциацию одиночества на уровне ее интенциональной адаптации. Такая фонетически мотивированная информация – показатель имманентных параметров языка, философско-медитационное направление которого сконцентрировано “на трагизме человеческого бытия, одиночестве личности, на поисках духовных ценностей в глубинах независимой души” [ЛСД: 155].

Собственно стилеобразующая (8,77%) коннотация глухих [т], [т:], [т'], [т':] – это, с одной стороны, проявление версификационного мастерства, элемент своеобразного экспериментирования с фоностилистическими возможностями поэтического дискурса XX-XXI ст., а с другой – эмоционально-экспрессивная особенность поэтического языка, архитекtonика которого осуществляется на уровне каламбурных образований, перемещая аллогическое в фокус коннотационных сущностей: *У Таврії таврянки й таври Заводятьсонну кров в тавернах. Тепер у ті таверни тільки орли тавричеські літають* (И. Малкович). Как средство выражения остроты мысли с эффектом неожиданности [УМ: 100] такой звуковой континуум концентрирует внимание

на восприятии “семантических особенностей единиц, которые разигрываются” [Там же]. В этой связи перспектива дискурсивного эффекта [т], [т:], [т’], [т’:] оказалась функционально значимой прежде всего для реализации принципа карнавальности в украинском поэтическом языке постмодерного периода, который лучше рассматривать в контексте теории “личностных смыслов” (А. Леонтьев): *Це триває свято поїдання птиці При світлі відлітань і тріпотінь* (Ю. Андрухович). Неоднозначность ассоциативной рецепции [т], [т:], [т’], [т’:] с позиций лингвопоэтики XX-XXI ст. позволяет актуализировать эксплозивный сегмент повторяющихся глухих аллофонов как коннотационную доминанту, которая “имеет форму субъективно-оценочного модуса”, однако дополняет информацию “об объективно существующей реалии сведениями о национальной ее специфике, что и вызывает соответствующий речевой эффект” [Телия, 1986: 4]. Поэтому лингвокультурологическая интерпретация глухих [т], [т:], [т’], [т’:] участниками ассоциативного эксперимента позволила объективировать фонетическую коннотацию не только как элемент эстетизации, но и как важное звено формирования стилистических тенденций в развитии украинского литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
2. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова /Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. - М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
3. Ключек Г. Д. “Душа моя сонця наміряла...”: поетика “Сонячних кларнетів” Павла Тичини / Г. Д. Ключек. – К.: Дніпро, 1986. – 367 с.
4. Коцюбинська М. Василь Стус / М. Коцюбинська // Історія української літератури ХХ століття: навч. посіб.: у 2 кн. / за ред. В. Г. Дончика. – 2-ге вид. – К.: Либідь, 1995. – Кн. 2. 1960–1990-ті роки. – С. 184-193.
5. Крисанова Е. В. Особенности звуковой структуры стихотворных призываний. Консонантные и вокальные сегменты в стихотворном и прозаическом тексте:

дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.01 "Русский язык" / Е. В. Крисанова; МГУ ім. М.В. Ломоносова. – М., 2001. – 402 с.

6. Лавріненко Ю. Павло Тичина / Ю. Лавріненко // Розстріляне відродження : Антологія 1917-1933: Поезія – проза – драма – есей; / [упоряд., передм., післямова Ю. Лавріненка; післямова Є. Сверстюка]. – К.: Смолоскип, 2007. – С. 17–59.

7. Левицкий В. В. Семантика и фонетика: пособ., подготовл. на материале эксперимент. исследований / В. В. Левицкий. – Черновцы, 1973. – 104 с.

8. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Полное собрание сочинений: в 10 т. / М. В. Ломоносов. – М. ; Л., 1952. – Т. 7. – С. 89-378.

9. ЛСД -Літературознавчий словник-довідник; [за ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва, В. І. Теремка]. – К.: Академія, 2007. – 752 с. – (Nota bene).

10. Моренець В. Микола Вінграновський / В. Моренець // Історія української літератури. XX століття : навч. посіб. : у 2 кн. / за ред. В. Г. Дончика. – 2-ге вид. – К.: Либідь, 1995. – Кн. 2. : 1960–1990-ті роки. – С. 124-136.

11. Петровский В. И. Звук и образ (стилистические этюды) / В. И. Петровский // Русский язык и литература в школах УССР. – 1981. - № 6. - С. 60-62.

12. Радищев А. Н. Избранные сочинения / А. Н. Радищев ; подгот. текста и вступ. ст. Г. П. Макагоненко. - М. : Худож. лит., 1952. – 711 с.

13. Родько М. Д. "Сонячні кларнети" Павла Тичини / М. Д. Родько // Українська мова і література в школі. – 1968. – № 1. – С. 5-9.

14. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 144 с.

15. УМ- Українська мова: енциклопедія / В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін. – К.: "Укр. енцикл.", 2000. – 752 с.: іл.

16. Чередниченко І. Г. Нариси з загальної стилістики сучасної української мови / І. Г. Чередниченко. – К. : Радянська школа, 1962. – 495 с.

ДИНАМИЗМ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Фоменко Елена Геньевна

(Запорожье, Украина)

Включение художественной концептологии в лингвистическую теорию художественного текста открывает новые горизонты для выявления роли

концептов в модели художественного текста, с одной стороны, и для описания динамики концептосистем в художественной дискурсивной среде, с другой.

Художественная концептология вплотную подошла к проблеме динамизма переживаемого художественного откровения [Воробьёва 2013], однако ожидаемого прорыва в этом направлении не наблюдается. Предлагаемый ниже подход связывает смысловое содержание художественного текста, его макроструктуру, с индивидуально-авторской концепцией, под которой понимается динамизм внутренней жизни художественного языка в вариативности дискурсивного поля сознания. Мы исходим из того, что переживаемое художественное откровение предполагает «активность не только Открывающегося, но и воспринимающего откровение» [Бердяев 2012: 209], тем самым рассматривая языкотворческую личность как живую систему [Кравченко 2013: 120]. Актуальность изучения индивидуально-авторской концепции обусловлена следующим.

Во-первых, индивидуально-авторская концепция становится динамичной, когда она интегрируется в дискурсивную среду эпохи. Очевидно, динамизм индивидуально-авторской концепции будет иным в повествовательной модели художественного текста, построенной развернутой иерархией повествовательных категорий, чем в эпифанической модели художественного текста, где иерархия свёрнута в пользу надстроек смысла. Выхватывание отдельных художественных концептов из идиостиля писателя без их увязки с моделью художественного текста не только уводит от проблемы взаимодействия индивидуально-авторских концепций, но и, вероятно, искажает сущностные свойства художественного дискурса эпохи. При этом художественная концептология загоняет себя в тот же тупик, как и лингвистика текста, множа оторванный от живой дискурсивной среды список художественных концептов.

Во-вторых, требует пересмотра утверждение об иерархичности художественных концептов, противоречивое для художественных текстов

постмодернистского толка. Поскольку постмодернистский художественный текст развёртывается в ризоморфной среде, которая порождает множественность и отрицает иерархию [Parr 2013: 237], в нём из-за отсутствия центра отсутствует как иерархия повествовательных категорий, так и иерархия художественных концептов. На смену иерархии приходит разрастающаяся вариативность индивидуально-авторской концепции, где отдельность художественных концептов проблематична.

Наконец, отказ от расплывчатого художественного концепта в пользу индивидуально-авторской концепции вызван тем, что «когнитивный горизонт языкознания размыт и не может служить той разделительной чертой, которая отграничивает сферу языкового от неязыкового» [Кравченко 2013: 117]. Раскрытие механизма, влияющего на сложную динамику словотворчества, важно для выяснения того, как сближаются индивидуально-авторские концепции в художественном дискурсе эпохи.

Динамизм индивидуально-авторской концепции обусловлен как внутренними факторами, создающими целостный идиостиль писателя, так и дискурсивной средой, в которую вовлекаются однохронные индивидуально-авторские концепции. Каждая эпоха осваивает свою ИСТИНУ СОПРИКОСНОВЕНИЯ ДЕЙСТВИЕМ, НЕ-ДЕЙСТВИЕМ, ЕДИНЕНИЕМ и НЕ-ЕДИНЕНИЕМ, в зависимости от того, что порождает конфликт, что имплицировано и дефицит какой противоборствующей стороны переживается художественным откровением. Индивидуально-авторская концепция дифференцирует составляющие СОПРИКОСНОВЕНИЯ для их последующей гармонизации в интерпретационном канале: ДЕЙСТВИЕ ассоциируется со всеми проявлениями жизни. «Всякое действие есть познание» [Кравченко 2013: 121]). НЕ-ДЕЙСТВИЕ связано с покоем, смертью. ЕДИНЕНИЕ является человеческой потребностью во взаимодействии друг с другом. НЕ-ЕДИНЕНИЕ ассоциируется с одиночеством, осознанием собственного «я». Каждая сторона матрицы является номинатором, под которым, вслед за М.В. Никитиным, мы

понимаем «абстракцию и обобщение как отдельно-осознанный концепт» [Никитин 2009: 12]. Входом в индивидуально-авторскую концепцию являются константы культуры, которые распределяются по номинаторам матрицы. На наш взгляд, постоянной величиной отбора является не отдельный культурный (духовный) концепт, а номинатор матрицы, играющий роль культурного архетипа, к которому сводятся вербализации индивидуально-авторской концепции. Заданные авторским замыслом конфигурации СОПРИКОСНОВЕНИЯ, т.е. взаимодействия номинаторов, создают дискурсивную среду, в которой осваивается индивидуально-авторская концепция. В интерпретационном канале выводится индивидуально-авторское СОПРИКОСНОВЕНИЕ, которое проецируется в художественный дискурс эпохи для выявления сближений в однохронных концептосистемах.

По словам А. Белого, «новизна современного искусства лишь в направляющем количестве всего прошлого, разом всплывшего перед нами; мы переживаем ныне в искусстве все века и все нации; прошлая жизнь проносится мимо нас» [Белый 1994: 82]. Современный художественный дискурс отдаёт приоритет активному сознанию внутреннего человека. СОПРИКОСНОВЕНИЕ становится концептуальным двигателем эпохи, к которому стремятся мысли, размышления, раздумья великих мастеров художественного слова.

В художественном дискурсе XX века проявления духовных поисков и новых способов выражения охватывают философию, психологию, все виды искусства. Например, Анри Бергсон ищет точку соприкосновения материи и духа; его интерпретация восприятия измеряет способность человека к действию, а воспоминание активизируется памятью для вхождения в точку, совершаемую действием. Влияние Бергсона испытывают Пруст, Джойс и В. Вулф. Философия Ницше захватывает Джойса и Белого. Гармоние-мелодия Александра Скрябина вплотную подводит к атональности и к додекафонии (организация на основе двенадцати полутонов октавы с равноправием всех ступеней хроматической гаммы). Идея ноосферы как нового эмоционального

состояния биосферы последовательно проводится В.И. Вернадским. С. Эйзенштейн развивает концепцию аттракциона и монтажа, накапливая в восприятии кинозрителя ассоциации сопоставляемых изображений; его лучшие фильмы осваивают контрапунктический монтаж, утверждая Единство с использованием элементов синестезии. К.Г. Юнг обосновывает универсальную модель в архетипах коллективного бессознательного и изучает ее проявления в индивидуальном сознании через интерпретации сновидений и грёз. Наряду с коллективным подсознанием К.Г. Юнг вводит понятие синхронизма, или совпадения. В кубистской живописи закрепляется овал человеческого лица, лишенный индивидуальных черт, теряющий свое «я». Мощная интеллектуальная волна подталкивает к переживаниям в языке, приводит к коренному обновлению индивидуально-авторской концепции Белым, Прустом, Джойсом, Кафкой, Лоуренсом и др.

Динамизм индивидуально-авторской концепции в полную силу проявляется в «Поминках по Финнегану» Джойса, единственном в своём роде словесном микрокосме человечества, функционирующем в дискурсивной среде разноречия. В «Поминках» Джойс утверждает принципы полицентризма, плюрализма, нелинейности, скользящего означающего, ризомной организации континуума, имплицитности, разнородности, отрицания монолингвальности художественного текста, улавливая «универсалистический характер» эпохи [Бердяев 2012: 317]. В «Поминках» скользящие означаемые обеспечивают ризомную подвижность в сетевом лабиринте всеохватывающей ИСТИНЫ СОПРИКОСНОВЕНИЯ. Язык, сознание и культура единого в разнообразии мира людей наполняют индивидуально-авторскую концепцию Джойса звучанием врастающего в ДУШУ и СЕРДЦЕ вселенского НЕЧТО, где неизменны чистота сердца (*puritas cordis*) и духовное упражнение (*askesis*), трансформирующие взгляд на мир. Из вышесказанного следует, что анализ динамики индивидуально-авторских концепций по-прежнему направляет исследователя к слову, коль скоро оно – «единственный реальный корабль, на

котором мы плывем от одной неизвестности в другую – среди неизвестных пространств» [Белый 1994: 136].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
2. Бердяев Н. Самопознание. – СПб: Азбука, 2012. – 416 с.
3. Воробьева О.П. Методология лингвистического анализа концептов // Лингвоконцептология: перспективные направления: коллективная монография. – Луганск: Изд-во РУ «ЛНУ им. Т. Шевченко», 2013. – С. 10-30.
4. Кравченко А.В. Концепт, концепта, концепту: модный дискурс на незаданную тему // Записки з романо-германської філології. – Вип. 1 (30). – Одеса: КП ОМД, 2013. – С. 115-124.
5. Никитин М.В. Теория и методология исследования знания: общие вопросы // StudiaLinguistica: Актуальные проблемы современного языкознания. – XVIII. – СПб: Политехник-сервис, 2009. – С. 7-17.
6. Parr A. (Ed.) The Deleuze Dictionary / A. Parr. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. – 328 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В УКРАИНЕ

Цегельская Марина Валерьевна

(Кривой Рог, Украина)

Межкультурная коммуникация как дисциплина в последние десятилетия приобретает всё увеличивающуюся популярность во всем мире, что связано с процессами глобализации и с растущим интересом общества к международным, межэтническим и межкультурным контактам. В начале двухтысячных годов она была включена в учебные планы подготовки учителей иностранного языка в Украине, и с тех пор содержание курса постоянно совершенствуется и дополняется.

Проблемы обучения межкультурному общению неоднократно становились предметом внимания зарубежных и отечественных ученых.

Основы межкультурной коммуникации как самостоятельной области знания были заложены в США, где в 1946 году был открыт Институт службы за рубежом (the U. S. Foreign Service Institute), одним из заданий которого была подготовка специалистов по общению с представителями других культур. В работах руководителя этого института Э. Холла (совместно с Д. Трагером) «Culture as Communication» («Культура как коммуникация») впервые появляется термин «межкультурная коммуникация» [5, 6].

В дальнейшем вопросами межкультурной коммуникации и преподавания дисциплины занимались такие зарубежные и отечественные ученые как Н. Ф. Бориско, Н. Д. Гальскова, О. Л. Красковская, Ю. В. Пассов, Н. К. Скляренко, С. Г. Тер-Минасова, В. П. Фурманова, D. Buttjes, М. Вугам, С. Kramsh, S. Ting-Toomey и многие другие.

Несмотря на то, что проблема преподавания межкультурной коммуникации занимает важное место в научно-методических исследованиях, она до сих пор не может считаться решенной. На сегодняшний день существует большое количество подходов к изучению дисциплины, но методическое обеспечение проёмами работы разработано недостаточно и в большинстве случаев сводится к вопросам, которые актуализируют аналогичную информацию о родной культуре и работе над текстами страноведческого характера.

К основным подходам к преподаванию межкультурной коммуникации за рубежом можно отнести подход критики культуры и подход диалога культур.

Сторонники критики культуры рассматривают культурные различия как потенциальные барьеры, они подчеркивают важность понимания этих барьеров и уважения различий. Они нацелены на обучение преодолению различий путем их изучения и на критическое осмысление этих различий. Это классический подход к обучению межкультурной коммуникации, основанный на работах Б. Уорфа (1956) и Э. Холла (1976). Этот подход использует такие методы как объяснение, иллюстрация или приведение примеров различий в культурах, в

целом направленные на противопоставление двух культур. Такой подход односторонне описывает природу межкультурной коммуникации, ведь успешный межкультурный диалог возможен только при сопоставлении как различий, так и сходств.

В рамках иного подхода работают и сторонники диалога культур, чьи усилия направлены на познание собственной и иной культур и на развитие личностных качеств, позволяющих осуществлять успешную межкультурную коммуникацию. Сегодня не существует сторонников одного из подходов, большинство ученых сходятся во мнении, что подход к обучению межкультурной коммуникации должен представлять не

В преподавании межкультурной коммуникации в Украине преобладает критический подход, который дополняется приемами работы, позволяющими сделать курс максимально эффективным. Современные приемы работы характеризуются стремлением не только обеспечить студента необходимыми языковыми средствами, но и сформировать определенный когнитивный багаж, который способствовал бы ощущению культурной близости с носителями языка.

К перечню тем, изучаемых в рамках дисциплины, традиционно относятся:

1. Межкультурная коммуникация как сфера научных знаний.
2. Понятия и суть межкультурной коммуникации. Основные теории межкультурной коммуникации.
3. Пути овладения другой культурой.
4. Виды, типы, формы, модели межкультурной коммуникации.
5. Проблемы понимания в межкультурной коммуникации. Межкультурные конфликты и пути их преодоления.
6. Результаты межкультурной коммуникации.

Основной целью обучения становится формирование поликультурной личности, для которой родная культура и культура изучаемого языка становятся «третьей культурой» - единством, в котором человек интегрирует

ценности обеих культур [3]. Такая ситуация способствует преодолению этноцентризма и культурной дистанции,, предполагает диалог культур.

Одним из актуальных заданий в обучении межкультурной коммуникации остаётся проблема культурологических препятствий, поэтому разработка проблематики межкультурной коммуникации имеет первостепенное значение.

Различия в коммуникативных сценариях разных культур не ограничиваются сферами языка и поведения, часто они также основываются на различиях в культурном опыте разных обществ. Поэтому важным элементом обучению межкультурной коммуникации будущих учителей английского языка являются тренинговые программы, которые позволяют участникам видеть культурную ситуацию с разных точек зрения. К таким программам относятся:

Метод интерактивного моделирования - ориентирован на отображение разных индивидуальных и групповых ситуаций межкультурной коммуникации. Упрощенный мир интерактивных моделей даёт возможность участникам коммуникации лучше, чем в реальной действительности, познакомиться с видами отношений в межкультурных контактах, например:

Mrs. A.: Your daughter has started taking piano lessons, hasn't she? I envy you because you can be proud of her talent. You must be looking forward to her future as a pianist. I'm really impressed by her enthusiasm – she is practicing so hard every day, until late at night!

Mrs. B.: Oh no, not at all. She is just a beginner! We did not realize you could hear her playing. I'm sorry you have been disturbed by her noise.

Такая интерактивная модель показывает проблемную ситуацию, возникшую между представителями различных культур и обусловленную прежде всего культурными различиями.

Метод симуляции. Состоит в искусственном создании конкретной ситуации межкультурного общения и прогнозировании возможных вариантов и результатов, исходя из разных точек зрения и аспектов. К возможным

ситуациям можно отнести такие, на которые особенно влияет культурная среда – общение в ресторане, на конференции и т.д.

Метод проблемных ситуаций. Состоит в организации таких ситуаций, при которых происходит трансформация интеллектуально-этических проблем в эмоциональные. Участники осмысливают недостаток используемых средств и в сотрудничестве с преподавателем находят нужный материал для преодоления трудностей, например:

Bill: How was the party last night at Senor Romano's house?

Ted: We enjoyed it, but it started late.

Bill: How late?

Ted: Well, Senor Romano said to come at 8, so my wife and I arrived at 8. Senor Romano was not ready and he acted surprised to see us. We thought maybe we had the wrong date.

Bill: Did you?

Ted: No, we were there on time and on the right date, but the other guests didn't arrive until 9:30. By the time we ate dinner, my wife and I were starving.

Bill: I'm surprised. I thought Senor Romano was a polite man.

Метод сопоставления. Часто кажущиеся на первый взгляд сходства между культурами несут в себе большое количество различий. В качестве примера можно привести различия между такими явлениями как украинский и американский индивидуализм:

American Individualism: The best and the worst feature of American culture. To Americans, individualism comes first, and they do not consider this selfish. A person serves society by living up to his potential. "I did it my way" (Frank Sinatra).

Ukrainian Individualism: Individualism is the only feature defined by all researches as a key feature of Ukrainian mentality. Unlike American and British individualism that is based on Protestant religious tradition, Ukrainian individualism is underdeveloped, it is limited to everyday life and is displayed in the famous

proverb “моя хата з краю, нічого не знаю”, «нижче трави, тихше води», «не чіпай лихо, поки воно тихо».

Приведенные методы успешно применяются в обучении межкультурной коммуникации в вузах Украины и способствуют формированию межкультурной компетенции будущих учителей иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донец П. Основы общей теории межкультурной коммуникации / П. Донец.– Харьков : Штрих, 2001. – 371 с.
2. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур / Р. Ладо // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 25. – М. : Прогресс, 1989. – С. 23–327.
3. Мальцева К. С. Міжкультурні непорозуміння і проблема міжкультурного перекладу : автореф. на здобуття наук. ступеня канд. філософ. Наук : спец. 09.00.04 «Філософська антропологія, філософія культури»/ К. С. Мальцева. – К., 2002. – 20 с.
4. Манакін В. Мова і міжкультурна комунікація / В. Манакін. – К. : ВЦ «Академія», 2012. – 298 с.
5. Hall E. Beyond Culture / E. Hall. – New York, 1976. – 279 p.
6. Hall E. Culture as Communication / E. Hall, D. Trager. – New York, 1946. – 305 p.
7. Whorf B. L. Language, Thought and Reality. –[Cambridge] Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956. – 406 p.

МОДИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ОНТОГЕНЕЗЕ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Чеботарёва Ирина Михайловна

(Белгород, Россия)

Освоение детьми разных типов фразеологизмов с их комплексной семантической структурой составляет большие трудности с точки зрения и формы, и семантики. Так, в процессе овладения речью дети включают фразеологические единицы в число активных речевых средств, понимая их подчас неточно. По данным известного исследователя детской речи Ж. Пиаже, существует строгая зависимость адекватного понимания метафорических

конструкций от возраста, и невозможность понимания пословиц и фразеологических единиц до определённого возраста объясняется синкретическим характером мышления, незрелостью соответствующих когнитивных механизмов, оформление которых начинается примерно в 11 лет.

Следующие примеры свидетельствуют о трудностях восприятия фразеологизмов детьми.

*Услышал, как кто-то сказал, что смотрит на ситуацию другими глазами. Заинтересованно: «А где у тебя **другие глаза?**» (3 г.). – А ты его **видела на глаза?** (7 л. 6 м.). – Ты режешь чеснок **при моих глазах** (7 л. 9 м.). – А почему у нас много книг о Пушкине? Ведь авторы его **не видели в глаза** (12 л. 11 м.).*

Каковы особенности усвоения детьми фразеологических единиц в плане создания эффекта олицетворения? Прежде всего подчеркнём, что в детской речи представлены все типы фразеологизмов с точки зрения семантической слитности компонентов, обладающих персонифицированным значением.

1. Персонифицированные фразеологические сращения в детской речи.

*– Котику хорошо: храпит себе да **бьёт баклуши** (7 л. 10 м.).*

2. Персонифицированные фразеологические единства в детской речи.

*Девочка обращается к наказанной собаке. – Джоня, чего **губы надул?** (6 л. 10 м.).*

3. Персонифицированные фразеологические сочетания в детской речи.

*– Мама, знаешь, какая моя мечта? Чтоб собачку подарили с котиком. **Были б мы друзья закадычные** (6 л. 11 м.).*

4. Персонифицированные фразеологические выражения в детской речи.

*Играет с куклами. – Гуляли-гуляли, хватит. **В ногах правды нет.** Теперь ложитесь спать (6 л. 9 м.).*

Во всех представленных типах фразеологических единиц наблюдается усиление семы одушевлённости.

В книге В.П. Жукова «Семантика фразеологических оборотов» высказана идея анализа фразеологизмов с позиций смыслообъединяющего признака одушевлённости. Автор справедливо подчёркивает, что носителем этой семы является весь фразеологизм, а не отдельный его компонент (Жуков, 1978: 29-30). Далее В.П. Жуков пишет: «Между усилительным значением и значением одушевлённости наблюдается существенное различие. Усилительное значение оказывает на смысловую структуру фразеологизмов более глубокое воздействие, чем интегрирующий семантический признак одушевленности. Свидетельством этого служит наличие фразеологизмов (преимущественно наречного характера), собственное значение которых приближается к значению слов *очень, сильно*. В противовес этому нет и не может быть фразеологизмов (преимущественно глагольного и именного характера), собственное значение которых сводилось бы к одному семантическому признаку одушевлённости» (Жуков, 1978: 30). Гипотеза В.П. Жукова о специфике семы одушевлённости в составе предложений, содержащих фразеологизмы, нуждается в развитии и уточнении. Согласно мнению известного фразеолога, сема одушевлённости в составе устойчивых оборотов не представляет особого лингвистического интереса. Однако оставшиеся вне поля зрения исследователя факты детской речи демонстрируют непреднамеренное, но достаточно сильное усиление семы одушевлённости в составе фразеологизмов. Эта сема проходит стадию игрового, экспериментального усиления в онтогенезе детской речи. – *Ой, дождь ослеп!* (6 л. 8.м.).

В приведённом примере семантически семантически центральный компонент «ослеп», стоящий в позиции предиката, по сравнению с исходным определением идиомы «слепой» создаёт семантический сдвиг в сторону большей образности, наглядности, с одной стороны, и усиления семы одушевлённости, с другой стороны.

В качестве характерологических средств, воспроизводящих освоение фразеологизированных структур родного языка, выступает сведение

персонифицированных фразеологических единиц к синтаксически свободным сочетаниям, когда в детской речи фразеологизм расщепляется на составные части, дефразеологизируется. Несмотря на подобную вариантность устойчивых сочетаний слов, их смысловое тождество сохраняется.

Фразеологизм «вести себя прилично, *Играет с куклами. – У меня две вести себя как принято. ученицы хорошие, ведут себя как прилично, не то, что все* (5 л. 8 м.).

Фразеологизм «сломя голову». *Сделал поделку. – Мама, что это означает? – Смятая черепаха.*

– Нет, это летучая мышь летит голову сломя (8 л. 10 м.).

Фразеологизм «хоть убей». *Батарейка тратится всегда. Хоть ты её убей?* (6 л. 9 м.).

В речи детей имеет место контаминация фразеологизмов, и прежде всего фразеологизмов, содержащих сему одушевлённости.

Фразеологизм «сбивать с толку». *– Да это телевизор сбивает меня с ума* (6 л. 10 м.).

Фразеологизм «не взять в толк». *Учит кукол. – Ну что ей можно сказать, если она толку не знает* (5 л. 9 м.).

При иллюстративном способе объяснения содержания фразеологической единицы ребёнок вынужден конструировать развёрнуто высказывание, антропоморфически описывающее ситуацию. Иллюстративный тип объяснения свидетельствует о некотором непонимании словосочетания, что обычно встречается у фразеологических единиц с более высокой идиоматичностью, требующих определённого уровня речевой компетенции.

– Золотая рыбка чтоб была на посылках у старухи. Ну такая тележка с посылками, как на вокзале. А на посылках – рыбка (5 л. 5 м.).

Мать: «Там и картошки – кот заплакал». Сын: «Пришёл кот, над каждым кустиком заплакал-заплакал, да и ушёл» (6 л. 8 м.).

Устойчивые сочетания слов с персонифицированной семантикой могут употребляться с обычным порядком компонентов. Как правило, это такие фразеологизмы, которые имеют прозрачную внутреннюю форму или связаны с каким-либо конкретным образом, а значит, соответствуют уровню развития детского мышления

Фразеологизм «показываться— *А почему кузнечик на глаза мне на глаза. не показывается?* (7 л. 5 м.).

Фразеологизм «ходить на голове». *Узнал, что кошек гораздо позднее одомашнили, чем собак. — Пройдёт тысяча лет, может, и кошки тоже чему-нибудь научат-ся? Или собаки тогда на головахходить будут?* (8 л. 6 м.).

Фразеологизм «мама родная — *Мы так с Витей плитку изукрасили , что её мама родная не узнает* (7. 9 м.).

Преобладание ориентации на прямое значение компонентов фразеологизмов свидетельствует, что «в осознании идиоматизированных словосочетаний дети проходят определённый путь от актуализации значения частей словосочетания к целостному восприятию его значения» (Детинина, 1987: 97).

Итак, специфическими средствами выражения персонификации в речи детей является сведение фразеологических единиц к синтаксически свободным сочетаниям; контаминация фразеологизмов; мотивировка фразеологизма «иллюстративным способом» за счёт буквального прочтения семантики; актантное переключение фразеологизма. Множественность детских экспериментов с фразеологизмами свидетельствует о том, что сема одушевлённости в составе фразеологизмов в детской речи проходит обязательную стадию игрового усиления.

Испытывая при осмыслении фразеологических единств трудности, ребёнок интерпретирует их внутреннюю форму согласно особенностям своего мировосприятия. Эти особенности (тенденция к одушевлению и олицетворению, более свободное обращение со словом как с инструментом

познания) определяют специфику коммуникативно-когнитивной парадигмы в онтогенезе речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Детинина О.Б. Устойчивые словосочетания в детской речи // Детская речь как предмет лингвистического изучения. – Л., 1987. – С.91-97.
2. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160с.

ПАРЕМИЯ КАК ТИП КЛИШЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ЗНАК ЯЗЫКА

Шарманова Наталья Николаевна

(Кривой Рог, Украина)

Национальная специфика языка находит своё отражение «на всех языковых уровнях. ... Тем не менее наиболее ярко она заметна у так называемых строевых (нереляционных) единиц языка (и речи) – слов, фразеологизмов и языковых афоризмов» [Верещагин 1982: 89].

Славянская паремиология в её соотношении с национальной культурой, начиная с работ А. А. Потебни, стала предметом научных интересов многих лингвистов – М. А. Алексеенка, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова [Верещагин 1982], И. О. Голубовской, В. В. Жайворонка [Жайворонок 2005], В. П. Жукова, В. М. Мокиенка, М. М. Пазяка, Г. Л. Пермякова [Пермяков 1975], В. Н. Телии [Телия 2004] Е. А. Селивановой, Е. И. Селиверстовой, В. Д. Ужченка, В. П. Фелицыной, В. Хлебдыи др.

Синтез науки о языке с этнокультурологией определил специфику интерпретации единиц паремиологии в контексте новых направлений в современной лингвистике – этнофразеологии (С. С. Ермоленко, В. И. Коваль и др.), сравнительной, компаративной лингвокультурологии (В. В. Воробьёв, В. В. Красных, В. А. Маслова, Н. В. Слухай), когнитивной и когнитивно-семиологической лингвокультурологии (Н. Ф. Алефиренко).

В процессе исследования семиотической сущности и логико-семиотического моделирования языковых единиц М. А. Черкасский утверждает, что для всех устойчивых воспроизводимых комплексов характерны признаки *клишированности*. Её понимают как способность языковой единицы восприниматься глобально, как имеющееся конструктивное и семантическое целое, которое воспроизводится без значительных изменений в определенных коммуникативных ситуациях [Черкасский 1978: 3].

В контексте теории клише, которая дает обоснование семиотической природе многоаспектных языковых единиц, интересным является осмысление именно паремиологического корпуса любого языка. Раскрывая семиотические, системные и функциональные сходства клишированных единиц, Г. Л. Пермяков отмечает: всем «названным» клише (слову, фраземе, паремии) свойственны функциональное сходство, они могут выступать в речи в одинаковой или близкой роли»; «все три наши типа клише ... имеют ту или иную **парадигму**» [Пермяков 1975: 250].

Паремии – семиотические феномены языка, имеют двойную направленность: знаки системы языка, которые раскрывают парадигматические особенности и имеют определенную синтаксическую природу, и микротексты. Под **паремиями** понимают выражения со структурой предложения (короткой цепью предложений), которые являют собой клише, используются в роли знаков языка и имеют три структурные планы – лингвальной и логико-семиотической структур, план реалий [Українська мова 2000: 424–425]. Например: укр. *Нема в світі над мир*; рус. *Мир всем народам мил*.

Релевантными особенностями паремии как типа клише являются постоянный лексический состав, узуальность, четкое номинативное (денотативное) значение, соответствие ментальному стереотипу, воспроизводимость в готовом виде, прагматический характер (ситуативная предопределенность в конкретных конситуациях), частотность и регулярность актуализации, автосемантия как дискурсивное свойство и т.д.

Паремиология любого языка, будучи совершенно особой системой, которая отражает национально-культурную специфику языка, своеобразие его эволюции, системой, в которой совокупность компонентов и правил их функционирования, содержит различного вида мыслительные категории. Паремии включают универсалии различного типа: 1) понятийные (или когнитивные) и собственно языковые; 2) формальные (видоизменения касаются лишь одного компонента) и смысловые, затрагивающие образный строй всей языковой единицы; 3) абсолютные (характерны для всех или многих языков) и статистические (выявлены в значительном количестве языков). Наличие таких явлений обусловлено причинами и факторами внутри- и внеязыкового характера, что соответствует природе самого языка. К общим экстралингвистическим факторам относят универсальность концептуальных сфер, глубинный антропоцентризм, при котором и основные сферы деятельности, и образы-символы ориентированы на человека; языковые контакты: укр. *Добрий сусіда ліпший за лихого діда* – рус. *Близкий сосед лучше дальней родни*; укр. *До готового хліба знайдеться губа*; *Мельники до готової муки*; *Корову тримає, а хтось другий молоко випиває*; *Готовеньке і кицька з'їсть* – рус. *Один с сошкой, а семеро с ложкой*.

В литературе, посвященной проблемам фразеологии, наряду с терминами «паремия», «клише», используются также названия «коммуникативная ФЕ», «предикативная ФЕ», «устойчивая фраза» [Бондаренко 2011: 6]. К таким клишированным предикативным структурам относят пословицы, например укр. *Дорога ложка до обіду*, <*а по обіді – то й під лавку*>; рус. *Дорога ложка к обеду*, <*а там хоть подлавку*>; поговорки укр. *Хрін від редьки не солодший*; рус. *Хрен редьки не слаще*; крылатые выражения укр. *Коханню всякий вік підвладний*; рус. *Любви все возрасты покорны*; калькированные изречения типа *Вот где собака зарыта*; стационарные формулы диалогической речи укр. *Доброго здоров'я, помившись*; *Слегким паром* и т.п.

Единицы паремиологии, по мнению М. А. Черкасского, представляют

малые литературные формы – собственно пословицы с образной мотивировкой значения и авторские афоризмы с прямой мотивировкой значения. Они объединены родовым термином «паремия» с признаками клишированности, афористичности и сентенциозности [Черкасский 1978: 36]. Л. Б. Савенкова отмечает: «приходится только констатировать близость (а возможно, даже тождество) значений обоих изречений и предположительную деривационную связь между ними (без указания того, какое из двух оказывается деривационной базой для другого). Все же обнаружение таких пар фраз в речи убеждает в том, что хотя бы часть афоризмов можно рассматривать как источник пополнения фонда паремий» [Савенкова 2002: 67].

Н. Барли, осуществляя структурный подход к англосаксонским паремиям – пословицам и афоризмам, указывает на то, что собственно пословицы нельзя рассматривать изолированно от всего комплекса сродных с ними структур. Такие выражения он называет «потенциальными пословицами». Ученый определяет паремиологический статус пословиц и максим на оси «генерализация↔конкретизация» и говорит, что разница между пословицей и максимой не есть разницей между разными типами выражений, а скорее разницей уровней выражения [Барли 1984:130]. Максимы раскрывают общее утверждение, собственно пословица является метафорической и имеет частичное утверждение, трансформирующееся в общее. Лингвист рассматривает паремии как традиционные «стандартные выражения в отношении моральных и категориальных императивов», «трафареты», «переносные, портативные парадигмы» [Барли 1984: 133].

И собственно паремия, и афоризм выступают фиксированной словесной формулой, соотносимой с клише языка (лингвистическим феноменом) и клише сознания (психологическим феноменом), за которыми стоит целый комплекс поверхностных и глубинных значений. Для каждого из этих типов универсальных высказываний характерны свойственные только им средства обобщения семантики. Клише как психологический феномен вместе со

стереотипами, предубеждениями и интересами определяет образ тех или иных фрагментов мира, выраженных при помощи вербальных способов. Пресуппозиция использования клишированных выражений состоит в установлении смысловой связи между эксплицитно выраженным значением словесной формулы и имплицитно присущим языковому сознанию лингвокультурным опытом коммуникантов.

Национальная специфика языка является неотъемлемой составляющей духовной культуры общества. Семиотические механизмы психокогнитивной стереотипизации наиболее выразительно представлены в паремиях. Паремиологический семиозис выступает неисчерпаемым кладезем исследования духовного потенциала этносов, основу которых составляют общечеловеческие каноны и идеалы. Единицы паремиологии, отображая извечные приоритеты, одновременно фиксируют национально обусловленные представления народа об окружающем мире и месте человека в нём. Именно поэтому они являются аксиологически значимыми языковыми величинами, исследование которых позволяет выявить ценностные ориентиры этносов. Н. Н. Семененко утверждает: «Основная же ценность паремий как объекта рассмотрения современной когнитивной лингвокультурологии заключается в их исключительной способности репрезентировать ведущие принципы этноязыкового сознания: позиции оценки, стереотипные представления и собственно народную дидактику в её всеобъемлющем стремлении к трансляции целостного мировоззренческого комплекса, необходимого индивидууму для успешной жизни в социуме» [Семененко 2011: 230].

Паремии как интегральные части культурного (поликультурного, межкультурного) пространства являются в некоторой степени духовной субстанцией, в которой сконденсированы, закодированы образно-логические смыслы, моральные ориентиры и ценностные установки каждой нации. В этом заключается двойная, на наш взгляд, лингвокультурологическая сущность единиц паремиологии. С одной стороны, они аккумулируют мудрость,

традиции и опыт многих поколений, играя роль социальных этических корректоров. С другой же стороны, эти единицы выступают одной из вневременных, ахронистических форм репрезентации этнической картины мира: укр. *Сова знає, де кури ночують; Знає свиня, що морква* – рус. *Знает сорока, где зиму зимовать*; укр. *Кожній сващці по ковбасці; Буде усім по сім* – рус. *Всем сёстрам по серьгам*.

Украинская и русская паремии относятся к глубинным слоям национального культурного пространства. Своим языковым богатством и разнообразием содержания их единицы раскрывают все стороны человеческой деятельности, общественные и родственные отношения в системе коммуникации. Они дают широкий спектр обобщения многовекового хозяйственного опыта в виде коллективного совета. Основным прагматическим потенциалом в паремиях выступает морально-этическое поучение, например: укр. *З вітром прийшло, завітром і пішло; Як набув, так і забув; Як нажив, так і прожив*; рус. *Как пришло, так и ушло (прошло)*. Приведем и другие единицы, в которых отражено авторитетное, весомое мнение: укр. *Як хочеш багацько жати, то треба мало спати; Спитаєшся пня й колоди, як прийдеться до чого*; рус. *Лёжа пищи не добудеши; Век долог, да час дорог*. Паремиям имманентно свойственна дидактичность, выраженная эксплицитно или имплицитно, а значит – положительный оценочный модус: укр. *Скорий поспіх – людям посміх; Зроби спішно, буде смішно; Хто спішить, той людей смішить; Швидко, та гідко*; рус. *Поспешишь – людей насмешишь*. Сравним: во ФЕ просматривается скорее доминирующая роль отрицательной оценке, о чём свидетельствуют результаты исследования фразеологических универсалий (А. Д. Райхштейн, А. Маккаи, Г. Бургер и др.).

Используя паремии в речи, коммуниканты как бы вступают в межкультурный диалог с творцами народных афористических высказываний, целью которого является «создание преемственности культурно-исторического опыта» [Шехтман 2002: 55]. Этот процесс предусматривает не только наличие

лингвистической компетенции участников коммуникации, но и в значительной степени предполагает определённую энциклопедическую информацию, что позволяет глубинно интерпретировать образно-символические единицы языка. Сравним: укр. *А Мурий їсть собі та їсть* (синоним *А кіт ковбаску уминає, неначе й не до нього річ*); рус. *А Васька слушает да ест*; укр. *Заблукав межі хатою і коморою* (синонимы *Серед села дороги не знайшов; Бачить, що в хижу, та дверей не найде*); рус. *Заблудился в трёх соснах*. Наиболее выразительным в этнокультурном аспекте являются компаративные паремии, например: укр. *Заказана (заборонена) грушка-солодка* (синоним *Чого не вільно, те й кортить*); рус. *Запретный плод сладок*. Актуализация в семантическом строении украинской паремической единицы экспрессивной лексики **грушка** отсылает нас к другим паремиям, которые находятся в национальной когнитивной базе: *Виліз на грушку, рвав петрушку; Не заспить грушкив попелі; Яка грушка, така й юшка* и др. Как свидетельствуют рассмотренные примеры, компаративные единицы языка базируются на разных архетипах национального сознания, которые имеют определённые расхождения в инвариантах этнического мировосприятия.

Универсальные культурные смыслы раскрываются при кодировании информации о мире. Компаративный анализ паремий – репрезентантов архетипической структуры мироздания – отражает детерминацию в их образной организации ментально-лингвальных комплексов, концептов, базовых культурных кодов – антропоморфного (о человеке, его натуре, поведении, семейных отношениях), космического, предметного, зооморфного, фауноморфного (В. Н. Телия), соматического, пространственного, временного, духовного (В. В. Красных), мифологического (Л. В. Савченко). Культурный код при этом следует понимать как элемент интерпретации паремий в когнитивно-прагматической и лингвокультурологической парадигмах исследования.

Наиболее выразительными в паремиологии выступают архетипные символы **кровь, сердце, судьба (доля), огонь**, где архетип **кровь** является не

столько показателем антропоморфного кода, а скорее духовного, потому что в славянской традиции кровь всегда ассоциируется с жизнью, духом, являясь также и символом обновления, омоложения [Словник символів 2002: 131], атакже имеет значение жертвоприношения, борьбы за что-то или символ активности или мести, агрессивных намерений: укр. *Роби крєвно і ходи певно*; (с пометой давн.) *Роблять (працюють) крєвно; Роблять (працюють) до кривавого поту; Кривавимпотом умивається*; рус. соответствия *До кровавого пота работает* (сравним с ФЕ укр. *потом і кров'ю*; рус. *потом и кровью*). Видим из приведенных выше примеров, что символика крови в древней фольклорной традиции по своей смысловой нагрузке близка к символике красного цвета и другому архетипу – **огню**.

Архетип **огонь** является символом духовной энергии, силы, очищения от сил зла [Словник символів 2002: 47], освящения души, а человек воспринимается как личность, наделенная огромной волей (укр. *[В]огонь – не дівчина; Дівчина як вогонь*), с осознанием собственного призвания (огонь тут – и сила, и духовный оберег). Поэтому издавна предостерегали, предупреждали в паремиях: укр. *З вогнем не грайся (не жартуй); З вогнем не жартуй [бо то жижа]; Не грайся з вогнем, бо о[б]печешся, о[б]палишся; Не клади у вогонь пальця, бо спечеш*; рус. *С огнём не шути; С огнём не шутят; Не шути с огнём – обожжёшься*.

Вспомним о возможности активного диалога с разными культурными и текстовыми эпохами: укр. *Вогнем імечем*; рус. *Огнём и мечём*; польс. *Ogniem imieczem* (в названии романа Г. Сенкевича); лат. *Igniet Ferro / Ferroet Igni* как трансформациями античного выражения *Quaemedicamentanonsanant, ferrumsanat, quae ferrum nonsanat, ignissanat* (дословно: *Чого не гоять ліки, те виліковує залізо, чого не гоїть залізо, те виліковує вогонь*). Аналогичные единицы находим и в индивидуально-авторском осмыслении. Например, соединены воедино архетипные символы в выражениях: «...**огнем, кровавим, пламенним мечем**»; *І без огня, і без ножа Стратеги Божії воспрянуть; Без*

ножа і автодафе людей закували (Т. Г. Шевченко). Для концепта *огонь* свойственна особая двуплановость: во-первых, он выступает вербальным способом социальной характеристики; во-вторых, способен актуализировать сакральный смысл. Приведем для сравнения еще одну авторскую паремию, в которой также объединяются архетипные, сакральные понятия *Огонь в одежі слова* (И. Я. Франко). Прагматика паремии при этом направлена на раскрытие могущественной силы – магии языка, под которой понимают «огонь слова, то есть заклинательную сущность сказанного» [Жайворонок 2005: 139].

Одну из самых численных групп в славянской фразеологии составляет семантическая группа с концептами *сердце, судьба (доля)*. Сравним паремии-эквиваленты в восточнославянской традиции: укр. *Серце не камінь* – рус. *Сердце не камень*. В украинском и польском языках есть паремии с противоположной фиксацией: укр. *Камінь, а не серце*; польс. *Mieś (masz) sercezkamienia* (соответствия во фразеосистемах укр. *камінне серце*; рус. *каменное сердце*). К сведению, в польской этнокультуре символика камня очень выразительна: он может приносить или останавливать зло, является олицетворением твердости, безжалостности, бремени (Е. Бартминьский). Лексема *сердце* не может сводиться лишь к соматическому коду, в ней заложен глубокий этнокультурный смысл, например: укр. *Серденько (серце) розбивається (розбилося)*; *Серденько чує*; *Серце горить*; *Серце палає*; *Серце крається (надривається)*. Целесообразно тут вспомнить яркую этноментальную характеристику украинства – украинский кордоцентризм, или «философию сердца», по терминологии отечественного философа П. Юркевича. Подобный антропоцентризм фиксируют и в польской народной культуре. Г. Гачев, раскрывая этноментальные особенности народов мира, утверждает: для польского социума очень значимо сердце как центр шляхтича [Гачев 2003: 237], что детерминирует кардиоцентричность поляков. Для украинцев *сердце* – это «символ Центра, Бога, жизни, ума, ласки, любви, сочувствия», а ещё радости и счастья [Словник символів 2002: 191–193].

Судьба как самая выразительная антропоморфизация, имеющая облик надприродного одушевленного лица, имеет в украинском паремиологическом пространстве многогранное выражение: *Не туди дорога до щастя, куди люди справляють, а туди, куди доленька поведе; Дитинка спить, а доля її росте.* В жизни любого народа, как и отдельной личности, судьба является одним из основных трёх аспектов, вместе со степенью талантливости и трудом, необходимым для реализации собственных возможностей: *Не родись багатий та вродливий, а родись при долі та щасливий; Ти свою долю в неділю проснідала, а в п'ятницю проспівала; У сусіда дочок сім, та й доля всім; у мене одна, та й у тої долі нема.* Долю традиционно украинцы рассматривали как совпадение благоприятных и неблагоприятных обстоятельств, которое облегчает или усложняет самореализацию. Каждый является творцом собственной судьбы, которая его постигла; он в ответе за неё, и вместе с тем за волю всего этноса: *Здобули волю – відшукали долю; Де немає волі, там не буває долі; Не шукай долі, а шукай волі.* Поэтому как отдельного человека, так и нацию в целом оценивают не по потенциальным возможностям (чего бы они могли достигнуть, но не сумели), а исходя из реальных достижений.

Как видим, украинская паремиология в контексте славянской является современной лингвистической составляющей с четко обозначенными объектом, предметом и заданиями, «направленными прежде всего на исследование структурно-грамматических, семантических, стилистических, прагматических и этнокультурных, ментальных особенностей паремий, которые образуют паремийный корпус, или паремийное пространство, украинского языка» [Колоїз 2012: 271], и шире – любого идиоэтнического языка, семиотика которого представлена паремиями как морально-этическими и эстетическими знаками ситуаций, событий, явлений.

Таким образом, паремиология как феномен духовной культуры раскрывает общечеловеческие каноны и систему этностереотипов мышления, общественного и личностного поведения, выступают репрезентантами

концептосферы языка, то есть этнокультурную сущность языков и особенности национального сознания, указывая тем самым на особенности вербального выражения национального менталитета. В единицах паремиологии представлена корреляция лингвальных и психокогнитивных феноменов, связанных с этнической языковой картиной мира, ориентованных на специфический способ мировидения, которые определяют национально-культурное языковое пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барли, Н. Структурный подход к пословице и максиме / Н.Барли // Паремиологические исследования : сб. статей; под ред. Г.Л.Пермякова. – М. : Гл. ред. восточной л-ры., 1984. – С. 126–148.
2. Бондаренко, В. Т. Устойчивые фразы в русской речи : [монография] / В. Т. Бондаренко. –Тула : Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011. – 153 с.
3. Верещагин, Е. М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Словари и лингвострановедение / Под ред. Е. М. Верещагина. – М., 1982.
4. Гачев, Г. Ментальность народов мира / Г. Гачев. – М. : Эксмо, 2003. – 544 с.
5. Жайворонок, В. В. Символіка народного та авторського (крилатого) слова й виразу / В. В. Жайворонок // Мовознавство. – 2005. – № 3–4. – С. 138–147.
6. Колоїз, Ж. В. Українська пареміологія : [навч. посібник для студ. філологічних спеціальностей вищих навч. закл.] / Ж. В. Колоїз, Н. М. Малюга, Н. М. Шарманова; за ред. Ж. В. Колоїз. – Кривий Ріг: ТО «ЦЕНТР-ПРИНТ», 2012. – 349 с.
7. Пермяков, Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г. Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору; сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. –М. : Наука, 1975. – С. 247–274.
8. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология : семантический и лингвокультурологический аспекты / Людмила Борисовна Савенкова. – Ростов н/Дону : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.
9. Семененко, Н. Н. Русские паремии : функции, семантика, прагматика : [монография] / Наталия Николаевна Семененко. – Старый Оскол : Изд-во РОСА, 2011. – 355 с.
10. Словник символів культури України / За ред. В. Коцура та ін. – К., 2002. – 260 с.
11. Телия, В. Н. Культурно-языковая компетенция : ее высокая вероятность и глубокая

сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–30.

12. Українська мова : Енциклопедія / Упорядн. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін. – К. : Українська енциклопедія, 2000. – 750 с.

13. Черкасский, М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) / М. А. Черкасский // Паремииологический сборник : Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). – М., 1978. – С. 35–52.

14. Шехтман, Н. А. Лингво-культурные аспекты понимания / Н. А. Шехтман // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С.50–59.

Паремииографические источники

1. Вирган І. О. Російсько-український словник сталих виразів / І. О. Вирган, М. М. Пилинська. – Х. : Прапор, 2009. – 864 с.

2. Даль В. И. Пословицы русского народа : Сборник. В 2-х т. Т.1 / В. И. Даль. – М., 1984.

3. Пазяк М. М. Прислів'я та приказки : Природа. Господарська діяльність людини / М. М. Пазяк. – К., 1989. – 480 с.

РУССКО-УКРАИНСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОСКОЛЬСКИХ ГОВОРОВ

Шубина Наталья Григорьевна

(Старый Оскол, Россия)

Оскольские говоры, относящиеся к особой межзональной группе [Захарова, Орлова 1970: 139], представляют значительный интерес в том плане, что их лексическая система отражает как процесс становления и развития южнорусского наречия в целом и ее межзональной группы, так и специфику формирования региональной культуры. В то же время языковые факты рассматриваемых говоров помогают проявить специфику исторического взаимодействия двух родственных языков, функционирующих на сопредельных территориях.

Диалектное слово (в его семантике и фонетическом оформлении) интересно и в историко-лингвистическом плане, так как история слова, отражая развитие народных представлений о мире, всё же в первую очередь позволяет представить исторический процесс развития языка. Так, наименования жилых построек и их частей включают в себя лексические элементы, указывающие на разные этапы и процессы, пройденные и протекавшие в рамках всего русского языка как части славянского языкового ландшафта – от индоевропейского языка через периоды общеславянского и древнерусского языка, через формирование, на основе объединения двух восточнославянских наречий, собственно русского (“великорусского”) языка с его пестрым диалектным ландшафтом, отображающим этно-исторические процессы эволюции русского языка, его духовной и материальной культуры. Например, в оскольских говорах представлена лексика жилых построек, восходящих к общеславянскому языку (*дом, двор, пол, печь, кут, лавка, верх*), в то же время обнаруживается связь с тюркскими языками в таких номинантах, как *анбар, чердак, чулан, сарай*, а лексемы *пунька, клуня* в оскольские говоры были поставлены балтийскими языками.

Одним из источников влияния на оскольские говоры является украинский язык, носители которого активно заселяли территорию Белгородчины [Загоровский 1969, Никулов 1997] и принесли сюда, естественно, элементы своей материальной и духовной культуры, отразившиеся в таких номинантах, как *хата, гру́ба, ко́мната, комнáтка, до́лívка, прызби́ца* и др. В русских говорах Поосколья мы встречаем такие слова, как *мыска, вы́шня, вы́шник*. Носители литературного языка, понимая без труда значения таких слов, зачастую характеризуют подобное произношение как неправильное. Но следует обратиться к истории полумягких согласных в древнерусском языке, и мы обнаружим в таком звуковом оформлении следы украинского языка (для которого характерно отсутствие вторичного смягчения полумягких согласных) [Горшкова Хабургаев 1981: 53 - 57].

В Старооскольском районе много населенных пунктов, которые возникли как украинские поселения в XVII—XIX веках. На Белгородских землях расселились две этнические группы — южновеликоруссы и выходцы с Украины. Постепенно под влиянием общих исторических и социальных условий происходила этническая и культурная интеграция выходцев из разных районов России и Украины: происходило обрусению поселившихся на наших территориях украинцев, и в тоже время русские приобретали малороссийский облик. Однако население сохраняло специфические особенности в различных компонентах культуры, в том числе и в языке.

Взаимодействие русского и украинского языков отмечалось неоднократно в работах, посвященных этой проблеме [Котков 1970; Солонская 1967; Ляпунов 1968; Кардашевский 1958]. Русские говоры Белгородской, Воронежской, Курской областей стали проводниками украинского влияния на южнорусское наречие, т.к. находясь на территории России, они не испытывали потребности в самосохранении. В то же время исконно украинские говоры, стремящиеся сохраниться в иноязычном окружении, все же осваивали те слова, которые употреблялись в речи русских людей.

Сравнивать лексические системы говоров в целом практически невозможно. Для того, чтобы выявить общность и различие в наборе и функционировании слов, целесообразно проводить сравнение на какой-либо определенной тематической группе слов. Например, тематическая группа «название предметов посуды» или «наименования построек», слова которых в первую очередь выполняют номинативную функцию.

Среди лексем тематической группы “названия посуды” в говорах Старооскольского района встречаются заимствованные из украинского языка. Например, слово чапля (*// Для скаваротки чапля была//*), его можно рассматривать как производное от украинского глагола *чпати* в значении “хватать”.

В наименованиях помещений жилой постройки в русских и украинских говорах встречается словокомн́атка «небольшое помещение в жилой камере, расположенное за русской печью, отделенное от парадной части перегородкой, занавеской или мебелью и служащее спальней». [*Эта камн́атка / теп'ерь-та сп'альня / там две к'оички да-сунд'ук у-н'ей / халст'ы мы туд'а склад'али //*]; [*Если стр'оица двойник / тауда и есть комн́атка / за-п'ечкю-та // ан'а м'аленьная / жыли-та ск'удна //*].

В говоре с. Городищенами была зафиксирована в указанном значении лишь форма с суффиксом -к- – комн́атка, являющимся формальным показателем семы «небольшой размер».

Особое значение слова комн́атка рассматривает В.И. Даль, отличая данное наименование от его производного по значению: «Кóмнатаж. покой, горница, часть дома, отделенная стенами или перегородками; ... В среднем быту кóмнаткаи́ли комн́атка,спаленка, покойчик в боку, в стороне; кладовая, чулан, комóрка.» [Даль II: 147]. Такое же значение слова комн́аткаотмечается и в соседних русских (с. Знаменка, с. Солдатское), говорах Староосколья: [*Вот присн́ица сон/ мол жан́их пр́идет у-камн́атку и-бúдет чулóк с-нау́е ст'яуивать / а-жаних́а у-камн́атку н́ельзя пусќать / хтó-зна харашó-ли хúда-ли //* *Камн́атка-та тóка сп́али / туд'ы чуж'ьи-та не-быв́ают //*] (Знам.).

Наименование комн́атка в его данном акцентологическом оформленииявляется производным от украинского слова кiмн́ата, которое хорошо известно в генетически украинских говорах, например, в говоре соседнего хутора Петровского: [*Пóлык був в комн́ате/ Стовб́ы забыв́алы и-дóскы кл́алы//*].В отличиеотобщепринятого русского акцентологического варианта, вариант комн́атапринадлежит исключительно системе диалектного языка и отмечается во многих южнорусских говорах, подвергающихся влиянию украинского языка [Денисевич 1959: 107].

Кóмната и комн́ата - заимствования из одного источника [Фасмер II: 304], однако пути проникновения в лексику национального русского языка у

данных лексем различны. Русский литературный язык заимствовал название средненижненемецкого языка, где ударение было на начальном слоге, как показывают формы *kemmet*, *kommet*. А.Г. Преображенский отвергает заимствование этой формы из польского, поскольку противоречит ударение [Преображенский I: 380]. Иной путь у диалектной формы: она заимствована через украинский язык именно из польского [Фасмер II: 304]. В русском говоре, возможно, произошла лексикализация акцентологического варианта: фонетическое различие перестало быть явлением фонетической системы и стало восприниматься носителями диалекта как различие на лексическом уровне.

Освоение украинизмов по-разному шло в лексических системах отдельных говоров. С одной стороны, слова украинского языка вошли в лексику русских говоров и хорошо известны в исконно русских селах. Например, слова *макитра*, *чапля*, *цыбор*, *припечек* отмечены во многих населенных пунктах Поосколья. С другой стороны, у заимствованных слов в разных говорах отмечается расхождение в семантике. Например, слово *макитра* зафиксировано во многих населенных пунктах Старооскольского района, но в одних населенных пунктах оно употребляется в значении “специальная посуда для приготовления кваса” (с. Верхнечуфичево), в других – в значении “глиняная посуда для приготовления или обработки в печи жидких и полужидких блюд, продуктов” (с. Городище), в третьих – в значении “глиняная посуда для замешивания теста” (х. Петровский, с. Обуховка). Как показывают наши наблюдения, лексические заимствования из украинского языка вызвали в лексической системе русских говоров процессы, формирующие синонимию, полисемию, омонимию, в том числе и междиалектные разновидности.

В настоящее время активное изучение русских народных говоров способствует не только сохранению ценнейшие сведения о развитии русского языка, но и помогает ответить на многие вопросы, связанные с историей

народа, взаимоотношениями славян с другими народами, помогает решить многие историко-культурные загадки. Всестороннее исследование каждого говора дает реальное представление не только о внутренних языковых процессах, так и о внешних социальных факторах, которые, взаимодействуя, определяют развитие национальных языков. Если же учесть, что именно на территории современного Поосколья пролегает значительный отрезок северо-восточного пограничья русско-украинской этно-языковой территории, важность диалектологического изучения этой местности и для украинского, и для русского языкознания возрастает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. — М.: Высш. школа, 1981. — 359 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.
3. Денисевич Г.В. К истории образования говоров с украинской основой на Курско-Белгородской территории // УЗ Курского пединститута (гуманитарный цикл). вып. IX. — Курск: КГПИ, 1959. — С. 90-94.
4. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: изд. Воронежского университета, 1969. — 304 с.
5. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. —176 с.
6. Кардашевский С. М. О лексике курско-орловских говоров, общей с украинской и белорусской // Уч. зап. Московского областного педагогического института, т. 48., Труды кафедры русского языка, вып. 4. — М., 1957. — С. 62- 152.
7. Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI-XVIII веков. М.: Наука, 1970. — 315 с.
8. Ляпунов Б.М. Древнейшие взаимные связи русского и украинского народов и некоторые выводы о времени их возникновения как отдельных лингвистических групп // Русская историческая лексикология. — М.: Наука, 1968. — С. 163–202.
9. Никулов А.П. Старый Оскол. (Историческое исследование Оскольского края.) — Курск: ГУИПП «Курск», 1997. — 576 с.

10. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. – М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1959.

11. Солонская Г.Т. Украинские говоры Воронежской области. Автореф. дисс....канд. филол.наук. – Харьков, 1967. – 26 с.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «УКРАЇНСЬКА ПАРЕМІОЛОГІЯ»

(АВТ. : Ж. В. КОЛОИЗ, Н. Н. МАЛЮГА, Н. Н. ШАРМАНОВА.

КРИВОЙ РОГ, 2014)

Алефиренко Николай Фёдорович

(Белгород, Россия)

Современное языкознание, в котором научная энергия лингвистических идей стимулирует поиск новых подходов к изучению языка, своими методологическими истоками связано с традиционным освоением концептосферы национальной культуры и трансляцией знаками языка народной мудрости, этнокодов данной лингвокультуры.

Проблема изучения лингвокультурологических компонентов является актуальным направлением современных филологических интересов, ведь описание такого объекта исследования определяет национальную ментальность, а сами элементы соответственно несут в себе выразительную этническую специфику. Паремнология как феномен духовной культуры раскрывает общечеловеческие каноны и систему важных для каждого этноса стереотипов мышления, общественного и личностного поведения, выступает репрезентантом концептосферы языка. Лингвистическая идентификация единиц паремнологии связана с наличием разных подходов к определению границ фразеологии.

Выбор стратегического направления в изучении языка, установление определенного типа соотношений традиции и инноваций в лингвистическом познании и междисциплинарное взаимодействие паремнологических студий с другими собственно лингвистическими и гуманитарными науками определяют целесообразность, фундаментальность и научно-методическую ценность учебного пособия «Українська пареміологія».

Паремиосистема украинского языка – это широкая, реалистически представленная панорама бытия народа. В изображении особенностей общественно-социальной жизни, её типизации единицы паремиологии, объединенные общим термином «паремия», выделяют в предметах и явлениях окружающего мира наиболее существенные черты. Актуальность поднятой в рецензированной работе проблематике не вызывает никаких сомнений, поскольку решение подобных вопросов отображают состояние разработки в современной лингвистике более глубоких аспектов функционирования национальных языков, в том числе и украинского.

В рецензируемом учебном пособии представлены результаты основных исследований по паремиологической проблематике в мировой и украинской лингвистике, что придает работе высокий статус в современном языкознании. В основе научной новизны предложенных материалов лежит использование современных подходов к решению приоритетных фундаментальных задач лингвистического познания в контексте исторически сформированного этнокультурного мировоззрения, определяемого украинской паремиосистемой как завершенной ценностно-смысловой структурой.

Разработка методологии и модели изучения паремиологии, усовершенствование основ паремийного анализа в контексте синергетических закономерностей развития языка, общества и культуры детерминируют выход научных результатов на мировой уровень и активное функционирование в различных дискурсивных практиках и использование в самых разных – порой далеких от лингвистики – областях знаний.

Работа четко структурирована, в ней имеются все необходимые составляющие, характерные для работ такого типа.

В первом разделе раскрываются теоретические сведения о паремиологии, её объекте, предмете, единицах, ключевые понятия. Кроме того, внимание уделено вопросу о лингвистической идентификации паремий и их систематизации в современной зарубежной и украинской науке. Паремии – это

семиотические феномены языка, которые имеют двойную направленность: 1) знаки системы языка, которые раскрывают парадигматические особенности и имеют определенную синтаксическую природу; 2) микротексты (малые фольклорные жанры). Понятийное поле единиц паремиологии составляют универсальные суждения, наполненные определенным мировоззренческим содержанием (значением и смыслом). Таким образом, теоретическую основу украинской, как и, впрочем, славянской паремиологии, составляет осмысление ее как научной области лингвистики и учебной дисциплины, имеющей свой понятийный аппарат и методологию изучения.

Исследованию паремийного фонда украинского языка посвящен второй раздел учебного пособия. Тут сделан акцент на проблеме дифференциации собственно паремий, раскрываются данные о семантических и стилистических особенностях единиц языка и речи, парадигматические отношения в структуре собственно паремийного корпуса украинского языка. Особо уделяется внимание этнокультурному компоненту на материале паремиологии. Освещая паремиологическое пространство украинского языка, авторы с опорой на современную паремиологическую мысль, дают всестороннюю оценку лингвистического статуса и коммуникативно-прагматическим особенностям паремий, связывают воедино когнитивно-прагматическое моделирование паремийной семантики с этноязыковым сознанием.

В третьем разделе пособия представлен прикладной аспект украинской афористики. Афоризм рассматривается как единица паремиологии книжно-литературного происхождения. Авторы учебного пособия анализируют структурно-семантические, функциональные и коммуникативные особенности афористических выражений, раскрывают типологию афоризмов на основе степени выражения смысловой доминанты, характера отображения окружающей действительности и структуры суждения и т. п. Лингвистическая идентификация афоризмов проведена с учетом сложившихся в современном

языкознании традиционного и инновационного подходов к пониманию этих единиц.

В четвёртом разделе учебного пособия проделан системный анализ состояния разработки паремиографических проблем, а именно широко представлена староукраинская паремиография, где подана фиксация сведений о паремиях в самих древних лексикографических трудах. На основе изучения паремиографических источников конца XVIII–XIX ст. проведено описание паремиографии этого периода. Отдельно раскрывается состояние разработки паремиографии на современном этапе развития украинского языкознания.

Обобщение всех теоретических и прикладных вопросов украинской паремиологии, поднятых в основном тексте работы, подается в выводах.

Практический блок учебного пособия представлен значительным количеством заданий, направленных на осмысление изложенных в теоретической части положений паремиологической науки и способствующих ее усвоению. В заданиях аналитического характера предлагается провести лингвистический анализ функционирования единиц паремиологии в различных коммуникативных ситуациях, в заданиях творческого характера – конструирование творческих высказываний.

Особое внимание уделено паремиографической репрезентации лингвокультурных универсалий, комплексному лингвистическому анализу собственно паремий и афоризмов по схемам, разработанным авторским коллективом. Важно отметить и тот факт, что в конце учебного пособия помещен словарь паремиологических терминов, что очень удобно для пользователей.

Таким образом, учебное пособие имеет большую ценность и в научно-методическом плане. Фундаментальный подход к освещению мировой паремиологической мысли, данные в пособии «Українська пареміологія», обуславливают его затребованность в учебном процессе в высшей школе. Пособие может активно использоваться как для написания научных работ

студентами, соискателями, аспирантами, докторантами, создания словарей нового типа, так и при изучении курса современного украинского литературного языка, усвоения украинской этнолингвистики, лингвокультурологии, социоллингвистики, лексикографии; окажет значительную помощь в разработке спецкурсов –практикумов и семинаров – по украинской и славянской паремиологии, в том числе и при углубленном изучении освещаемой проблематики в профильных классах средней школы, а также в разработке граничащих с языкознанием областей науки.

Рекомендуя авторам разработать практикум по предложенному курсу, который бы имел чисто практическую направленность в раскрытии теоретических и прикладных аспектов украинской паремиологии как составляющей славянской и мировой паремиологии, отмечаем высокую научную и научно-методическую ценность рецензируемого учебного пособия *«Українська пареміологія»*.

**КВАЗИЭТАЛОНЫ И СТЕРЕОТИПЫ: К ПРОБЛЕМЕ ТЕРМИНА И
МЕТОДА (О МОНОГРАФИИ Г.В. ТОКАРЕВА «ЧЕЛОВЕК:
СТЕРЕОТИПЫ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ»)**

Семененко Наталия Николаевна

(Старый Оскол, Россия)

Токарев, Г.В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры: Монография. – Тула: С-Принт, 2013. – 92 с.

Проблема исследования стереотипов при всей своей традиционности относится к числу вопросов активного дискуссионного поля в силу своей выраженной зависимости от конкретного исследовательского метода, предлагаемого автором анализа. В рецензируемой монографии безусловная актуальность самой проблемы усиливается фактором авторского подхода к методологии вопроса. Стереотип лингвокультуры как объект изучения –

понятие многогранное и входящее в парадигму инструментальных терминов, которые, по утверждению автора «применяются в ходе анализа..., обозначают конструкторы, созданные лингвокультурологом: лингвосемиотический ряд, тезаурус культуры, картина мира, лингвокультурема, мифологема, культурно-когнитивная база и др.» (с. 6). При этом, собственно термин «стереотип» не является для автора приоритетным в моделировании системы устойчивых репрезентаций с выраженной измерительной функцией. Теоретическим основанием для разработки системы анализа фразеопространства русского языка является авторская концепция квазиэталона как единицы лингвокультуры.

Квазиэталон как наиболее стабильная лингвокультурная единица, в соответствии с концепцией Г.В. Токарева, выполняющая функцию репрезентатора стереотипов культуры, в том числе, характеризующих человека. Данный термин, предложенный В.Н. Телия и получивший определённую разработку в рамках её научной школы, не относится к числу частотных терминов лингвокультурологического направления. Вместе с тем, следуя логике автора монографии, чётко разделяющего языковую и лингвокультурную сторону образной номинации (квазиэталон в качестве языкового репрезентатора фиксирует определённые стереотипы как «устойчивые мнения о чём-либо» (с. 7)), сложно не признать продуктивности данного термина для тех исследовательских задач, которые связаны с типологией стереотипов.

Действительно, слабая продуктивность тематического подхода к систематизации как единично-производной номинации (фразем, паремий и т.д.), так и средств образных номинаций иной природы (квазиэталонов, в частности), обусловленная композиционным характером семантики образных средств языка, побуждает современных исследователей к поиску максимально возможных объективных критериев систематизации данного языкового материала. Таким образом, квазиэталон, выделяемый в качестве объективного

языкового критерия, позволяет реализовать новаторский подход в описании стереотипных номинантов человека.

Следует отметить, что рецензируемая работа во всех её структурных частях насыщена интересными теоретическими новациями, позволяющими взглянуть на традиционные проблемы лингвокультурологии под новым углом зрения. В частности, в ходе анализа этнокультурного основания русского менталитета, приводимого во второй главе монографии, автор предлагает интересное дополнение к современной теории концепта в части уточнения его места среди других лингвоментальных единиц культуры, определяя его как «способ существования и организации культуры», который «не только отражает, но и задаёт определённый угол зрения на объективный мир и тем самым закрепляет и организует те или иные ценности, помогает человеку ориентироваться в том или ином культурном пространстве. Он отражает этнический характер лингвокультурной общности, сущность которого заключается в определённом типе реакций на явления окружающего мира» (с. 11).

В описании особенностей кодирования стереотипных представлений о человеке посредством квазиэталонов (глава вторая) приводятся теоретические положения относительно биоморфной природы культурного кода, продуцирующего стереотипные представления о человеке. Автор выделяет ряд основополагающих образов, лежащих в основе квазиэталонов человека, иллюстрируя отдельные теоретические положения примерами из текстов, безусловно относящихся к числу культурно значимых и исторически обусловивших генезис большинства стереотипов в восприятии человека.

В целом, продуктивность подхода, предлагаемого Григорием Валериевичем, обусловлена и тщательной проработкой теории квазиэталона, приводимой в монографическом исследовании, и инновационным характером предлагаемой модели системных отношений квазиэталонов. Так, третья глава исследования посвящена языковой апробации гипотезы относительно

дуалистичной природы квазиэталонов, проявляющих парадигматические свойства, обусловленные их языковой природой и свойствами собственно единиц культуры. При этом автор высказывает ряд интересных замечаний о природе тождества и оппозиционных связей квазиэталонов (с. 63-66), а также об идиоматической природе семантики квазиэталонов, влияющей на специфику деривационных связей в их системе, которая формируется как «изоморфная единицам естественного языка» (с. 68). В четвертой главе монографического исследования основное внимание уделяется функциональной природе квазиэталонов, дискурсивной обусловленности их применения и сложным семантико-стилистическим механизмам включения последних в характеризующие человека контексты.

Таким образом, рецензируемое исследование вносит заметный вклад в разработку современной методики лингвокультурологического описания и предлагает специалистам в области лингвистики стройную, логичную и обоснованную лингвосомиологическую теорию относительно механизмов репрезентации значимых для этнической культуры стереотипов.

Перспектива исследования вполне очевидна как в лексикографическом направлении, так и в части дальнейшей разработки теоретических оснований предлагаемой авторской концепции в освещении глубинных связей систем языка и культуры.

РЕЦЕНЗІЯ НА НАВЧАЛЬНИЙ ПОСІБНИК «ЕТНОЛІНГВІСТИКА»

(АВТ. : Н. М. ШАРМАНОВА. КРИВИЙ РІГ, 2014)

Сологуб Н.М.

(Национальная академия наук, Украина)

Останнє десятиліття ознаменоване інтенсивною розробкою широкого кола питань функціонування української мови, і зокрема в контексті етнолінгвістичних і лінгвокультурологічних напрямків дослідження. Серед них

важливе місце посідають проблеми поглибленого вивчення етнолінгвістичної теорії, що ґрунтується на нових концептуальних засадах вищої мовної освіти. Запропонований навчальний посібник відзначається актуальністю насамперед тому, що питання поглибленого вивчення етнолінгвістичних студій, які завжди відбивають ментальний зріз мови, на сьогодні залишаються доцільними й перспективними в сучасному мовознавстві, а відтак і у вітчизняній лінгводидактиці вищої школи.

Варто зауважити, що в основі світосприйняття кожної нації лежить своя система ментальних схем, що відбиваються в загальнолюдських цінностях і соціокультурних стереотипах, еталонах поведінки. Тож не викликає сумніву важливість висвітлення теоретичних і прикладних питань у рецензованій праці. У запропонованому навчальному посібнику Н. М. Шарманова розкриває етнокультурні й лінгвоментальні аспекти функціонування української мови, з'ясовує сутність мови як одного з найголовніших чинників консолідації українства, розкриває мову з позиції етнокоду. Авторка, ураховуючи здобутки й напрацювання української, слов'янської та світової етнолінгвістики, визначає складові механізми лінгвалізації світу в мовних одиницях і пропонує висвітлення етносемантики мовних знаків та етнотекстів у світлі етнолінгвістичних засад: свідомість завжди національно обумовлена, а це важливо задля збереження етнічної спільноти як цілісного організму в сучасному українському суспільстві.

Акцентовано в посібнику на тому, що однією з фундаментальних засад сучасної етнолінгвістики є таке положення: мова відіграє важливу роль у пізнанні навколишнього світу, у формуванні досить визначеної картини (моделі) світу, що створюється під впливом тієї чи тієї мови як відображення певного способу уявлення позамовної реальності, тобто національного світогляду. Мова не безпосередньо відображає світ, а інтерпретує його, тому в кожній мові закладено своє світобачення. Мова є посередником між людиною і зовнішнім світом. Опрацювання студентами відомостей з етнолінгвістичної

теорії надасть змогу усвідомити: кожна мова утворює тканину, зіткану з понять та уявлень певної частини людства, адже «разом із рідною мовою ми сприймаємо ніби частинку нашої самості» (В. фон Гумбольдт). Важливі положення європейської етнолінгвістики, і зокрема української – етнософія мови О.О. Потебні – розвинули Е. Сепір та Б. Уорф, довівши, що процеси сприйняття і мислення обумовлені етноспецифічними особливостями структури мови. Про це неодноразово наголошували українські етнолінгвісти (Ф. С. Бацевич, С. Я. Єрмоленко, В. В. Жайворонок, О. О. Селіванова та ін.), що знайшло відображення в рецензованій праці.

Запропонована методологічна й теоретична база з курсу «Етнолінгвістика» дає змогу орієнтувати студентів у різних напрямках концептуально-якісного поступу етнолінгвістичних теорій, які визначають загальну професійну компетентність майбутнього словесника.

Навчальний посібник підготовлено відповідно до програми навчальної дисципліни. Він чітко структурований та складається з таких теоретичних блоків: «Теоретичні й методологічні засади етнолінгвістики», «Національна мова як виразник етнокультури», «Етномовна модель світу».

Рецензований навчальний посібник має значну наукову й науково-методичну цінність. Оскільки етнолінгвістика як наука перебуває на стику лінгвокультурології, фольклористики, етнопсихології, етнології, то це може бути використано у процесі засвоєння інших академічних курсів із циклу професійної і практичної підготовки студентів, а також стане при нагоді в опануванні сучасної української літературної мови, лінгвокультурології, соціолінгвістики, когнітивної лінгвістики та в підготовці наукових робіт різного спрямування, при укладанні словників нового типу тощо.

Теоретичні і прикладні питання української етнолінгвістики, викладені у змісті навчального посібника, можуть бути використані, крім того, і у процесі вивчення слов'янської філології та засвоєнні відомостей з інших гуманітарних

царин, оскільки порушена проблематика є предметом дослідження з україністики загалом.

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ КЛАССИКИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ

Б.Н.ТАРАСОВА

Харченко Вера Константиновна

(Белгород, Россия)

Б.Н. Тарасов «Тайна человека» и тайна истории: непрочитанный Чаадаев, неопознанный Тютчев, неслышанный Достоевский». СПб.: Алетейя, 2012. – 352 с.

В современной гуманитарной науке, в частности в филологии, исследовательский и «рецензионный» векторы, как правило, разведены в пользу первого вектора, в силу чего рецензии не воспринимаются научным сообществом как один из исследовательских жанров-канонов. Типичны ситуации, которые можно обозначить как микрорецензирование, то есть весьма распространённая (что, конечно же, хорошо!) цитация в собственной работе значимых фрагментов «чужих» исследований. Однако такое «лоскутное», продиктованное собственной темой, изучение трудов предшественников и современников сопровождается заметным отсутствием опубликованных комплексных, суммарных, обобщающих характеристик большинства монографий. Не стало традицией цитировать рецензии, то есть и этот фонд размышлений включать в орбиту анализа материала. (Правда, всё сказанное требует соблюдения одного серьёзнейшего требования: автор монографии не должен лукаво становиться подпольным автором рецензии на свою же собственную работу!). Кстати, материалами для рецензий монографических трудов могут становиться и отзывы оппонентов о докторских диссертациях, драматические моменты которых, как, впрочем, и пафосные, в соответствии с тем, что изложено в монографии диссертанта, содержат немало интересных

поворотных точек, которые требуют внедрения в общее пространство исследовательских усилий, а не только в архивные подземелья ВАК.

Итак, книга профессора Бориса Николаевича Тарасова, с 2006 года – ректора Литературного института им. А.М. Горького. Начнём с издательства. Показывая обозначенную книгу приехавшему из Тбилиси кандидату филологических наук Янису Ашотовичу Манукяну, мы слышали: «Алетейя»? Это то издательство, книги которого можно покупать, не задумываясь, не глядя! Это – уровень!» К тому времени книга Б.Н.Тарасова была уже нами прочитана, и мы полностью согласились с прозвучавшей оценкой. Действительно, в рецензируемой книге выдержан глубокий уровень подхода. Действительно, в исследовании правят бал актуальность и новизна оценок. В подзаголовке интригующая триада, три автора, которым уделено равновесное внимание исследователя. Это (в обратном порядке) наиболее изученный, «модный», весьма востребованный зарубежным литературоведением Ф.М. Достоевский; Ф.И. Тютчев, рассматриваемый чаще и глубже как поэт, но отнюдь не как философ, и, наконец, П.Я. Чаадаев, отношение к которому в отечественной филологии неизменно повернуто на диагноз. Выровнять все эти три линии, три вектора мысли – задача не из простых, но помогают определяющие, вынесенные в подзаголовок слова: непрочитанный, неопознанный, неслышанный. Заметим, что это в России – стране подчёркнуто литературоцентричной, где писатель заведомо воспринимается как пророк. Ценность книги Б.Н.Тарасова, прежде всего, в том, что, во-первых, она даёт бой стандартным оценкам, а во-вторых, проецирует этику мировоззренческого подхода исследуемых писателей на сегодняшний день, когда мы имеем, что имеем.

Беда современной этико-философской мысли заключается в том, что она не встраивается в мейнстрим современности. По мысли Г. Сунягина, у нас в вузах преподают не философию, а историю философии: [Сунягин 2011: 147-150]. Современный политический дискурс и медиа-дискурс – увы и ах! –

далеки от науки, научные наработки в них не встраиваются. Борису Тарасову удалось совместить научный подход с цитатами, анализом, аргументацией и политико-публицистический подход, в свете которого слишком многие высказывания Чаадаева, Тютчева, Достоевского (впрочем, и других авторов, упоминаемых в книге) звучат более чем злободневно. В триаде писателей Чаадаеву уделено больше внимания, поскольку философско-этическая мысль Чаадаева менее известна современному читателю. Анализируя ранее шестисотстраничную книгу профессора В.В. Щеулина (Липецкий государственный педагогический университет), мы подчеркнули зарождение нового жанра: научно-публицистического трактата [Щеулин 2012], признаками которого являются: объем материала и широта охватываемых проблем, междисциплинарность подхода, научно-публицистический стиль изложения, облегчающий процедуру внедрения наработанного учёным в ситуации современности.

Вышедшая в том же 2012 году книга профессора Б.Н. Тарасова также может быть истолкована как научно-публицистический трактат. Покоряет блестящее владение литературой вопроса. В орбиту дискуссии втянуты авторы, которых мы бы вряд ли когда прочитали, но которые помогают понять духовно-психологическое состояние, например П.Я. Чаадаева, манеру философа оставлять карандашные отметки на книгах. Автор не только обращается к О.Г. Шереметьевой – исследователю библиотеки П. Чаадаева, но и сам комментирует пометки на полях книг.

Б.Н. Тарасов раскрывает мучительный путь П.Я. Чаадаева в попытке согласовать притязания ума с «покорной верой» (с. 55), демонстрирует прозорливость философа: «Нельзя сделать открытия, не предполагая заранее, затем оно доказывается и подтверждается наблюдением, опытом или рассуждением, но всегда необходимо предположение» (с. 58). Напомним, что в современной гносеологии и эпистемологии, теории исследовательской мысли, идея предваряющего открытия, «предположения» зазвучала лишь с середины

XX века. Не удержимся, чтобы не процитировать ещё одно высказывание Чаадаева, которое автор книги трактует как весьма злободневное: *«Необходимо добиться, чтобы новшество из-за одной новизны своей никогда... не ценилось»*. Замечательно вписывается это предостережение Чаадаева в ситуации с наукой, с образованием сегодняшнего дня. А требование Чаадаева отказаться от роковой экзистенциальной привычки всё относить к себе, дабы обрести «рассудок без эгоизма»? Автор подробно останавливается на положительных оценках Чаадаевым нравственных элементов русской культуры, которые столь часто замалчиваются или подвергаются сомнению.

Но даже не это составляет главный пафос рецензируемой книги. Автор пишет о набирающем обороты процессе политизации мыслей и даже чувств, под прессом которой оказываются «не успевающие сказать своё цельное и полное слово мыслители и писатели прошлого. Они снова подвергаются обрезанию, превращаются в какой-то подсобный материал для «плюралистической» борьбы и достижения общественно-политических целей» (с. 71-72).

На протяжении всей своей книги Б.Н. Тарасову не единожды приходится давать бой, например Ольге Кучкиной, приписывающей Чаадаеву в качестве единственной заслуги обличение крепостного права (с. 73). Более того, увидевшей в самом храбром в нашей литературе герое Петре Гринёве (на фоне виселиц ответившем Пугачёву, что не нарушит присяги, то есть пойдёт против Пугачёва!) лишь *«худосочную дворянскую спину»*.

Не менее интересны, рельефны страницы, посвящаемые другому философу – Федору Тютчеву. Б.Н. Тарасов не единожды открывает нам известное имя с неизвестной, актуальной для нас стороны. Как-то мы даже пытались отследить, сколько раз цитируется тютчевское «Умом Россию не понять...», цитируется, дабы... не цитировать ничего другого, не менее глубокого. Б.Н. Тарасов раскрывает перед читателем поэта, философа с удивительной стороны, например через возражение Ф. Тютчева Шеллингу:

«Сверхъестественное лежит в глубине всего наиболее естественного в человеке. У него свои корни в человеческом сознании, которые гораздо сильнее того, что называют разумом...» (с. 116). Ф. Тютчев переживал, что преобладающим аккордом становится принцип личности, *«доведённый до какого-то болезненного неистовства»* (с. 119), что теоцентризм сменился антропоцентризмом: всякая власть исходит от человека, что не есть хорошо... Увы и ах! Редкая диссертация по лингвистике не начинается сейчас с реверанса именно антропоцентризму. Модное слово отнюдь не безобидно. Тютчев не познан. *«Не плоть, а дух растлился в наши дни»*. Книгу хочется пересказывать и цитировать, зачитывать фрагменты, а ведь это показатель профессионализма автора и своевременности идей и акцентов.

Современный философ Мераб Мамардашвили писал о поступке, философии поступка, невыгодного человеку, но побуждающего совершить этот высоконравственный шаг [Мамардашвили 2000: 70]. Оказывается, эта мысль восходит ещё к Тютчеву, писавшему о необходимости *«различать наше Я от нашего не-Я»*, и находит продолжение в работах Михаила Бахтина, Питирима Сорокина. Православие – это не только храмы и обряды, это ещё и поведение, отношение к своим близким. Особый разговор в книге вызывает вынесенная в название одной из глав строка митрополита Московского и Коломенского Филарета: *«Недостатки охранителей обращаются в оружие разрушителей...»*. Идея «идеального самодержавия» должна найти в обществе *«достойных и талантливых выразителей»*. Скольким решениям недостаёт сейчас достойных и талантливых выразителей, чтобы не менять, а сохранять, не разрушать, а отстраивать, не конфликтовать, а объединяться!

Особое место уделено в книге Ф.М. Достоевскому, причём с анализом оценочных трафаретов, с одной стороны, и анализом специфики творчества писателя, с другой. Например, с учётом того факта, что Достоевский был психолог явный: в прозе писателя нет усреднённых типов. В этих главах Б.Н. Тарасов поднимает пласты исследований, которые редко цитируются, но

которые заслуживают внимания и оценки. Особое место уделено идее свободы, «свободного хотения», по Достоевскому, вплоть до «дикого каприза». *«Автор «Записок из подполья» устами своего героя-парадоксалиста утверждает свободу как глубочайший метафизический корень, основную ценность и одновременно самый крупный камень преткновения в жизнедеятельности людей»* (с. 193-194).

И что ещё значимо: в работе Достоевский вписан в круг своего чтения и мальчиком, пребывающим под воздействием романов ужасов и тайн Анны Радклиф, и состоявшимся писателем, восхищающимся гением Виктора Гюго, и полемистом, защищающим христианский свет пушкинской Татьяны, и рекомендовавшим дочери читать и перечитывать Диккенса. Исследуя крупных писателей, мы часто сразу переходим к их творчеству, не учитывая воздействия на них космоса прочитанного, принятого или не принятого сердцем. Отсюда гениальность и точность идеи, попытка показать носителей идеалов (князя Мышкина, Алешу Карамазова) среди реально живущих людей. *«Зосима отмечает двойное благотворное воздействие конкретного добра – на личность, его совершающую, и на того, на кого оно направлено»* (с. 346). Тексты Достоевского тому подтверждение.

Выше мы упомянули литературоцентричность россиян, не раз отмечавшуюся исследователями (А.М. Панченко, Ю.М. Лотманом) и писателями-публицистами (В. Пьецухом). Но вот что интересно. Обилие звёзд первой величины на общелитературном небосклоне приводит к тому, что изучавшихся авторов продолжают изучать ещё пристальнее, тогда как другим писателям уделяется внимания всё меньше и меньше. Так образуются сгустки интереса. Задача отечественных литературоведов регулировать этот, в чём-то неизбежный процесс, и Б.Н. Тарасов свою глубокую и интересную книгу посвятил как раз тому, чтобы П. Чаадаев был нами прочитан, Ф. Тютчев познан, а Ф. Достоевский, наконец-то, услышан.

Выводы

1. Анализ книги Б.Н. Тарасова, как ранее предпринятый нами анализ книги В.В. Щеулина, продемонстрировал зарождение нового жанра, который можно обозначить как научно-публицистический трактат. Научно-публицистический трактат – это объёмное по материалу сочинение, сочетающее в себе яркость личной позиции автора по животрепещущим вопросам современности с научной базой доказательности, аргументации своих заключений, то есть с цитатами, отсылками, параллелями, реминисценциями, соположениями и, что немаловажно, с собственным исследованием затрагиваемой злободневной проблемы.

2. Рецензируемая книга Б.Н. Тарасова открывает такое «белое пятно» в современном литературоведении, как глубокое описание-соположение ряда имён на литературном небосклоне, что на порядок труднее, чем изучение одного-единственного имени. Чаадаев и Достоевский, Тютчев и Чаадаев, Достоевский и Тютчев – такие проекции углубляют представление о каждом из выдающихся писателей, и это на перспективу может послужить отправной точкой иных соположений в структуре классиков и первого ряда, и не первых рядов. Бинарное, терциарное исследование писателей-классиков требует разработки своей методологии, не допускающей остановки на констатации фактов по типу, например: у Пушкина так, у Лермонтова – так. Здесь исследовательская мысль работает в категориях сопряжения, опровержения, взаимодополнения, прогноза, ретроспекции.

3. В своей книге Б.Н. Тарасов стремится, с одной стороны, защитить каждого из трёх избранных авторов от расхожих, банальных оценок-клише, а с другой стороны – выявить злободневность классики, точность прогнозов развития России, к чему целесообразно прислушаться и что можно взять на вооружение и «озвучивание», как, например, тезис Чаадаева о недопустимости новизны только во имя новизны. Столь же актуален сейчас тезис Ф. Тютчева о недопустимости торжества антропоцентричности в ущерб теоцентричности.

4. Автор книги обратил серьёзное внимание на круг чтения каждого из писателей. Такую библиографическую наиважнейшую компоненту мы нередко вообще опускаем, тогда как именно она способна объяснить многое в идиостиле и идиолекте писателя, в сюжетах и композиции (чтение юным Достоевским книг Анны Радклиф). Здесь просматривается значимость библиографического метода в исследовании творчества того или иного писателя-классика, что актуально сейчас, когда книжную культуру вытесняет культура Интернета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили М.К. Из краткого введения в философию // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 64-73.
2. Сунягин Г. Философия в университетском сообществе // Нева. 2011, № 2. С.147-156.
3. Щеулин В.В. В поисках истины: Из истории вопроса о том, откуда и кто мы, русские. Елец: Изд-во Елецкого гос.ун-та им. И.А. Бунина, 2012. – 608 с. *Рец.:* Philologos. Вып. 16 (1). 2013. С. 96-98.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: О КНИГЕ Е.В. ТОНКОВА «ЗАПИСКИ ПРОРЕКТОРА»

Харченко Вера Константиновна

(Белгород, Россия)

Собственно, это подзаголовок, название же книги – «Будни педагогического вуза». Это своеобразное продолжение предшествующей книги «Будни сельской школы», где автор повествует о своей работе сначала в малокомплектной школе, потом в средней общеобразовательной (Новая Усмань Воронежской области). У обеих книг сходный эффект: начинаешь читать – и оторваться уже невозможно потому, что написано живо, правдиво, с присущим самому автору уникальным чувством юмора, и потому, что покоряет чувство ответственности не только за дело, которому служил, но теперь и за слово об этом деле.

Здесь вот что важно. По вскользь высказанной в одной из рецензий мысли Р.М. Фрумкиной, наша история... бедна фактами, тем более, продолжим, бедна фактами недавняя наша история. Эпохи, удалённые от нас, становятся нам близкими, тогда как недавно прожитые уходят из памяти, будто проваливаются в сознании, оставаясь разве что в осколочных эмоциях. Получается, что перед советским периодом, читаем между строк, мы все в долгу. Именно тогда, в советский период, закладывались основы советской этики и советской педагогики, закладывался фундамент профессионализма в сознание студента, выпускника вуза, были заложены основы, удерживающие социум и после исчезновения советской идеологии. Впрочем, идеология бесследно и так «запросто» не исчезает, её последствие ощущается ещё долгие годы.

Обычно об образе автора пишут в конце рецензий, но, пожалуй, сейчас именно с этого целесообразно начать небольшой анализ. Привлекательный персонаж, хорошо знакомый коллективу НИУ «БелГУ», ведёт повествование от первого лица, и эта книга может служить иллюстрацией к такому направлению гуманитарного знания, как ПЕРСОНОЛОГИЯ. Социум может и, наверное, должен осмысливать себя и через повествование отдельных его членов, тем более влиявших на его же, социума, развитие. Поколение незаметно уходит и вместе с ним уходит история поколения, и белых пятен на карте родиноведения, регионоведения, Белгородоведения становится всё больше. Так что оценим то, что предпринято, сделано наперекор так называемой энтропии.

Книга отличается, выигрывает ГАРМОНИЕЙ. В ней парадоксально отражено «всё»: рассказы о себе и о других, о членах семьи и сослуживцах, о начальниках и подчинённых, о буднях (в свете заглавия!), но и о праздниках (милых сердцу теперь демонстрациях!), о серьёзных научных вопросах управления воспитанием и о поездке в колхоз на уборку свёклы. Рассказы о трудностях перемежаются описанием комичных ситуаций, коими полна, в том числе, преподавательская повседневность. Но и это ещё не всё. Здесь

повествуется о строительстве учебных корпусов, о международном сотрудничестве (выступления автора с лекциями в Польше, Германии), уважительно (а это тоже педагогика!) рассказывается о студентах и их судьбах.

Парадоксально, что всё это уместилось в 96 страниц – такая плотность и делает книгу полной, правдивой и потому захватывающей внимание и прочно оседающей в памяти. Отметим ещё одно гармоничное, хотя и весьма запрятанное в подтекст начало в книге Е.В. Тонкова, касающееся образа автора, – это талант руководить, гармонизирующий с талантом подчиняться.

Рецензируемая книга при всей своей «интересности» подчёркнуто ДОКУМЕНТАЛЬНА, хотя это качество обычно соотносится с опусами, вызывающими чувство уныния и скуки. Наш автор доказывает, что монотонность документирования как раз необязательна. Проставление дат, полное именование преподавателей (урок чести и вежливости!), точность в мелочах, вплоть до цен, номеров учебных аудиторий, наконец, размещение 22 фотоснимков – всё это работает на видеоряд, становится фокусом, семантической капсулой истории вуза. Что касается документальности, то и ранее коллективом авторов были изданы солидные тома, где и сведений на порядок больше, и больше фотографий, и приказы приведены полностью, но, подчеркнём, необходимы и душевные, «индивидуальные» книги по истории незабываемого советского периода: как, ожидая приезда секретаря ЦК КПСС, несколько раз стелили и убирали ковровую дорожку, как помогали школам-комплексам, какую миссию выполняло Педагогическое общество, как назначали на должность... Далее не перечисляю, пусть сама книга продолжит свои маленькие, но ведь подчас и очень важные повествования, нарративы.

НАРРАТИВНОГО, повествовательного компонента как раз и недостаёт солидным изданиям по истории той или иной организации, тем более недостаёт школьным учебникам, что в одной из публикаций подчеркнул М.А. Кронгауз, комментируя ситуацию с преподаванием русского языка в школе. Между тем без рассказов нет занимательности, которую Ф.М. Достоевский, как известно,

ставил на первое место. Занимательность – это более чем серьёзно: будет читатель – будет эффект от написанной книги.

В настоящее время термин «понятие» стал заменяться более элегантным, модным, свежим термином «концепт». Самый главный концепт книги, пожалуй, – ПОВСЕДНЕВНОСТЬ. Повседневность будто бы неповторима, но она хорошо узнаваема: как возили апельсины из Москвы (здесь было не купить!), как грузили мебель и что это была за мебель, как распределяли единственную выделенную на институт машину, как назавтра нашёлся в луже потерянный билет на поезд из Москвы в Белгород. Сейчас повседневность несколько иная, но книга Е.В. Тонкова – это урок на будущее, эстафета. Значит, и тем, кто живёт и работает в постсоветский период, можно озаботиться сбережением мелочей повседневности, сохранением «профессиональных» сюжетов, записью фамилий и судеб тех, кто рядом. Потому что «и это проходит».

И последнее. Если мы хотим кому-либо понравиться, мы этого человека (в нашем случае – читателя!) должны... рассмешить, по пословице: Над кем посмеёшься, тому и послужишь! Евгений Вячеславович не боится смешного в серьёзном. Образ автора привлекателен богатством чувств, а о философии чувств как важнейшем компоненте философии, будто бы целиком посвящаемой рассудку, мышлению, стали писать, в частности М.Н. Эпштейн, сравнительно недавно. Но при том, что сам автор остро переживает за потери ценного, хорошего в той, советской дидактике, педагогике, книга оптимистична.

Теперь поработаем в жанре приложений к рецензии, приложений двух типов. Во-первых, процитируем книгу, которой пытались дать оценку, чтобы проиллюстрировать стиль автора и аргументировать вышеизложенное.

Аудиторий не всегда хватало. Помню, однажды раздумывать не стал и провёл семинар факультета физвоспитания на строительных брёвнах. В другой раз группе поставили семинар в кабинет биологии. Ещё не начались занятия, а скелет человека оказался с папиросой в челюсти, один из студентов

попытался поймать рыбку из аквариума, а другой жевал протравленные для посадки семена (с. 13).

Монографию я решил посвятить памяти отца, но сделать это было не так-то просто. Пришлось несколько раз ездить в Курский пединститут и отстаивать свою правоту (с. 45).

К открытию кафедр тогда относились очень серьёзно. Перед Министерством необходимо было обосновать потребность создания кафедры, и сделать это было не так просто. Теперь открытие кафедр стало прерогативой Учёных советов вузов, поэтому этот процесс претерпел существенные изменения, не всегда к лучшему, нередко под эгидой конъюнктурных соображений (с. 84).

К каждому празднику придумывалась «изюминка». Как-то секретарь комсомольской организации Юра Питинов (сегодня Юрий Никитович руководит университетским профкомом) пришёл на демонстрацию в матросском бушлате и бескозырке с лентами (с. 89).

Во-вторых, в качестве своеобразного приложения проинтервьюируем некоторых других читателей рецензируемой книги.

Директор Педагогического института НИУ «БелГУ» В.Б. Тарабаева:

Эта книга была мне преподнесена, когда я поехала поздравлять Евгения Вячеславовича с юбилеем. Как раз в те дни шла подготовка к выборам на должность директора Педагогического института (новая структура в нашем вузе!). И вот, когда выборы состоялись, я восприняла эту книгу КАК НЕКУЮ ЭСТАФЕТУ, некий символ, я восприняла это как эстафетную палочку, которую Евгений Вячеславович передаёт мне как будущему директору. И мне захотелось соответствовать тому доверию, сохранить традиции. С огромной теплотой эту книгу я прочла, и с огромной теплотой вспоминала тех преподавателей, которые меня учили. Эта книга для меня очень значима. И, конечно, хотелось бы, чтобы и в наши дни можно было бы пройти путь от учителя до проректора, и чтобы этот путь был добрый, и чтобы на этом пути не

было бы скандалов (должность директора очень сложна!), и чтобы из этих трудностей можно было бы с честью выйти. И эта книга – хорошая память о годах, целиком посвящённых миссии проректора.

Директор Юридического института НИУ «БелГУ» Е.Е. Тонков: Я был первым читателем этой книги. Я для себя, несмотря на то, что, конечно же, разговаривал, общался, узнал очень много нового о своём отце. ОТКРЫЛСЯ СОБЫТИЙНЫЙ РЯД, который был мне неизвестен. К сожалению, у отца было мало времени общаться с нами, с семьёй, и я с большим удовольствием прочитал книгу, открыл своего отца с новой стороны, узнал много нового. И не только я, но с удовольствием прочитал эту книгу и мой сын, выпускник нашего вуза, ныне судья. Меня поразила память отца. Ещё в первой своей книге, описывая, как, получив новое назначение, сдавал восьмилетнюю школу, отец помнит, сколько вёдер сдавал, сколько краски покупал... Феноменальная память!

Профессор кафедры педагогики НИУ «БелГУ» И.Ф. Исаев: Первое, что бросается в глаза в книге, – это хорошо выписная, хорошо продуманная и красиво представленная история развития педагогического образования, история развития высшей школы, история, пропущенная через личные переживания. Евгений Вячеславович тридцать лет был проректором, поэтому все изменения в подготовке учителя сам выстрадал, сам пережил, ощутил. Но надо учесть, что Белгородский пединститут – это был институт первой категории, поэтому приезжали высокие гости, поэтому на базе пединститута проводились конференции, олимпиады высокого уровня. Эта книга поучительна во многом и для работающих ныне молодых преподавателей. Я своим аспирантам говорю, что эту книжку неврдно почитать. И на кафедре мы её цитируем. Так и говорим: «из Тонкова». Помню, мы приехали в Смоленский пединститут на международную конференцию. А моя старая директорская привычка – прийти рано утром. Навстречу идёт Кондратенков Александр Евграфович – кандидат наук, профессор, проректор по научной работе, член-

корреспондент Академии педагогических наук. Проходит, смотрит, как всё организовано. И рассказывает: на физмате сегодня открытое занятие, на другом факультете – встреча с актёром. «Надо же, всё знает!», – подумалось. И когда я приехал в Белгород, то увидел, что и Е.В. Тонков всё знал! Всё поддерживал! Был системообразующим человеком! И это СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕЕ НАЧАЛО есть в книжке, этим она и привлекательна.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумова Ольга Борисовна, д.филол.н., доцент, доцент кафедры английского языка, Орловский государственный университет

Алефиренко Николай Фёдорович, д.филол.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Вавринюк Татьяна Ивановна, к.филол.н., доцент, доцент кафедры украинского языка, Криворожский национальный университет (Украина)

Варгова Зузана, аспирант кафедры русистики, Университет им. Константина Философа в Нитре (Словакия)

Воронкова Ольга Александровна, к.филол.н., доцент кафедры филологии, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета

Высочаньски Влодзимеж, профессор Университета во Вроцлаве (Польша)

Зубарева Наталия Николаевна, к.пед.н., доцент кафедры филологии, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета

Кажан Валентина Ивановна, к.филол.н., доцент, доцент кафедры украинского языка, Криворожский национальный университет (Украина)

Калинина Раиса Павловна, к.филол.н., доцент, доцент кафедры русской филологии и зарубежной литературы, Криворожский национальный университет (Украина)

Колоиз Жанна Васильевна, к.филол.н., доцент, зав.кафедрой украинского языка, Криворожский национальный университет (Украина)

Корина Наталья Борисовна, д.филол.н., профессор, профессор кафедры русистики, Университет им. Константина Философа в Нитре (Словакия)

Коростенски Йиржи, к.филол.н., доцент, зав. отделением славистики, Западночешский университет в Пльзене (Чешская республика)

Кугель Анна Владимировна, аспирант кафедры английского языка, Орловский государственный университет

Куманок Ольга Валентиновна, к.филол.н., асс. кафедры филологии, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета

Лисицына Галина Александровна, аспирант кафедры филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Литвин Елена Юрьевна, к.филол.н., доцент, доцент кафедры второго иностранного языка, Московский педагогический государственный университет

Мельник Ниталья Георгиевна, к.филол.н., доцент, зав.кафедрой украинской и мировой литературы, Криворожский национальный университет (Украина)

Осадчая Мирослава Николаевна, аспирант кафедры филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Остроушко Оксана Андреевна, к.филол.н., доцент, зам.директора по учебной работе, Криворожский педагогический институт Криворожского национального университета (Украина)

Панко Инга, аспирант, Сегедский университет (Венгрия)

Свистельникова Светлана Александровна, к.филол.н., начальник отдела научных исследований, Старооскольский филиал Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе

Семененко Наталия Николаевна, д.филол.н., доцент, профессор кафедры филологии, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета

Сологуб Н.М., д.филол.н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела стилистики и культуры языка Института украинского языка Национальной академии наук

Степанченко Иван Иванович, д.филол.н., профессор, Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды (Украина)

Токарев Григорий Валериевич, д.филол.н., профессор, зав.кафедрой документоведения и стилистики русского языка, тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Украинец Людмила Фёдоровна, к.филол.н., профессор кафедры украинского языка, Полтавский национальный педагогический университет (Украина)

Фоменко Елена Геньевна, Запорожский национальный университет (Украина)

Цегельская Марина Валерьевна, к.филол.н., доцент, зав.кафедрой английского языка с методикой преподавания, Криворожский национальный университет (Украина)

Чеботарёва Ирина Михайловна, к.филол.н., доцент кафедры филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Шарманова Наталия Николаевна, к.филол.н., доцент, доцент кафедры украинского языка, Криворожский национальный университет (Украина)

Шубина Наталья Григорьевна, к.филол.н., доцент, зав.кафедрой филологии, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета

Харченко Вера Константиновна, д.филол.н., профессор, зав.кафедрой филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

научное издание

Язык. Культура. Социум:
реалии, категории и механизмы взаимодействия

*Сборник научных трудов по итогам
международного научно-практического семинара
по вопросам филологического образования и межкультурной
коммуникации*

Сдано в набор 26.10.2014 г. Подписано в печать 05.11.2014 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Гарнитура Таймс
Объем 14,23 усл. п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 188

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Квадрат»
309504, г. Старый Оскол, пр-кт Комсомольский, д.73
e-mail: kvadrat1998@Mail.RU